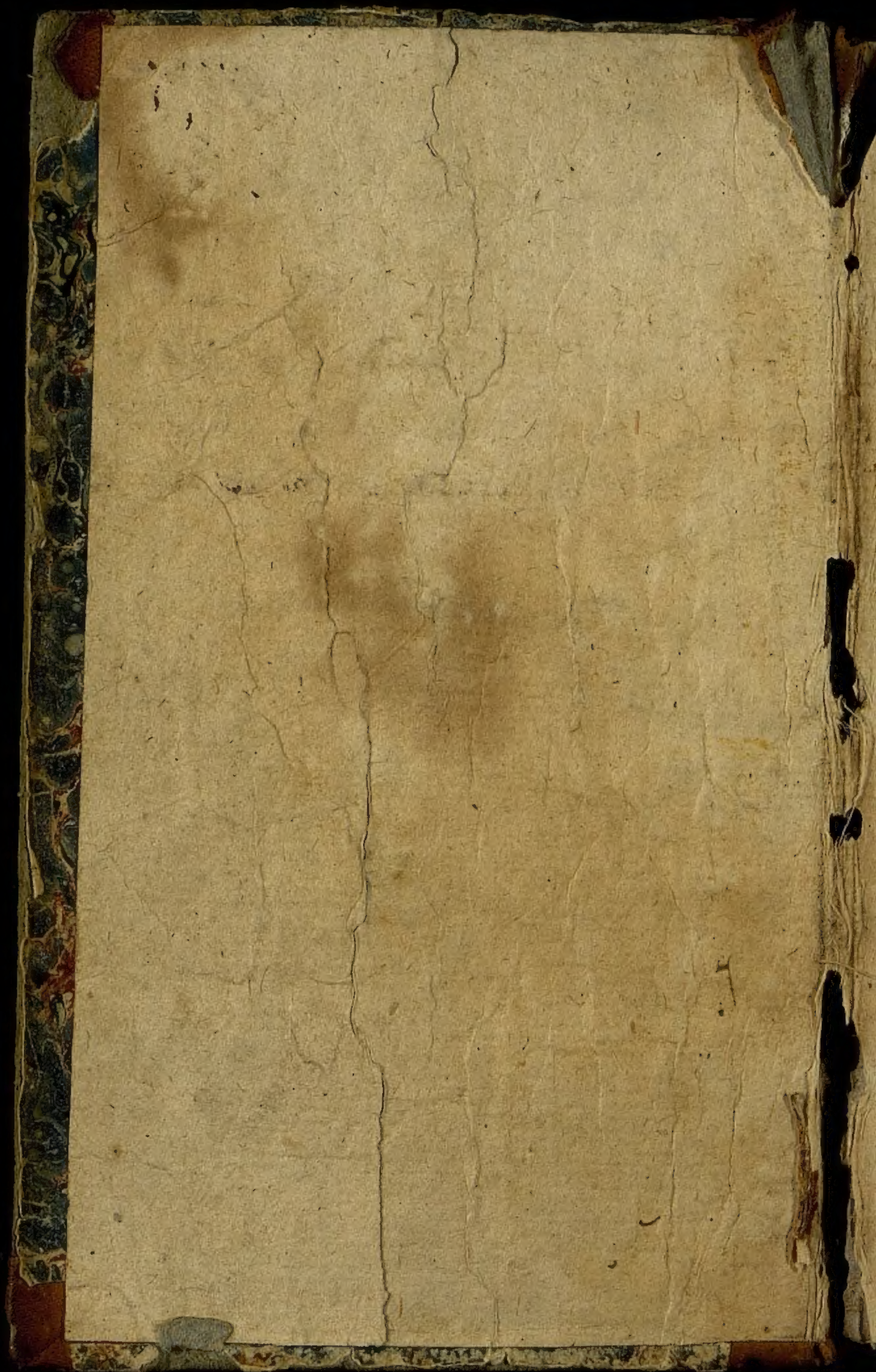

ПЛУТАРХЪ ДЛЯ ЮНОШЕСТВА,

или

ЖИТІЯ СЛАВНЫХЪ МУЖЕЙ ВСѢХЪ НАРОДОВЪ,

отъ древнѣйшихъ временъ донынѣ,

съ гравированными ихъ портретами;

Сочиненіе, могущее возвысить душу молодаго человѣка и украсить сердце его добродѣтелями,

изданное

Петромъ Бланшардомъ.

Переводъ съ Французскаго исправленнаго и пересмотрѣннаго изданія, съ присовокупленіемъ жизнеописаній знаменитѣйшихъ Россіянъ, бывшихъ какъ въ древнія, такъ и новѣйшія времена

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Изданіе третіе, исправленное и умноженное.

МОСКВА,
Въ Типографіи С. Селивановскаго.
1823.

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи до выпуска изъ Типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги для препровожденія куда слѣдуетъ.

С. Петербургъ, 1819 года, Марта 30 дня.

Исправляющій должность Цензора Ординарный Профессоръ

Яковъ Толмачевъ.

Эпаминондъ.

Пелопидъ.

Камиллъ.

Бреннъ.

Филиппъ.

Фокіонъ.

ПЛУТАРХЪ.

ФИЛИППЪ,

ЦАРЪ МАКЕДОНСКІЙ,

живщій около 360 года до Рожд. Христ.

Филиппъ, вторый по имени и седьмый-надесять Царь Македонскій, во время молодости своей содержался аманатомъ въ Ѳивахъ. Тогда-то онъ подружился съ Эпаминондомъ и научился Словесности и Философіи. Старшій братъ его Александръ, царствовавшій одинъ только годъ, оставилъ по смерти своей престолъ Македонскій Пердикку, который былъ убитъ на пятомъ году владѣнія своего при одномъ сраженіи. Филиппъ, младшій изъ всѣхъ, убѣжалъ изъ Ѳивъ, прибылъ въ Македонію, и тамъ признанъ Царемъ за 360 лѣтъ до Рожд. Христ. Потери, учиненныя его братьями, привели государственныя дѣла

въ весьма дурное состоянія; но дарованія младаго Государя все исправили. Онъ болѣе всего занимался военною наукою и вскорѣ сдѣлался такъ силенъ, что могъ противустать своимъ непріятелямъ. Хотя онъ имѣлъ всѣ способы надѣяться на свое оружіе, но у него были еще и другія средства къ побѣдѣ. Онъ старался достигнуть своей цѣли, какимъ бы то образомъ ни было: употреблялъ деньги и войско, и не щадилъ ничего, чтобъ подкупить непріятелей, которые могли быть ему полезны, или которыхъ не могъ побѣдить силою. Столь же несправедливая, сколько и выгодная политика заставила его съ самаго начала прибѣгнуть къ сему средству. Иллирійцы, Пеонійцы и Ѳракіане, думая воспользоваться его младостію, дѣлали частые набѣги на Македонію. Филиппъ обезоружилъ два послѣдніе народа подарками, а первые не смѣли уже поступать по прежнему. Потомъ началъ онъ войну съ жителями Амфиполиса, овладѣлъ городомъ, выгналъ оттуда всѣхъ, кои ему противились, и обошелся весьма ласково съ остальными. Взятіе сего города весьма усилило Филиппа: оно облегчило ему завоеваніе Пидна и заключеніе союза съ

Олинтіанами, котораго искали и Аөиняне. Потомъ взялъ онъ Потидею, гарнизонъ оный, составленный изъ Аөинянъ, былъ также обласканъ и отосланъ съ военными почестями.

Аөиняне, нечувствуя сего уваженія, вооружились, желая лишить его престола; но Филиппъ побѣдилъ ихъ при Меөонтѣ, взялъ множество въ плѣнъ и отослалъ назадъ безъ выкупа. Сіе великодушіе тронуло Аөинянъ; они начали искать его союза и получили желаемое. Потомъ занялся сей Государь Иллирійцами, которые оскорбляли его безпрестанно, и привелъ ихъ въ несостояніе вредить себѣ.

Необходимость въ деньгахъ заставила его обратить вниманіе на Крениды, городъ, которому онъ далъ свое имя и который въ окружности своей имѣлъ знатные золотые рудники. Онъ приставилъ къ нимъ работниковъ и первый приказалъ бить золотую монету на свое имя. Полученное оттуда богатство употреблено на содержаніе лазутчиковъ и сообщниковъ во всѣхъ важныхъ городахъ Греческихъ и на дѣланіе завоеваній безъ помощи оружія. Въ то время, какъ онъ находился въ Өракіи и осаждалъ Меөонъ, небольшой городъ сей провинціи, выколола

ему правый глазъ стрѣла, пущенная Астеромъ (*).

Давно уже имѣлъ онъ намѣреніе завладѣть Греціею и сдѣлалъ первое къ тому покушеніе надъ Олинтомъ, поселеніемъ и оградою Аѳинскою. Демосѳенъ былъ тогда во всей силѣ своей и славѣ: сильное его краснорѣчіе дѣлало такое впечатлѣніе въ народѣ, и оный весьма скоро рѣшился сражаться за общее дѣло, между тѣмъ какъ каждый изъ народа въ особенности отчаявался успѣть въ семъ предпріятіи. Только великаго оратора и добродѣтельнаго Фокіона, какъ единственнаго человѣка въ Греціи, страшился Филиппъ наиболѣе. Демосѳенъ склонилъ Аѳинянъ послать 17

(*) Сей Астеръ, гражданинъ Амфиполійскій, явился къ Филиппу, какъ искусный стрѣлокъ, убивавшій на лѣту птицъ, и предлагалъ свои услуги: „Я тогда возьму тебя въ свою службу, отвѣчалъ „Царь, когда буду воевать съ воробьями.“ Астеръ, разсердившись, клялся отмстить ему и нашелъ сей случай при осадѣ Меѳона Онъ пустилъ стрѣлу, съ надписью: „въ Филипповъ глазъ.“ Царь обратилъ ее къ нему, съ сими словами: „Филиппъ, взявши городъ, велитъ Астера повѣсить,“ что и исполнилось.

галеръ и 2000 человѣкъ войска на помощь къ Олинтіи; но всѣ сіи усилія были безполезны противъ замысловъ Филиппа. Сей Государь подкупилъ знатнѣйшихъ Олинтскихъ гражданъ, которые и сдали ему городъ. Овладѣвъ сею крѣпостію, разрушилъ ее до основанія и пріобрѣлъ сосѣдніе города своею щедростію и пиршествами, данными народу. Потомъ напалъ на Фокіянъ и побѣдилъ ихъ. Слѣдуя всегда своему плану, приказалъ онъ объявить себя начальникомъ Амфиктіоновъ и заставилъ ихъ ускорить паденіе всѣхъ городовъ Фокиды.

Наконецъ Греція узнала цѣль его политики. Тогда Филиппъ, для отвлеченія умовъ отъ сего предмета, возвратился въ Македонію и объявилъ войну Иллирійцамъ, Ѳракійцамъ и Херсонесу; потомъ обратилъ оружіе свое противъ Эвбеи, острова, который онъ называлъ, по причинѣ его положенія, путами Греціи. Посредствомъ подкупа и оружія овладѣлъ онъ частію страны сей; но Фокіонъ, которой столь же искусенъ былъ въ войнѣ, какъ и онъ, и котораго не льзя было подкупить, скоро лишилъ его сей побѣды. Филиппъ видя, что ему не льзя ничего выиграть у сего героя,

а потерять можно много, обратился войною противъ Скиѳовъ и получилъ знатную добычу.

Однакожъ онъ не оставилъ своего намѣренія въ разсужденіи Греціи, но возвратился къ ней опять. Онъ предложилъ миръ республикѣ Аѳинской. Фокіонъ, предвидя будущее, совѣтовалъ Аѳинянамъ принять оный; напротивъ того Демосѳенъ, слѣдовавшій одной горячности, побуждалъ ихъ къ войнѣ, и къ нещастію, его послушались. У Фокіона отнято начальство, и войска, худо управляемыя, разбиты Филиппомъ. Это случилось при Херонеѣ за 338 лѣтъ до нашего лѣтосчисленія. Филиппъ воздвигнулъ трофеи, принесъ богамъ жертвы и предался всѣмъ заба..мъ на пиршествѣ, данномъ съ честь сей побѣды. Упоенный радостію и виномъ, унизился до того, что началъ ругаться надъ плѣнными. Ораторъ Демадесъ, находившійся въ числѣ сихъ послѣднихъ, осмѣлился упрекнуть его въ семъ поступкѣ, столь недостойномъ Государя: „ты „можешь играть роль Агамемнона, сказалъ онъ, а поступаешь какъ Тер„ситъ.“ Филиппъ имѣлъ благородную душу; сей выговоръ, могшій раздражить всякаго другаго побѣдителя,

образумилъ его: онъ такъ благодаренъ былъ Демадесу, что обошелся съ нимъ, какъ съ другомъ, приказалъ отпустить плѣнныхъ безъ выкупа и помирился съ Аѳинянами. При семъ случаѣ совѣтовали ему поступить съ плѣнными съ большею жестокостію; но онъ отвѣчалъ, „что Государю, ко„торый все дѣлалъ и все сносилъ для „славы, не надобно совѣтовать разру„шить первѣйшій театръ его безсмер„тія,„ то есть, Аѳины, прибѣжище наукъ и колыбель просвѣщеннѣйшихъ и краснорѣчивѣйшихъ людей. Столь благородныя чувствованія нѣкоторымъ образомъ прикрываютъ чрезмѣрное честолюбіе Филиппово. Сіе-то честолюбіе привело сего Государя наконецъ къ любимому его предпріятію, состоявшему въ томъ, чтобъ объявить себя главнымъ полководцемъ Грековъ. и предводительствуя ими, итти войною на Царя Персидскаго. Онъ дѣйствительно сдѣлался главою; но готовясь произвести въ дѣйство великое свое намѣреніе, былъ убитъ однимъ изъ своихъ любимцевъ, Павзаніемъ, совершившимъ сіе злодѣяніе въ мщеніе за то, что Государь сей лишилъ его своей милости. Филиппъ имѣлъ тогда 47 лѣтъ отъ роду, а царствовалъ 24 года.

Естьли бы сей Царь имѣлъ менѣе честолюбія, или умѣлъ лучше управлять имъ, то былъ бы истинно великій человѣкъ. Онъ былъ уменъ, дѣятеленъ; но коварная политика заставляла его всегда прибѣгать къ низкимъ средствамъ. Одинъ разъ говорили ему, что крѣпость, которую онъ располагался взять, такъ защищена природою, что не можно овладѣть ею. »Какъ! отвѣчалъ онъ, развѣ въ нее »нельзя провести осла, навьюченнаго »золотомъ?« Онъ подкупилъ главнѣйшихъ чиновниковъ республикъ Греческихъ, и такимъ образомъ заставилъ ихъ презирать собственную свободу. По сей-то причинѣ блескъ, производимый до тѣхъ поръ Греціею, началъ мало по малу меркнуть. Филиппъ слѣдовалъ гнусному правилу, »что дѣтей »забавляютъ игрушками, а взрослыхъ »клятвенными обѣщаніями.« Все политическое его поведеніе основано было на сихъ правилахъ.

При всемъ томъ онъ во многихъ случаяхъ оказывалъ умѣренность и справедливость, какой только можно ожидать отъ Государя. Тотъ, кто отъ одного слова плѣнника Демадеса остановился среди постыднаго дѣянія, конечно былъ Государь необык-

новенный; тысяча другихъ на его мѣстѣ наказали бы Аѳинянъ потому единственно, что они были несправедливы. Онъ зналъ все пространство должностей своихъ. Одна женщина, желая принести ему жалобу и бывъ отослана подъ предлогомъ, что онъ не имѣлъ времени, осмѣлилась сказать ему: «перестань быть Царемъ.» Дерзость сія не только не раздражила Филиппа, но еще заставила выслушать какъ эту женщину, такъ и другихъ, слѣдовавшихъ за нею просителей. Одинъ изъ его родственниковъ требовалъ у него пощады преступнику и получилъ въ отвѣтъ: «пусть лучше падетъ безчестіе на виновнаго, нежели на меня, «отправляющаго должность судіи.» По словамъ Корнелія Непота, онъ болѣе всѣхъ хвалился воинскою предусмотрительностію и искуснымъ отправленіемъ дѣлъ. Славу, происходящую отъ того, всегда ставилъ выше славы, пріобрѣтенной оружіемъ. «Въ «побѣдѣ, говорилъ онъ, участвуютъ «всѣ сражающіеся; но въ дѣлахъ, при«веденныхъ къ концу собственнымъ «моимъ благоразуміемъ, я не раздѣляю «ни съ кѣмъ слѣдующей мнѣ за то по«чести.» Въ другомъ случаѣ Филиппъ

слушая дѣло, заснулъ и проснулся, какъ бы нарочно, въ то самое время, когда надлежало дать рѣшеніе; онъ далъ его, но обвиненный сказалъ: »я »переношу дѣло на аппелляцію!» — Къ кому? вскричалъ Государь съ удивленіемъ. — »Къ пробудившемуся Фи»липпу,» отвѣчалъ проситель. Филиппъ почувствовалъ свою ошибку, отмѣнилъ приговоръ и вновь разсмотрѣлъ дѣло съ вниманіемъ. Онъ былъ щедръ и любилъ заставлять молчать своихъ непріятелей посредствомъ благодѣяній. Одинъ Ахеянинъ, говоритъ Корнелій Непотъ, злословилъ его безпрестанно. Сей человѣкъ черезъ нѣсколько времени прибылъ въ Македонію, и придворные совѣтовали Царю наказать дерзкаго, пока онъ находился въ рукахъ его. Напротивъ того Царь разговаривалъ съ нимъ очень ласково и послалъ даже къ нему подарки. Черезъ нѣсколько времени спросилъ онъ, что говоритъ объ немъ сей человѣкъ въ Греціи. Онъ васъ очень хвалитъ, отвѣчали ему. »Видите ли, »сказалъ Филиппъ, оборотясь къ при»дворнымъ, я знаю лучше васъ, чѣмъ »надобно прекращать злословіе.» Нѣкогда совѣтовали ему въ другой разъ отмстить Грекамъ, которые на Олим-

пійскихЪ играхЪ очень дурно обЪ немЪ отзывались, получивЪ отЪ него прежде многія милости. „ЧтожЪ будутЪ „они говорить тогда, когда я сдѣлаю „имЪ зло?„ возразилЪ ФилиппЪ. Когда обвиняли передЪ нимЪ Никанора, говорившаго обЪ немЪ весьма худо: „Никанорь добрый человѣкЪ, отвѣчалЪ „Царь, и дѣло состоитЪ не вЪ томЪ, „чтобЪ его наказывать, но чтобЪ „узнать, не мы ли сами причиною „его заблужденія.„ ВЪ самомЪ дѣлѣ узналЪ онЪ, что НиканорЪ былЪ весьма бѣденЪ и что ему никогда не помогали вЪ нуждахЪ. ОнЪ приказалЪ доставить ему все, что могло перемѣнить состояніе сего человѣка, и НиканорЪ началЪ хвалить его. „Видите „ли, сказалЪ опять ФилиппЪ, что отЪ „самихЪ насЪ зависитЪ заставить „говорить обЪ насЪ худо и хорошо.„ ОнЪ обыкновенно говаривалЪ, что очень обязанЪ АѳинскимЪ ораторамЪ, ибо они злословіемЪ своимЪ заставляли его становиться болѣе и болѣе справедливымЪ какЪ на словахЪ, такЪ и на дѣлѣ. НѣкогдаприсутствовалЪ онЪ при продажѣ плѣнныхЪ, взятыхЪ имЪ на сраженіи. ОдинЪ изЪ сихЪ послѣднихЪ вскричалЪ: „ФилиппЪ! пощади „меня; я твой пріятель.„ Почему?

спросилъ Филиппъ. «Я это скажу »тебѣ одному, повторилъ плѣнникъ.« Филиппъ велѣлъ привести его къ себѣ, и тогда плѣнный сказалъ ему тихимъ голосомъ: »опусти немного епанчу »свою: ты стоишь въ непристойномъ »положеніи.« Государь доволенъ былъ симъ увѣдомленіемъ и велѣлъ освободить его, сказавъ: »онъ въ самомъ »дѣлѣ мой пріятель; я было и забылъ »объ немъ.«

ФОКІОНЪ,

полководецъ аѳинскій,

родился за 400 лѣтъ до Рожд. Христова.

Надобно, чтобъ для добродѣтели вездѣ разставляемы были сѣти, есть-ли столь немногіе люди оставляютъ жизнь безъ ущерба своей славы. Фокіонъ принадлежитъ къ небольшому числу людей, сопротивлявшихся стремленію, увлекающему другихъ болѣе или менѣе; и славное сіе усиліе не избавило его ни отъ клеветы, ни отъ нападковъ со стороны облагодѣтельствованныхъ имъ. Онъ былъ столько же добродѣтеленъ, какъ Аристидъ, но гораздо нещастливѣе. Сей

великій человѣкъ учился у премудраго Платона и строгаго Ксенократа; характеръ его имѣлъ великое сходство съ характеромъ сего послѣдняго философа. Сказываютъ, что онъ никогда не смѣялся, никогда не плакалъ, никогда не бывалъ въ публичной банѣ и не выставлялъ рукъ своихъ, естьли имѣлъ на себѣ длинное платье. Хотя характеръ его былъ кротокъ и человѣколюбивъ, но физіогномія его имѣла какую-то суровость, отдалявшую отъ него всѣхъ незнакомыхъ. Однажды ораторъ Харесъ шутилъ надъ нахмуренными его бровями, и народъ не могъ удержаться отъ смѣха. „Смѣйтесь, Аѳиняне! сказалъ Фокі-„онъ, смѣйтесь надъ моими бровями: „они никогда не сдѣлали вамъ зла; но „пріятный видъ вашихъ говоруновъ „часто заставлялъ васъ плакать.„ Слова сіи соотвѣтствовали суровой его наружности. Онъ не льстилъ народу; но говорилъ ему только полезное. Хотя онъ былъ и весьма краснорѣчивъ, но всегда старался говорить сколько можно менѣе. Одинъ изъ пріятелей, видя его въ задумчивости, спросилъ: чѣмъ онъ занимается? „Я „думаю, отвѣчалъ Фокіонъ, не льзя „ли чего-нибудь убавить изъ тѣхъ

„словъ, которыя теперь хочу сказать Аѳинянамъ.“ Самъ Демосѳенъ боялся его, и всякой разъ, какъ Фокіонъ готовился что-нибудь сказать народу, говорилъ друзьямъ своимъ: „вотъ бичь рѣчей моихъ.“ Поведеніе сего мужа сообразно было словамъ его.

Происхожденіе его неизвѣстно, и вѣроятно, что предки его были не очень знатны. Въ молодости обучался онъ военной наукѣ у Хабрія, и отличился такъ, что пріобрѣлъ благоволеніе всего народа; но не хотѣлъ, по обычаю тогдашняго времени, дѣлать выбора между воинскимъ и гражданскимъ состояніемъ. Онъ былъ, подобно Периклу, Аристиду и Ѳемистоклу, вмѣстѣ искусный политикъ и великій воинъ. Хотя его 45 разъ выбирали въ полководцы Аѳинскіе, хотя служба его почти всегда сопровождалась успѣхами; однакожъ никто болѣе его не совѣтовалъ своимъ согражданамъ прилѣпляться къ миру. Онъ былъ такъ честенъ, что не хотѣлъ жертвовать личной своей славѣ благосостояніемъ отечества; онъ зналъ, что Аѳиняне, обманутые ораторами, увеличивали свои силы и что имъ болѣе нужно искать союзниковъ, нежели непріятелей. Онъ часто возбуждалъ противъ

себя народъ шакимъ мнѣніемъ. Однакожъ сей самый народъ уважалъ его до шакой степени, что прибѣгалъ къ одному только ему въ запруднишельныхъ обсшояшельсшвахъ, и препоручалъ различныя должности, которыя онъ отправлялъ, нимало не спараясь привлечь на свою сторону большинство голосовъ. Фокіонъ всегда казался противникомъ общему мнѣнію. Одинъ разъ, видя предложеніе свое, принятое всѣми безъ изключенія, онъ столько удивился, что спрашивалъ у своихъ пріятелей: „не сказалъ ли я „какой-нибудь глупости?„ Въ другомъ случаѣ совѣтъ его столь не понравился, что никто не хотѣлъ его слушать. „Аѳиняне, сказалъ онъ, вы „можете заставить меня умолчать „о томъ, что достойно вашего слу-„шанія; но не можете сдѣлать, чтобъ „я когда-нибудь сказалъ то, чего не „чувствую.„ Демосѳенъ видя, что онъ всегда противится другимъ, сказалъ ему: „когда-нибудь народъ убь-„етъ тебя, естьли разсердится.„ — „И тебя, отвѣчалъ Фокіонъ, естьли „образумится.„ Нѣкоторый ораторъ потѣлъ, задыхался и пилъ весьма часто, желая окончить рѣчь, которою хотѣлъ склонить Аѳинянъ къ войнѣ

противъ Филиппа. «Подлинно, говорилъ Фокіонъ, этому человѣку пристало вызывать васъ на войну. Что «онъ сдѣлаетъ въ сраженіи передъ «непріятелемъ, когда теперь уже готовъ задохнуться, читая рѣчь, которую выучилъ на досугѣ.» Былъ еще, говоритъ Плутархъ, великій болтунъ, по имени Аристогитонъ, который во всѣхъ городскихъ собраніяхъ говорилъ о войнѣ и предсказывалъ ее народу; но когда дѣло дошло до того, чтобъ набирать людей и записывать имена идущихъ на сраженіе, онъ пришелъ на площадь, опершись на трость и съ завязанными ногами, думая увѣрить, что онъ боленъ. Фокіонъ, увидя его издали съ каѳедры, закричалъ секретарю, который записывалъ имена: «впиши Аристогитона, подлеца и злодѣя, притворяющагося больнымъ.»

Я удивляюсь иногда, прибавляетъ Плутархъ, какимъ образомъ и для чего столь жестокій и суровый человѣкъ получилъ названіе добраго. Сей же писатель говоритъ, что Фокіонъ обнаруживалъ такую непреклонность единственно противъ тѣхъ, которые льстили народу, а противъ народа самаго только тогда, когда хотѣлъ

сдѣлать что нибудь противное своимъ выгодамъ. «Впрочемъ онъ былъ «кротокъ, пріятенъ, вѣжливъ и человѣколюбивъ въ отношеніи ко всѣмъ; «даже поступалъ умѣренно съ своими «противниками и поддерживалъ ихъ, «естьли они попадали въ какое-нибудь «нещастіе.»

Довѣренность къ Фокіону была столь велика, что естьли выходили изъ Аѳинской пристани войска, надъ которыми онъ не начальствовалъ, то жители приморскихъ городовъ укрѣплялись, запирали свои гавани и уносили за стѣны все, что ни имѣли драгоцѣннѣйшаго, какъ будто бы находились въ войнѣ; но естьли начальствовалъ Фокіонъ, то встрѣчали его на корабляхъ, увѣнчанныхъ вѣтьвями и цвѣтами въ знакъ всеобщей радости, и провождали въ свои домы.

Послѣ безуспѣшныхъ совѣтовъ искать дружбы Филиппа, Царя Македонскаго, отправленъ онъ былъ противъ него съ войскомъ и принудилъ сего Государя отступить съ великою потерею. Сдѣлавшись побѣдителемъ, онъ не перемѣнилъ своего мнѣнія и всегда совѣтовалъ Аѳинянамъ обратиться къ дружеству съ Филиппомъ. Онъ убѣждалъ ихъ къ тому самымъ силь-

нѣйшимъ образомъ до начатія войны, въ которой они были побѣждены. Одинъ ораторъ вздумалъ напоминать ему, какъ онъ осмѣливался отвлекать Аѳинянъ отъ войны, когда они вооружились? »Смѣю, отвѣчалъ Фокіонъ, »хотя и знаю, что въ случаѣ войны »я буду начальствовать надъ тобою, »а въ случаѣ мира ты будешь повелѣвать мною.« Однакожъ на сей разъ не сдѣлали его полководцемъ: ему поручили начальство послѣ разбитія войска и уже тогда, какъ Филиппъ, искавшій быть главнымъ полководцемъ Греческимъ, помирился съ Аѳинянами на томъ условіи, чтобъ они поставили свой участокъ. По смерти Царя Македонскаго, Аѳиняне, почитая себя свободными, начали дѣлать радостныя восклицанія. Фокіонъ съ обыкновенною своею строгостію воздерживался отъ радости, которой не могъ одобрить. »Низко, говорилъ онъ, веселиться о смерти »одного человѣка: подумайте, что »войско, разбившее васъ при Херонеѣ, »уменьшилось одною только особою.« Это было справедливо. Александръ, заступившій мѣсто отца своего, могъ сдѣлаться для нихъ страшнѣйшимъ непріятелемъ. Прозорливый Фокіонъ

видѣлъ съ негодованіемъ, что Демосѳенъ и другіе ораторы ежедневными своими грубостями изъ всѣхъ силъ побуждали сего молодаго Государя къ мщенію. Александръ, разоривъ Ѳивы, обратилъ взоръ свой на Аѳины и велѣлъ спросить, согласятся ли они остановить нападеніе, выдавъ ему нѣкоторыхъ ораторовъ, а особливо Демосѳена, который непрестававъ говорить противъ него. Народъ не зная, что отвѣчать на сіе требованіе, обратился къ Фокіону, который вставъ съ своего мѣста, сказалъ: »я почелъ »бы себя весьма щастливымъ, есть»ли бы могъ спасти отечество на »счетъ моей жизни. По моему мнѣнію, »надобно выдать тѣхъ людей, кото»рыхъ Александръ требуетъ, и это »мнѣніе кажется мнѣ тѣмъ справед»ливѣе, что сіи самые люди причи»ною нынѣшняго нашего положенія. »Я не менѣе другихъ сострадаю о »нещастныхъ жителяхъ Ѳивскихъ, »удалившихся къ намъ по истребленіи »сей республики; однакожъ думаю, что »лучше будетъ для Грековъ сожалѣть »о потерѣ одного города, нежели »двухъ. И такъ, естьли оружіе наше не »сильно, то лучше имѣть прибѣжище »къ прозьбѣ, нежели къ войнѣ, кото-

»рая ввергнетъ насъ въ неизбѣжную »погибель.«

Сіи краткія слова даютъ намъ полное понятіе о политикѣ Фокіоновой. Онъ зналъ слабость своего отечества и осужденъ былъ гражданами за то, что совѣтовалъ поступать сообразно ихъ положенію. Какъ бы то ни было, но въ семъ случаѣ нужда заставила прибѣгнуть къ прозьбѣ; отправили депутатовъ, но Александръ не хотѣлъ ихъ слушать. Послали Фокіона. Сынъ Филипповъ зналъ, что это былъ добродѣтельнѣйшій человѣкъ въ Греціи, и принялъ его съ почтеніемъ. Сей мудрый Аѳинянинъ воспользовался благосклонностію младаго побѣдителя и просилъ Александра не обращать оружія своего противъ Греціи. Надобно обратить его противъ варваровъ, сказалъ онъ: и далъ ему столь хорошіе совѣты, что Царь послѣдовалъ имъ немедленно. Такимъ образомъ Фокіонъ отвратилъ ужасную бурю, угрожавшую его отечеству. Александръ обходился съ нимъ достойнымъ и для себя и для него образомъ. Желая въ теченіи своихъ побѣдъ наградить Фокіона за хорошіе совѣты, послалъ ему въ подарокъ сто талантовъ (около 300.000 рублей.) »Почему же, ска-

„залъ Фокіонъ, Александръ именно „меня выбралъ для принятія столь „великой суммы?„—Потому, отвѣчали депутаты, что онъ одного только тебя считаетъ добрымъ человѣкомъ. —„Такъ я буду доволенъ однимъ „этимъ названіемъ,„ возразилъ Фокіонъ. Депутаты, не довольствуясь сею отговоркою, пришли къ нему въ домъ и крайне удивились, видя господствующую тамъ простоту: супруга его занималась печеніемъ хлѣба, а онъ черпалъ воду для омовенія ногъ своихъ. Они удвоили свои прозьбы и говорили, что другу Александрову нѣкоторымъ образомъ стыдно жить въ такой бѣдности. „Я доволенъ тѣмъ, „что имѣю, отвѣчалъ Фокіонъ, и „естьли возьму деньги съ тѣмъ, чтобъ „ими не пользоваться, то это будетъ „все равно, какъ бы я ихъ и не бралъ; „естьли же начну употреблять ихъ, „то Аѳиняне станутъ охуждать и „вашего Государя и мой поступокъ.„ Такимъ образомъ подарокъ отнесенъ былъ обратно и послужилъ, какъ говоритъ Плутархъ, примѣромъ для всѣхъ Грековъ, что неимѣющій нужды въ великомъ количествѣ золота и серебра, гораздо богатѣе того, кто его посылаетъ. Александръ осердился

за отказъ на Фокіона и сказалъ, что онъ не можетъ почитать своимъ другомъ того, кто ничего отъ него не принимаетъ. Тогда Фокіонъ потребовалъ у него свободы четыремъ человѣкамъ, находившимся плѣнными въ Сардахъ, что тотчасъ и исполнено. Но этаго не довольно было для великодушія и щедрости Александра. Онъ предложилъ Фокіону выбрать въ Азіи изъ четырехъ городовъ одинъ. Мудрый Аѳинянинъ съ твердостію отказался отъ такихъ великихъ благодѣяній, хотя и имѣлъ передъ глазами множество примѣровъ, что золото Филиппа и его сына обогатило многихъ и не столь честнымъ образомъ. Гарпалъ, намѣстникъ Александровъ, ушедшій изъ Азіи съ безчисленными суммами, прибылъ въ Аѳины: тотчасъ ораторы, торговавшіе языкомъ своимъ, прибѣжали къ нему толпами и получили множество подарковъ; но онъ послалъ самъ къ Фокіону семь талантовъ, чтобъ склонить его на свою сторону. Сей отвѣчалъ съ негодованіемъ, что заставитъ его раскаяваться, естьли онъ будетъ продолжать портить нравы Аѳинянъ. Между тѣмъ получившіе отъ Гарпала подарки не постыдились обвинить

его, для избѣжанія подозрѣнія, и тогда Фокіонъ спасъ ему жизнь. Вотъ другая черта, означающая его характеръ!

Наконецъ сей великій человѣкъ, наслаждавшись безпрерывнымъ щастіемъ почти до осьмидесяти лѣтъ, сдѣлался предметомъ злобы и ненависти своихъ согражданъ. Они обвинили его за смерть Демосѳена, за преданіе республики въ руки Антипатра и за изгнаніе гражданъ, ревностно защищавшихъ права народныя: это значило обвинять его за нещастія Аѳинъ, а не за собственныя его ошибки. Фокіонъ, какъ мы уже сказали, всегда совѣтовалъ гражданамъ терпѣливо сносить свои нещастія, чтобъ не навлечь на себя еще большихъ: такіе совѣты очень не нравились; и когда предсказанныя имъ нещастія постигли Аѳинянъ, то они стали обвинять его за самые сіи совѣты, какъ будто бы они были причиною ихъ гибели. Фокіонъ осужденъ на смерть съ нѣкоторыми другими гражданами. Онъ прибылъ въ Македонію, чтобъ оправдаться; но тамъ опредѣленіе, которымъ его осудили, было уже подписано. Тогда привезли его въ Аѳины на повозкѣ, ибо онъ не могъ ходить

за старостію. Народъ сбѣгался толпами со всѣхъ сторонъ: одни проклинали его; а другіе, вспоминая прежнюю его славу, сожалѣли объ немъ. Фокіонъ хотѣлъ оправдаться передъ народомъ; но злодѣи его боясь, чтобъ онъ въ самомъ дѣлѣ не оправдался, не давали ему говорить. Тогда онъ рѣшился и ожидалъ смерти съ твердостію, достойною мудреца. Народъ, будучи вездѣ одинаковъ, ругался надъ симъ знаменитымъ нещастливцемъ. Одинъ изъ его непріятелей плюнулъ ему въ лице. Фокіонъ спокойно оборотясь къ судіямъ, сказалъ: »уймите »наглость этаго человѣка.« Одинъ изъ друзей его сожалѣлъ о жестокомъ его жребіи. »Я этаго и ожидалъ, от»вѣчалъ онъ: почти всѣ великіе люди »въ Аѳинахъ имѣли такую участь.«

Когда люди, осужденные на смерть, вмѣстѣ съ Фокіономъ, приняли ядъ, то для сего послѣдняго не осталось ни капли. Палачь говорилъ, что онъ не приготовитъ другаго, пока не дадутъ ему двенадцати драхмъ: цѣна, которой ядъ стоилъ. Это требованіе причинило замедленіе; но Фокіонъ просилъ одного изъ своихъ пріятелей заплатить палачу требуемое количество, прибавляя, »что въ Аѳинахъ не

Демосθенъ.

Аристотель.

Александръ.

Апеллесъ.

Праксситель.

Тимолеонъ.

„льзя и умереть безЪ денегЪ.“ НародЪ столько ненавидѣлЪ сего нещастнаго старца, что ни одинЪ свободный человѣкЪ не осмѣлился отдать ему послѣдняго долга; остатки его собраны были невольниками. Одна Мегарейская госпожа, получивши ихЪ, спрятала, во ожиданіи того времени, какЪ Аѳиняне выдутЪ изЪ заблужденія и воздадутЪ ему должныя почести. Это время скоро наступило; народЪ, легкомысленный вЪ своей досадѣ, призналЪ наконецЪ свою ошибку и воздвигнулЪ статую человѣку, котораго осудилЪ. Донощики его получили казнь за свое злодѣяніе, и несправидливость по возможности была поправлена.

ДЕМОСѲЕНЪ,

СЛАВНЫЙ ОРАТОРЪ АѲИНСКІЙ,

умершій за 332 года до Рожд. Христова.

ДемосѳенЪ былЪ сынЪ довольно зажиточнаго человѣка, содержавшаго шпажную фабрику. Оставшись сиротою на 17 году, онЪ отданЪ былЪ на руки весьма дурнымЪ опекунамЪ, которые половину имѣнія его присвоили себѣ, а другую расточили понапрасну.

Сіи варвары были такЪ скупы, что не хотѣли дать ему учителей и воспитать его сообразно достатку. Сіе преступное нерадѣніе, соединясь сЪ слабымЪ тѣлосложеніемЪ младенца, не позволявшимЪ матери занимать его, было причиною, что онЪ вЪ молодости своей весьма немногому научился. Но имѣвЪ случай услышать одного хорошаго оратора, онЪ столько пораженЪ и восхищенЪ былЪ воздаваемыми ему почестями, что обратилЪ все свое желаніе пріобрѣсть столь изящное дарованіе и столь великую славу. ОнЪ не могЪ учиться РиторикѢ у славнаго Исократа, за неимѣніемЪ кЪ тому способовЪ; однакожЪ досталЪ его сочиненія и читалЪ ихЪ сЪ величайшимЪ прилѣжаніемЪ. ОнЪ оказалЪ первый опытЪ своего дарованія надЪ своими опекунами, принудивЪ ихЪ дать отчетЪ вЪ имѣніи, полученномЪ отЪ отца его. Ободрясь симЪ щастливымЪ началомЪ, вздумалЪ онЪ войти вЪ общественныя дѣла и явился на Аѳинскую площадь, чтобЪ давать наставленія вЪ разсужденіи государственныхЪ дѣлЪ; но вЪ семЪ случаѣ не имѣлЪ такого успѣха: народу показались скучны длинные его періоды; всѣ смѣялись

надЪ нимЪ и надЪлали столько шуму, что онЪ принужденЪ былЪ замолчать. Не смотря на то, вышелЪ онЪ на сцену вторично и былЪ столь худо принятЪ, что едва не отказался отЪ званія оратора. ОдинЪ его пріятель, трагическій актерЪ, замЪтя, отЪ чего происходила неудача, совЪтовалЪ ему оставить свое намЪреніе; онЪ далЪ ему почувствовать, что декламація его была безЪ дЪйствія, и открылЪ ему способЪ соединять сЪ рЪчью тЪлодвиженіе и удареніе, которыя давали ей нЪкоторымЪ образомЪ душу. ДемосѳенЪ началЪ снова учиться. ЧтобЪ не быть развлекаему вЪ своихЪ упражненіяхЪ, онЪ велЪлЪ сдЪлать себЪ нЪкоторый родЪ погреба, который существовалЪ еще во времена Плутарховы. Туда ходилЪ онЪ всякой день образоваться вЪ тЪлодвиженіяхЪ и произношеніи, выправлялЪ свой голосЪ и занимался симЪ упражненіемЪ сЪ такою ревностію, что не выходилЪ оттуда по два и по три мЪсяца, обривЪ напередЪ половину головы, чтобы не льзя было являться вЪ публику.

Такими-то трудами ДемосѳенЪ пріобрЪлЪ дарованіе, доставившее ему наконецЪ величайшую славу. Казалось,

что природа отняла у него всю надежду и въ посредственныхъ успѣхахъ: онъ былъ очень малосиленъ, имѣлъ слабый голосъ и грубое произношеніе, препятствовавшее ему выговаривать слоги; но онъ употребилъ все для преодолѣнія сего препятствія. Чтобъ дать болѣе силы своему голосу, часто декламировалъ онъ столь громко, сколько могъ, восходя весьма скоро на пригорки; а для пріученія себя къ народному шуму, читалъ свои рѣчи на берегу морскомъ, во время бури, и наполнялъ ротъ свой маленькими камушками, чтобъ языкъ его становился свободнѣе.

Такія старанія его и неутомимость увѣнчаны были самымъ блестящимъ успѣхомъ. Демосѳенъ сдѣлался столь великимъ ораторомъ, что никто въ свѣтѣ не могъ съ нимъ сравниться. Самъ Цицеронъ слѣдовалъ по стопамъ его. У него было болѣе цвѣтовъ, болѣе украшеній, но не было силы, которою отличался ораторъ Греческій. Демосѳенъ началъ славиться, говоря противъ Филиппа, Царя Македонскаго: предметъ былъ достоинъ его краснорѣчія. Въ краткое время пріобрѣлъ онъ столь великую славу, что располагалъ по своей волѣ всѣми дѣлами

Аѳинскими. Онъ заставилъ ихъ, какъ выше упомянуто, обьявить войну Филиппу, который искалъ ихъ дружества. Безъ сомнѣнія Демосѳенъ предвидѣлъ, что сей коварный Государь не преминетъ посредствомъ подкупа овладѣть городомъ, который можно было спасти оружіемъ. Аѳиняне, подъ предводительствомъ Фокіона, сперва имѣли выгоды, но послѣ, какъ уже сказано, были разбиты. Демосѳенъ не столько былъ храбръ на войнѣ, сколько краснорѣчивъ на каѳедрѣ: говорятъ, что онъ первый бросилъ оружіе и побѣжалъ. Можетъ быть это и сказка, выдуманная для посрамленія его памяти; ибо не льзя предполагать, чтобъ Аѳиняне поручили ему послѣ столь подлаго поступка написать надгробную рѣчь воинамъ, убитымъ въ семъ сраженіи. Его сочли не только достойнымъ прославить память Грековъ, умершихъ за общее дѣло, но и ни мало не лишили довѣренности. По смерти Филиппа онъ продолжалъ говорить противъ наслѣдника его Александра. Сей послѣдній, разоривъ Ѳивы и готовясь итти противъ Аѳинъ, прислалъ для остановленія непріятельскихъ дѣйствій требовать десять ораторовъ, говорившихъ про-

шивѣ его съ большею силою, особенно Демосѳена. При семъ-то случаѣ ораторъ разсказалъ басню о волкѣ, который по договору, заключенному съ овцами, требовалъ, чтобъ ему выдали собакъ, послѣ чего истребилъ все беззащитное стадо. Александръ, по прозьбѣ оратора Демадеса, отправленнаго къ нему, успокоился, заключилъ союзъ съ Аѳинами и по совѣту Фокіона обратилъ оружіе противъ Персовъ. Демосѳенъ на нѣсколько времени лишился довѣренности, но мало по малу опять пріобрѣлъ ее до такой степени, что возобновилъ дѣло о вѣнцѣ, начавшееся до сраженія Херонейскаго. Вотъ какъ это было:

Въ минуты величайшей славы сего оратора, Аѳинскій гражданинъ, по имени Ктезифонъ, предложилъ наградить его за оказанныя услуги золотымъ вѣнцемъ. Эсхилъ, другой ораторъ, болѣе извѣстный ненавистію къ Демосѳену, нежели своими дарованіями, противился тому всѣми силами. Нещастныя обстоятельства республики запрещали тогда долѣе заниматься симъ предметомъ; но въ спокойное время опять начали помышлять о томъ. Эсхилъ не забылъ еще прежней своей досады; она заставила

его употребить всѣ способы для похищенія у соперника своего новаго знака почестей. Онъ говорилъ рѣчь, которая показалась бы образцовымъ произведеніемъ, естьли бы за нею не слѣдовала Демосѳенова. Сей послѣдній одержалъ побѣду, а Эсхилъ изгнанъ. Побѣдитель умѣлъ воспользоваться побѣдою. Въ то самое время, какъ Эсхилъ вышелъ изъ Аѳинъ, Демосѳенъ бросился за нимъ и принуждалъ его взять кошелекъ съ деньгами. Эсхилъ, тронутый симъ поступкомъ, вскричалъ: »какъ мнѣ не сожалѣть объ отечествѣ! я оставляю въ немъ столь »щедрыхъ непріятелей, что отчаява»юсь въ другомъ мѣстѣ найти дру»зей, имъ подобныхъ.« Напротивъ того Плутархъ приписываетъ слова сіи Демосѳену, когда онъ самъ былъ изгнанъ. Это нещастіе произошло отъ собственной его погрѣшности. Гарпалъ, намѣстникъ Александра, оставивши сего Государя, прибылъ въ Аѳины съ неисчетными сокровищами, которыхъ часть употребилъ онъ на снисканіе себѣ подпоры. Краснорѣчіе Демосѳеново могло быть для него весьма полезно. Сей ораторъ совѣтовалъ сперва выгнать этаго опаснаго обольстителя; но Гарпалъ умѣлъ ис-

куснымъ образомъ подарить ему великолѣпную золотую чашу и 20 талантовъ. Демосѳенъ замолчалъ, и чтобъ не быть обязану сказать свое мнѣніе о семъ предметѣ, когда спросятъ, вышелъ къ народу съ завязанною шеею, будто бы не могъ говорить. Всѣ догадались о сей хитрости; его обвинили и осудили заплатить 50 талантовъ. Онъ не въ состояніи былъ исполнить сего; и такъ посадили его въ тюрьму. Нашедши способъ уйти оттуда, выбрался онъ изъ Аѳинъ. Заточеніе показалось ему слишкомъ жестоко, и онъ не имѣлъ твердости сносить его, какъ бы надлежало ожидать отъ человѣка, говорившаго столь сильно.

Когда Греки, по смерти Александра, вздумали освободиться отъ ига, Демосѳенъ ходилъ изъ города въ городъ и уговаривалъ народъ воспользоваться симъ случаемъ для возвращенія свободы. Аѳиняне, бывшіе въ такомъ же расположеніи и узнавшіе о его поступкѣ, такъ обрадовались сему, что забыли все прошедшее, призвали его опять къ себѣ и приняли со всѣми знаками общей радости. Щастіе сіе было непродолжительно: Антипатръ, одинъ изъ преемниковъ Александра,

побѣдилъ Грековъ и шелъ къ Аѳинамъ; Демосѳенъ вторично убѣжалъ изъ своего отечества и болѣе не возвращался. Когда воины Антипатровы гнались за нимъ съ великимъ стремленіемъ, то бросился онъ въ храмъ Нептуна. Тщетно старались выманить его оттуда ложными обѣщаніями; онъ зналъ, что смерть его неизбѣжна. Сидя при подножіи жертвенника, онъ показывалъ видъ, будто пишетъ къ друзьямъ своимъ; но, въ самомъ дѣлѣ, сосалъ ядъ, находившійся въ перѣ его; потомъ закрылъ голову епанчею и остался въ семъ положеніи доколѣ ядъ началъ дѣйствовать. Увидѣвши, что послѣдняя его минута приближается, онъ умеръ при дверяхъ храма, чтобъ не осквернить его внутренности. Такъ кончилъ жизнь свою величайшій изъ всѣхъ извѣстныхъ ораторовъ. Жаркій его патріотизмъ заглаждаетъ нѣкоторую часть сдѣланныхъ имъ погрѣшностей. Аѳиняне, осудившіе его на смерть, при приближеніи Антипатра, оказали ему тѣ же почести, какія оказывали всѣмъ осужденнымъ ими великимъ людямъ. Они воздвигнули ему статую и опредѣлили старшаго его потомка содержать на общественномъ иждивеніи.

АРИСТОТЕЛЬ,

ФИЛОСОФЪ ГРЕЧЕСКІЙ,

родился за 384 года до Рожд. Христова.

Аристотель родился въ Македонскомъ городѣ Стагирѣ за 384 года до нашего лѣтосчисленія. Отецъ его былъ врачь, котораго онъ лишился въ малолѣтствѣ. Оставшись безъ руководства и бывъ увлеченъ страстями своего возраста, предался сперва всѣмъ забавамъ и даже распутству. Сначала вступилъ онъ въ военную службу; но послѣ врожденное благоразуміе заставило его оставить сію безпорядочную жизнь и, по склонности къ наукамъ, посвятить себя совершенно Философіи. Платонъ былъ тогда во всей славѣ: Аристотель прибылъ въ Аѳины, чтобъ учиться у него, и оказался достойнымъ ученикомъ столь великаго учителя. По причинѣ малаго достатка надлежало ему въ то же самое время заниматься и Формаціею; но онъ весьма долго и съ великимъ прилѣжаніемъ упражнялся по вечерамъ; слѣдственно имѣлъ довольно времени на ученіе.

По смерти Платона удалился онъ въ Атарну, небольшой Мизійскій городокъ, къ другу своему Герміасу; похитителю страны той. Когда сей Государь умерщвленъ былъ по приказанію Царя Персидскаго, Аристотель женился на сестрѣ его, оставшейся безъ всякаго имѣнія. Слава его распространилась уже по всей Греціи. Филиппъ, любившій ученыхъ людей и, противъ обыкновенія многихъ Государей, знавшій цѣну просвѣщенія, призвалъ его къ себѣ для воспитанія сына своего Александра, которому было тогда 14 лѣтъ. Письмо, написанное къ нему Филиппомъ по случаю рожденія сего сына, есть памятникъ, достойный и Царя и философа, « Увѣдомляю « тебя, писалъ онъ, что у меня родился « сынъ. Благодарю боговъ не за то, что « они мнѣ даровали его; но за то, что « даровали при жизни Аристотеля. « Надѣюсь, что ты постараешься « сдѣлать его достойнымъ меня на- « слѣдникомъ и Государемъ, достой- « нымъ управлять Македоніею. « Александръ, достойный такого учителя потому, что умѣлъ пользоваться его наставленіями, весьма часто говорилъ: « Я обязанъ Филиппу жизнію, а « Аристотелю искусствомъ жить. «

Александръ не остался неблагодаренъ; онъ воздвигнулъ статую философу, и приказалъ по прозьбѣ его возобновить Стагиръ.

Аристотель прибылъ въ Аѳины, чтобъ провесть тамъ время, которое Александръ употреблялъ на свои побѣды. Аѳиняне, которымъ Филиппъ, изъ уваженія къ сему философу, оказалъ много милостей, дали ему лицей для открытія школы. Александръ, не забывавшій своего учителя, совѣтовалъ ему заняться исторіею животныхъ и прислалъ ему 800 талантовъ: сумма великая, но употребленная весьма сообразно достоинству сего Государя. Онъ также далъ ему знатное количество стрѣлковъ и рыболововъ, которые бы доставали нужныхъ для него птицъ и рыбъ. Съ сими пособіями Аристотель могъ воздвигнуть природѣ такой изящный памятникъ, какой только позволяла сдѣлать тогдашняя степень познаній. Сей философъ имѣлъ здравый разсудокъ и весьма наблюдательный духъ. Нынѣшніе естествоиспытатели, наученные опытомъ всѣхъ прошедшихъ вѣковъ, считая отъ Аристотеля, и теперь еще говорятъ объ немъ съ уваженіемъ. Изящныя науки также много

ему обязаны: Поэтика и Риторика его суть сокращеніе хорошаго вкуса. Самая Философія его заключаетъ въ себѣ много прекраснаго. Онъ давалъ уроки свои, прохаживаясь, отъ чего послѣдователи его названы Перипатетиками. Онъ всѣми силами старался склонять людей къ просвѣщенію. „Между ученымъ и невѣждою, „говорилъ онъ, столько же находится „различія, сколько между живымъ че„ловѣкомъ и мертвымъ.„ Еще сказывалъ онъ, что „науки служатъ укра„шеніемъ въ щастіи и утѣшеніемъ въ „бѣдствіяхъ.„ Нѣкогда спросили у него, какая польза отъ Философіи? „Она научаетъ насъ, отвѣтствовалъ „мудрецъ, дѣлать добровольно то, „что другихъ заставляютъ испол„нять силою.„

Не смотря на приносимую имъ пользу и непорочность его дѣяній, Аристотель имѣлъ непріятелей: самый злѣйшій изъ нихъ былъ жрецъ. Аристотель крайне любилъ супругу свою Пиѳаису и, лишившись ея, воздавалъ ей величайшія почести. Жрецъ, подумавшій, что онъ боготворитъ ее, и слѣдственно считавшій это за нарушеніе правъ Божіихъ и своихъ собственныхъ, началъ обвинять его

публично. Философъ, вспомнивши о смерти Сократовой, незахотѣлъ спорить съ жрецомъ, оставилъ Аѳины и удалился въ Халциду, гдѣ и умеръ на 64 году. Жители Стагиры, соотечественники его, учинили ему достойное погребеніе: воздвигли жертвенники и установили въ честь его праздникъ. Потомство назвало его Царемъ философовъ.

~~~~~~~~~~~~

АЛЕКСАНДРЪ,

ЦАРЬ МАКЕДОНСКІЙ,

родился за 356 лѣтъ до Рожд. Христ.

Александръ, сынъ Филиппа, Царя Македонскаго, родился въ Пеллѣ, за 356 лѣтъ до нашего лѣтосчисленія. Съ самаго младенчества его видно было, что онъ такое: самыя первыя его желанія показывали властолюбіе. Побѣды отца его возбуждая зависть, доставляли ему мученіе. »Онъ не дастъ »мнѣ сдѣлать ничего знаменитаго, »говорилъ онъ, и не оставитъ для ме- »ня ни одной побѣды.« Въ самой молодости усмирилъ онъ славнаго коня Букефала. Сей неукротимый конь, приведенный къ Филиппу, былъ столь бѣ-
~~~~~~~~~~~~

шенѣ и горячь, что всѣ конюшіе отчаявались укротить его и почитали неспособнымѣ кѣ службѣ. Царь, увѣрившись вѣ этомѣ, приказалѣ его отвести назадѣ, какѣ безполезное животное. Александрѣ, находившійся при семѣ случаѣ, сожалѣлѣ, что не нашлось довольно смѣлаго и искуснаго человѣка, который бы могѣ владѣть имѣ. «Не можешь ли ты сѣ нимѣ справиться?» спросилѣ Филиппѣ. Александрѣ сказавши, что онѣ усмиритѣ коня, взялѣ его за узду, оборотилѣ кѣ солнцу, ибо примѣтилѣ, что онѣ боялся его тѣни; началѣ ласкать, гладить и, сыскавѣ удобную минуту, вскочилѣ на него и попустилѣ скакать до тѣхѣ порѣ, пока утомилѣ совершенно. Тогда Филиппѣ увидѣвѣ, каковѣ будетѣ сынѣ его, не щадилѣ ничего, чтобѣ сдѣлать его такимѣ, какимѣ надлежало быть по природнымѣ способностямѣ. Ему даны были учители во всѣхѣ родахѣ; но Аристотель занималѣ его болѣе всѣхѣ. Сей философѣ, по мнѣнію Плутарха, училѣ его не только нравственности и политикѣ; но еще открылѣ ему и другую умозрительную науку, которую сообщалѣ онѣ весьма не многихѣ ученикамѣ своимѣ. Какая же эта наука? неизвѣстно: можетѣ быть

цѣль ея состояла вЂ томЂ, чтобЂ возвысить человѣка надЂ предразсудками и суевѣріемЂ, которыя, по мнѣнію другихЂ, надлежало предоставить черни. КакЂ бы то ни было, но АлександрЂ недоволенЂ былЂ, что учитель его упомянулЂ о семЂ предметѣ вЂ нѣкоторыхЂ изданныхЂ имЂ сочиненіяхЂ. «Мы не «будемЂ имѣть надЂ другими никакого «преимущества, писалЂ онЂ, естьли «ты сообщишь публикѣ все, о чемЂ «говорилЂ со мною вЂ тайнѣ.« Сей молодой Государь любилЂ науки и умѣлЂ выбирать книги: ГомерЂ былЂ любимый его писатель. Это мой военный запасЂ, говорилЂ онЂ. ОнЂ хотѣлЂ, чтобЂ Аристотель поправилЂ Илиаду. Сія божественная поэма безпрестанно была вЂ рукахЂ его; по вечерамЂ онЂ клалЂ ее кЂ себѣ подЂ подушку вмѣстѣ сЂ кинжаломЂ. Побѣдивши Дарія, между прочею добычею АлександрЂ нашелЂ драгоцѣнный ковчегЂ и назначилЂ его для помѣщенія сочиненій ГомеровыхЂ, чтобы прекраснѣйшее произведеніе ума человѣческаго сохранялось вЂ самой драгоцѣннѣйшей скрынѣ.

На двадцатомЂ году возраста заступилЂ онЂ мѣсто отца своего, какЂ мы уже сказали. Молодость сего Го-

сударя возвратила мужество всѣмъ народамъ, которыхъ покорилъ отецъ его; но сей новый владѣтель, котораго Демосѳенъ называлъ младенцемъ, скоро доказалъ, что онъ еще страшнѣе отца своего. Онъ отправился противъ взбунтовавшихся Трибалліанцевъ, и побѣдивъ ихъ, осадилъ Ѳивы, взялъ ихъ, разорилъ до основанія и готовился итти въ Аѳины; но сіе отвращено было соглашеніемъ Аѳинянъ на его требованія. Все сіе довольно показывало, чего надобно было ожидать отъ Александра. Онъ хотѣлъ исполнить намѣреніе отца своего, объявить войну Персамъ, и для того заставилъ выбрать себя главнѣйшимъ полководцемъ Греціи. Но не смотря на сіе избраніе, онъ не имѣлъ довольно средствъ, которыя бы споспѣшествовали столь великому предпріятію. Историки говорятъ, что онъ отправился съ тридцатью или сорока тысячами пѣхоты и съ пятью тысячами конницы. Онъ имѣлъ не болѣе 70.000 талантовъ наличными деньгами, а съѣстныхъ припасовъ было у него только на 30 дней. Естьли бы успѣхъ не увѣнчалъ его предпріятія, то всякой бы сталъ обвинять его въ безразсудности и высокомѣріи; но щастіе

послужило ему, и онъ сдѣлался героемъ. Таково обыкновенно бываетъ теченіе дѣлъ человѣческихъ! Онъ конечно надѣялся на худое устройство и изнѣженность Персовъ; но не могъ столько же надѣяться на сдѣланныя ими грубыя ошибки, которыя обратили побѣду въ его пользу. Какъ молодой человѣкъ, онъ слишкомъ полагался на щастіе. Передъ отъѣздомъ своимъ роздалъ онъ друзьямъ часть своихъ владѣній. Чтожъ останется самому тебѣ? спросилъ Пердиккъ. Надежда, отвѣчалъ Александръ. Сіе изображаетъ его характеръ.

Перешедши Геллеспонтъ, остановился онъ недалеко отъ города Иліума, принесъ тамъ жертву Діанѣ и почтилъ могилу Ахиллеса. „Щастливый человѣкъ! сказалъ онъ, ты имѣлъ „въ жизни своей вѣрнаго друга, а по „смерти славнаго писателя, воспѣвшаго дѣла твои!„

При переходѣ черезъ рѣку Граникъ ожидали его войска Даріевы, подъ начальствомъ нѣсколькихъ военачальниковъ. Другой бы полководецъ, не столь предпріимчивый, какъ Александръ, устрашился сей переправы; но онъ не хотѣлъ слушаться никакихъ совѣтовъ; первый бросился въ

рѣку и началъ сраженіе, переправясь на ту сторону. Дерзость его сопровождалась щасшливымъ успѣхомъ; непріятели испугались и побѣжали. Первая сія побѣда открыла ему путь въ Персію, ободрила его воиновъ и привела въ уныніе непріятелей. Скоро вся Малая Азія покорилась ему. Онъ пошелъ прямо на Дарія, который начальствовалъ, какъ говорятъ, надъ шестью стами тысячъ человѣкъ: но болѣзнь остановила Александра. Онъ распотѣвшись, искупался въ холодныхъ водахъ рѣки Цидна. Болѣзнь сдѣлалась столь опасною, что многіе врачи отказались лечить ее. Одинъ Филиппъ, весьма искусный въ своемъ дѣлѣ, забывъ весь страхъ наказанія въ случаѣ худаго успѣха врачеванія, не оставлялъ его; онъ прибѣгнулъ къ самымъ крайнимъ средствамъ врачебной науки, и приготовилъ лекарство, долженствовавшее спасти его. Во время сего приготовленія Александръ получилъ письмо, въ которомъ совѣтовали ему остерегаться врача своего, подкупленнаго Даріемъ. Александръ вѣрилъ добродѣтели, сказалъ Жан-Жакъ Руссо; онъ любилъ Филиппа и имѣлъ къ нему столь великую довѣренность, что съ твердостію взялъ составъ,

принялъ его въ одинъ разъ, и потомъ уже показалъ полученное письмо. Это дѣлаетъ Александру столько же чести, какъ и побѣда.

Излечась и укрѣпясь въ силахъ, пошелъ онъ съ небольшимъ, но побѣдоносным своимъ войскомъ на встрѣчу безчисленному Даріеву воинству, приведенному уже въ трепетъ. Одинъ бѣглый Македонянинъ совѣтовалъ Царю Персидскому дождаться Александра на открытомъ полѣ, гдѣ большинство войска давало ему великія выгоды. Дарій напротивъ того удалился въ узкія дефилеи, гдѣ не могъ дѣйствовать всѣми своими силами. Скоро произошелъ между воинами его безпорядокъ, и онъ принужденъ былъ бѣжать, оставя побѣдителю свою колесницу. Болѣе 100,000 его воиновъ побито Греками, а остатокъ войскъ, собравшійся около его, былъ побѣжденъ однимъ страхомъ.

Александръ получилъ въ добычу несмѣтныя сокровища, которыя Дарій имѣлъ при себѣ. Узнавъ, что между плѣнными находилась мать, супруга и дочери сего нещастнаго Государя, онъ обошелся съ ними съ обыкновенною своею важностію, ободрилъ ихъ, оставилъ имъ всѣхъ прежнихъ служи-

тшелей и невольниковъ, а сверхъ того назначилъ гораздо знатнѣйшую пенсію, нежели какую они прежде получали. Жена и дочери Даріевы были весьма прекрасны. Александръ былъ молодъ, но тогда еще владѣлъ своими страстями, и опасаясь искушенія, не захотѣлъ видѣть сихъ нещастныхъ женщинъ: даже запретилъ говорить о красотѣ ихъ. Сей поступокъ достоинъ удивленія: гордость и распутство, овладѣвшія послѣ того Александромъ, не унизили его еще въ то время. Послѣднее сіе сраженіе, произшедшее при Иссѣ, покорило ему многіе города, а особливо Тиръ, который противился нѣсколько времени; онъ былъ взятъ послѣ семи-мѣсячной осады. Александръ иногда забывалъ человѣчество, руководствовавшее имъ во многихъ случаяхъ; особенно раздражало его сопротивленіе и не рѣдко доводило до жестокости. Онъ отмстилъ за храбрый отпоръ Тирянамъ, поднявъ на крестъ около двухъ тысячь человѣкъ, избѣжавшихъ отъ убійственныхъ рукъ его воиновъ. Потомъ мимоходомъ наказалъ Жидовъ, осмѣлившихся думать о себѣ нѣсколько гордо. Іосифъ Флавій говоритъ, что онъ приносилъ жертву въ храмѣ Іеру-

салимскомъ и слушалъ рѣчь Первосвященника; но это сказка, о которой ни въ какомъ другомъ мѣстѣ не упоминается. Послѣ сего былъ онъ въ Египтѣ, гдѣ прожилъ нѣсколько времени, чтобъ выстроить городъ Александрію, который хотѣлъ сдѣлать средоточіемъ торговли всѣхъ народовъ. При осадѣ Газы, крѣпости, открывшей ему Египетъ, оказалъ еще разъ свою жестокость, обезславившую жизнь его. Бетизъ, подданный Дарія, защищалъ храбро сей городъ, ввѣренный ему. Побѣдитель, во гнѣвѣ своемъ, велѣлъ заколоть 2000 жителей и унизилъ себя до того, что сталъ ругаться надъ нещастіемъ Бетиса. Желая подражать Ахиллесу, велѣлъ онъ привязать его за ноги къ своей колесницѣ, и такимъ образомъ влачилъ около города. Привыкнувъ къ скорымъ побѣдамъ, сей вспыльчивый юноша наказывалъ за храброе сопротивленіе точно такъ, какъ за злодѣйство. Упоенный успѣхами, онъ сталъ почитать себя больше, нежели человѣкомъ, и съ сего времени не могъ быть Государемъ, предвѣщавшимъ столь великую душу. Онъ предпринималъ весьма трудное путешествіе въ степяхъ Ливійскихъ, ко храму Юпитера

Аммона. Жрецъ, вышедшій къ нему на встрѣчу, назвалъ его сыномъ Юпитера; послѣ чего Александръ въ самомъ дѣлѣ рѣшился почитать себя такимъ. Плутархъ считаетъ это за дѣйствіе политики, чтобъ тѣмъ болѣе привлечь къ себѣ побѣжденныхъ Персовъ. Сей писатель прибавляетъ, что Александръ смѣялся, будучи съ Греками, надъ мнимымъ божествомъ своимъ. Какъ бы то ни было, но онъ требовалъ божескихъ почестей, и естьли это въ самомъ дѣлѣ не было слѣдствіемъ политики, то непремѣнно надобно почитать его за надменнаго глупца. И дѣйствительно; вся остальная жизнь доказываетъ, что онъ зараженъ былъ сею слабостію.

Между тѣмъ Дарій размысливъ, сколь трудно остановить потокъ сей въ быстромъ своемъ теченіи, рѣшился заключить миръ посредствомъ золота. Онъ отправилъ къ Александру пословъ и предлагалъ за особъ, содержащихся у него въ плѣну, 10.000 талантовъ со всѣми землями, лежащими по сю сторону Евфрата, а сверхъ сего отдавалъ ему дочь свою въ супружество, естьли согласится быть его союзникомъ и другомъ. Я принялъ бы это предложеніе, говорилъ Парме-

ніонъ, естьлибъ я былъ Александръ. «И я также, отвѣчалъ Царь, естьлибъ «я былъ Парменіонъ.« Отзывъ сей показывалъ чрезмѣрную гордость; но послѣдовавшее за нимъ сраженіе при Арбеллахъ оправдало ее. Число Даріевыхъ воиновъ было столь велико, что самые искуснѣйшіе начальники Македонскіе, не смотря на сдѣланную привычку побѣждать, начали опасаться и совѣтовали Александру дать сраженіе ночью, чтобъ отнять у Грековъ видъ столь великой опасности. «Я не хочу, отвѣтствовалъ онъ, украсть у Дарія преимущество.« Такимъ образомъ одержалъ онъ въ открытый день славнѣйшую побѣду, какая только когда нибудь была одержана. Сраженіе при Иссѣ открыло ему Финикію и Египетъ; а побѣда при Арбеллахъ отверзла ему путь во всю Персію и Индію. Онъ постепенно переходилъ въ Вавилонъ, въ Суцъ, въ Персеполь и вездѣ находилъ несмѣтныя богатства. Въ Персеполѣ, во время пиршества, приказалъ онъ, по совѣту одной прелестницы, зажечь царской дворецъ; но въ этомъ разкаялся, какъ скоро пришелъ въ память.

Преслѣдуя Дарія, узналъ, что Бессъ и Нарбазанъ умертвили сего нещаст-

наго Государя; ибо послѣднее сраженіе рѣшило его жребій. Александрѣ не только не обрадовался сему извѣстію, но еще пролилѣ горькія слезы. Увидѣвѣ тѣло Даріево, пронзенное многими ударами и оставленное безѣ призрѣнія, вѣ знакѣ уваженія покрылѣ своею епанчею; потомѣ воздвигнулѣ ему памятникѣ, достойный Царя Персидскаго, и отмстилѣ Бессу за убіеніе его.

Сдѣлавшись неограниченнымѣ властителемѣ Персіи, онѣ разбилѣ Скиѳовѣ и покорилѣ часть Индіи. Порѣ, одинѣ изѣ владѣтелей сей страны, сопротивлялся ему наиболѣе; однакожѣ Александрѣ побѣдилѣ его и взялѣ вѣ плѣнѣ. Противѣ обыкновенія, которое заставляло его досадовать на сопротивленіе, онѣ поступилѣ сѣ симѣ Государемѣ ласково, возвратилѣ ему престолѣ и увеличилѣ его владѣнія. Потомѣ располагался итти далѣе; но войско его, наскуча побѣдами и желая возвратиться вѣ Грецію, взбунтовалось, какѣ-то уже и случалось нѣсколько разѣ, и положило конецѣ его честолюбію. Возвращеніе его казалось нѣкоторымѣ родомѣ Бакханаліи; онѣ ѣхалѣ на пространной колесницѣ сѣ своими

друзьями, безпрестанно пилъ и веселился; великое множество колесницъ такого же рода, но не столь богатыхъ, слѣдовали за нимъ, и всѣ воины, до самаго послѣдняго, брали участіе въ этомъ новомъ родѣ тріумфа.

По смерти Дарія Александръ началъ прилѣпляться къ Азіатскимъ обычаямъ. Онъ носилъ Персидское платье; повелѣлъ по обыкновенію Азіатскихъ Государей, подходящимъ къ себѣ повергаться прежде къ ногамъ его. Сіи новости отвратили отъ него большую часть Грековъ; а гордость, сдѣлавшаяся около того времени несносною, учинила его почти ненавистнымъ. Нравы его испортились; онъ занимался одними только пиршествами, и естьли бы жизнь его вскорѣ не прекратилась, то конечно упалъ бы съ вершины славы своей и нечувствительно помрачилъ бы весь блескъ своихъ дѣяній. Къ порокамъ сего Государя присовокупилось суевѣріе, какъ будто нарочно для того, чтобъ человѣкъ, возвысившійся до такой степени, дошелъ чрезъ забвеніе прежняго своего достоинства до послѣдней точки униженія. Напослѣдокъ умеръ онъ въ Вавилонѣ между

страхомъ, который произвели въ немъ окружавшіе его волхвы, и распутствами, которыя возобновляемы были для него каждый день придворными. Нѣкоторые писатели говорятъ, что смерть приключилась ему отъ излишняго употребленія вина. За нѣсколько дней до того мучила его лихорадка; но онъ вмѣсто того, чтобъ воздержаться, присутствовалъ, какъ здоровой, на пиршествахъ, которыя ему давали. Выпитое вино увеличило болѣзнь его и повергло во гробъ на 32 году отъ рожденія и на ~~двенадцатомъ~~ царствованія. Онъ жилъ слишкомъ долго, судя по его славѣ.

Сей человѣкъ, приведшій въ трепетъ столь обширныя земли, былъ весьма небольшаго роста; но взглядъ его открывалъ всю силу генія и великость предпріятій. Онъ отличался бѣлизною тѣла, и имѣлъ голову, наклоненную на лѣвое плечо; очень любилъ свою славу даже и въ самыхъ малыхъ вещахъ, и потому запретилъ всѣмъ живописцамъ списывать свой портретъ, предоставивъ честь сію одному Апеллесу. Лизиппъ, славнѣйшій литейщикъ сего времени, также одинъ имѣлъ право отливать его статуи, а Праксител изображать его на

мраморѣ. Онъ умѣлъ различать приписываемыя ему похвалы. Одинъ худой стихотворецъ поднесъ ему похвальные стихи. Александръ наградилъ его щедро, однакожъ запретилъ впредь сочинять ихъ болѣе. Онъ во многихъ случаяхъ оказывалъ удивительную умѣренность. Когда хотѣли возбудить въ немъ негодованіе противъ одного человѣка, осуждавшаго всѣ его дѣянія, то онъ отвѣчалъ: „та„кова участь Царей; ихъ бранятъ „даже и тогда, когда они посту„паютъ самымъ лучшимъ образомъ.“ Одинъ молодой Македонянинъ привезъ на балъ, гдѣ Александръ присутствовалъ, прелестницу весьма великой красоты и дарованій. Царь почувствовалъ къ ней нѣкоторую склонность; но узнавъ, что сей молодой человѣкъ любилъ ее съ крайнею горячностію, велѣлъ сказать, чтобъ онъ вышелъ съ своею любовницею. Наканунѣ сраженія при Арбеллахъ объявили ему, что нѣкоторые воины согласились взять и оставить у себя все, что ни найдутъ драгоцѣннѣйшаго у Царя Персидскаго. „Тѣмъ лучше, отвѣчалъ „онъ: это значитъ, что они намѣре„ны сражаться со всею храбростію.“ При другомъ случаѣ, отставши нѣ-

сколько отъ своего войска, на горѣ, покрытой снѣгомъ, увидѣлъ онъ воина, лишившагося памяти отъ холода и изнуренія; онъ взялъ его на руки, отнесъ къ огню, гдѣ ожидали его, и не отходилъ до тѣхъ поръ, пока больной не оправился совершенно. Щедрость его была чрезвычайна, но относилась болѣе всего къ вещамъ великимъ и полезнымъ. Таковъ былъ Александръ въ спокойномъ своемъ состояніи, но, предаваясь гнѣву, гордости и невоздержанію, не походилъ на себя ни мало. Тогда-то онъ разорилъ Ѳивы, зажегъ дворецъ Дарія, умертвилъ храбрыхъ Индійцевъ, отдавшихъ ему городъ съ тѣмъ единственно условіемъ, чтобъ спасти имъ жизнь; тогда-то онъ убилъ Клита, старого друга, осуждавшаго его за пороки, помрачавшіе славу его. Александръ доказалъ своимъ примѣромъ, сколь опасно забывать даже и на минуту навыкъ къ добродѣтели. Важная должность, которую сей Государь представлялъ во вселенной, не позволяетъ мнѣ съ легкостію осуждать его. Я приведу здѣсь слова Аріана, самаго благоразумнѣйшаго его историка и, въ разсужденіи политическихъ и военныхъ своихъ свѣденій, наиспособнѣйшаго судить объ немъ.

Александрѣ, говоритѣ онѣ, былѣ весьма хорошій Государь: скорѣ, неутомимѣ, мужественѣ, набоженѣ, великодушенѣ, и воздерженѣ; но имѣлѣ ненасытное стремленіе кѣ славѣ. Былѣ искусенѣ, проницателенѣ и весьма щастливѣ вѣ своихѣ догадкахѣ; зналѣ военную науку, умѣлѣ возбуждать вѣ воинахѣ надежду и истреблялѣ вѣ нихѣ всякую боязнь своею рѣшительностію; былѣ смѣлѣ вѣ предпріятіяхѣ, твердѣ вѣ исполненіи, искусно выбиралѣ время и наступалѣ тамѣ, гдѣ его наименѣе ожидали. Обѣщанія свои наблюдалѣ свято; не обманывалѣ никого и не позволялѣ надѣ собою того же дѣлать. Онѣ былѣ умѣренѣ вѣ забавахѣ и весьма щедрѣ на благотворенія. Естьли дѣлалѣ нѣкоторыя ошибки вѣ досадѣ или по опрометчивости; естьли иногда былѣ слишкомѣ гордѣ вѣ щастіи: то, по моему мнѣнію, сіе можно простить вѣ теченіи побѣдѣ молодому воину, не испытавшему никакой превратности. Впрочемѣ, бывѣ окруженѣ со всѣхѣ сторонѣ льстецами, которыхѣ можно назвать язвою государствѣ и гибелью владѣтелей, онѣ тотчасѣ узнавалѣ свои ошибки и одинѣ только изѣ всѣхѣ Монарховѣ имѣлѣ славу раз-

каяваться. Другіе, впадши въ погрѣшность, защищаютъ ее съ упорностію; Александръ имѣлъ столько силы, что въ ней признавался. Тѣ думаютъ прикрыть ошибку, поддерживая оную; сей напротивъ того хочетъ ее загладить единственнымъ способомъ, коимъ она можетъ быть заглажена: при томъ же раскаяніе служитъ для обиженныхъ нѣкоторымъ облегченіемъ. Тотъ подаетъ великую надежду къ исправленію, кто признается, что сдѣлалъ дурно. Что касается до присвоенія себѣ божескаго происхожденія, то это можно почитать за хитрость, употребленную имъ для привлеченія большаго почтенія. И сколько есть людей, которые поступали такимъ же образомъ, не имѣя никакихъ достоинствъ Александра! Что жъ принадлежитъ до Персидскихъ нравовъ, то надобно знать, что искусство принаравливаться къ народнымъ обычаямъ есть не послѣднѣе дѣло для Государя. Можетъ быть онъ, кромѣ того, желалъ казаться имъ менѣе чуждымъ, или хотѣлъ унизить гордость Македонянъ. Естьли онъ любилъ распутство, то это для того, чтобъ позабавиться съ друзьями, а не для того, чтобъ наполнять

желудокъ виномъ и мясомъ; да и Аристотель говоритъ, что онъ не любилъ много пить. И такъ, прибавляетъ Аріанъ, пусть люди, желающіе осуждать Александра, не заключаютъ объ немъ по нѣкоторымъ худымъ дѣяніямъ; надобно разсмотрѣть всю жизнь его. (*)

АПЕЛЛЕСЪ,

славнѣйшій живописецъ греческій, современникъ Александра.

Апеллесъ считался у древнихъ первымъ живописцемъ; а мы уже сказали, что они были весьма строгіе судьи въ произведеніяхъ изящныхъ искусствъ. Александръ не только позволилъ ему писать портретъ свой, но еще удостоилъ его дружества и осыпалъ благодѣяніями. По смерти сего

(*) За нужное почитается сказать молодымъ читателямъ, что подробная *Исторія о дѣлахъ Александра Великаго*, описанная хотя съ пристрастіемъ, но весьма хорошо Квинтомъ Курціемъ, и переведенная на Россійской языкъ Г. Крашенинниковымъ, издана въ Спб. при Императорской Академіи Наукъ въ 1800 году, въ двухъ томахъ.

Государя Апеллесъ, удалившійся во владѣнія Птоломея, Царя Египетскаго, обвиненъ былъ въ заговорѣ противъ сего Монарха. Его конечно осудили бы на смерть, естьли бы одинъ изъ заговорщиковъ не призналъ себя виновнымъ и не оправилъ чрезъ то Апеллеса. Сей великій художникъ, прибывши въ Ефесъ, написалъ картину клеветы, и это было лучшее его произведеніе. Хотя онъ и не имѣлъ соперниковъ, однакожъ не былъ столько гордъ, чтобъ пренебрегать совѣты зрителей: онъ выставлялъ свои картины въ публику, слушалъ критическія замѣчанія и дѣлалъ поправки, какъ скоро находилъ ихъ нужными. Разсказываютъ анекдотъ, который можно почесть за сказку, но который однакожъ служитъ къ чести художника. Одинъ башмашникъ замѣтилъ ошибку въ башмакахъ нѣкоторой его фигуры, и сказалъ это въ слухъ. Апеллесъ благодарилъ его и воспользовался симъ замѣчаніемъ. Башмашникъ возгордился, нашедъ погрѣшность въ картинѣ Апеллеса, пришелъ туда на другой день и началъ критиковать безъ всякаго толку. Художникъ, желая обнаружить его невѣжество, сказалъ съ улыбкою: »Баш-

„машникъ не можетъ судить о всемъ;
„что выше ступени и его познаній.„
Этотъ отвѣтъ пригоденъ былъ и для
многихъ другихъ критиковъ. Скромность сего художника была столь велика, или лучше сказать, знаніе его въ своемъ искусствѣ было такъ тонко, что онъ ни одной своей картины не почиталъ оконченною. Онъ обыкновенно означалъ на нихъ: писана Апеллесомъ, но никогда не употреблялъ слово: написана. Онъ казался совершенно довольнымъ только тремя своими произведеніями: портретомъ Александра, державшаго въ рукахъ перунъ; Венерою, выходящею изъ воды, и изображеніемъ сей же самой богини спящей.

ПРАКСИТЕЛЬ,

славный ваятель греческій, современникъ Александра.

Празситель родился въ Великой Греціи или Калабріи. Онъ достоинъ быть современникомъ Апеллеса и Александра: онъ имѣлъ нужду въ искусномъ художникѣ, который бы могъ оцѣнить его искусство, и въ Государѣ, кото-

рый бы довольно имѣлъ щедрости, чтобъ по достоинству наградить его. Работа Праксителева была столь превосходна, что одинъ только онъ могъ рѣшить, которому изъ его произведеній надлежало дать преимущество. Фринея, которой онъ позволилъ выбрать изъ своихъ статуй одну лучшую, употребила хитрость, чтобъ узнать это; она велѣла сказать художнику, что мастерская его комната загорѣлась. „Я пропалъ, вскричалъ онъ, естьли пламя не пощадило моего Сатира и Купидона!" Это восклицаніе открыло Фринеи тайну; она постаралась успокоить его и выбрала Купидона. Пракситель, плѣненный сею прелестницею, хотѣлъ предать безсмертію черты ея на мраморѣ. Статуя, сдѣланная по сему прелестному образцу, поставлена была чрезъ нѣсколько времени въ Дельфахъ, между статуями Архидама, Царя Спартанскаго, и Филиппа, Царя Македонскаго. Онъ же сдѣлалъ и славную Венеру Книдійскую, привлекавшую чужестранцовъ изъ всѣхъ земель. Никомедъ, Царь Вифинійскій, такъ уважалъ ее, что предложилъ Книдійскимъ жителямъ заплатить всѣ долги ихъ, весьма знатные, естьли

только они уступять ему сію статую. Исполнить сіе требованіе было для нихЪ то же, что изсушить источникЪ всѣхЪ богатствЪ своихЪ; и такЪ они отклонили предложеніе сего Государя, а вліяніе чужестранцевЪ наградило ихЪ за то. Время оставило намЪ одно только имя Праксителя; всѣ славныя его произведенія потеряны. Каково должно быть его искусство, естьли наилучшія произведенія, которымЪ мы теперь удивляемся, сдѣланы художниками, едва извѣстными вЪ древности?

ТИМОЛЕОНЪ,

полководецъ коринѳскій,

живщій около 343 лѣтЪ до Рожд. Христ.

Описывая здѣсь Тимолеона, я буду повторять только то, что ПлутархЪ говоритЪ обЪ немЪ; ибо о первомЪ дѣяніи, прославившемЪ сего Коринѳскаго гражданина, не льзя судить по обыкновеннымЪ законамЪ нравственности. Я лучше приведу благоразумныя размышленія Плутарха, который около шестнадцати вѣковЪ считается добродѣтельнымЪ человѣкомЪ,

нежели замѣню ихъ своими собственными.

Тимолеонъ, говоритъ сей славный жизнеописатель, по природѣ крайне любилъ благосостояніе земли своей, и обходился весьма человѣколюбиво и ласково со всѣми, изключая тирановъ и злодѣевъ, которыхъ ненавидѣлъ. Онъ имѣлъ характеръ весьма скромный и заключалъ въ себѣ все, что только нужно военному человѣку. Въ молодости своей поступалъ онъ при всякомъ случаѣ благоразумно, а въ старости оказывалъ не менѣе того мужества и смѣлости. У него былъ братъ, по имени Тимофанъ, не походившій на него ни въ чемъ. Это былъ человѣкъ глупый, ослѣпленный непонятнымъ желаніемъ царствовать, что внушала ему толпа людей низкаго состоянія, находившихся около его безпрестанно. Онъ былъ очень предпріимчивъ и горячь на войнѣ; почему граждане считали его хорошимъ полководцемъ и давали ему начальство. Въ такихъ случаяхъ Тимолеонъ помогалъ ему, прикрывая сдѣланныя имъ погрѣшности, уменьшая ихъ сколько можно, увеличивая впрочемъ и украшая все то, что находилось въ немъ хорошаго. Онъ такъ привязанъ былъ

къ своему брату, что одинъ разъ подвергнулъ себя очевидной опасности, желая избавить Тимофана отъ непріятелей, хотѣвшихъ умертвить его.

Тимофанъ, пріобрѣтшій довѣренность Коринѳянъ, назначенъ былъ ими въ охраненію общественной свободы и получилъ начальство надъ корпусомъ войскъ. Сей невѣрный гражданинъ вмѣсто того, чтобъ соотвѣтствовать желанію своего отечества, употребилъ ввѣренныя ему силы на пріобрѣтеніе верховной власти. Сначала умертвилъ онъ безъ всякаго суда большую часть гражданъ, кои могли противиться его намѣренію, и тѣмъ устрашилъ всѣхъ прочихъ. Тимолеонъ безпокоился болѣе другихъ, видя тиранскіе поступки своего брата. Сперва старался онъ силою разсудка обратить его къ должности; но какъ сіе покушеніе было тщетно, то пришелъ къ нему съ Эсхиломъ, зятемъ Тимофановымъ, и гадателемъ, по имени Сатиромъ, чтобъ склонить его новыми представленіями къ возвращенію Коринѳу свободы. Тимофанъ сначала смѣялся ихъ возраженіямъ; потомъ разсердившись, началъ грозить. Тогда Тимолеонъ отошелъ къ сторонѣ и покрылъ себѣ голову епан-

чею; а между тѣмъ Сатиръ и Эсхилъ умертвили тирана. Онъ упалъ, обагренный своею кровію.

Произшествіе сіе тотчасъ разнеслось по городу; многіе благомыслящіе люди хвалили великодушіе Тимолеона и одобряли ненависть его къ злодѣю. Онъ былъ тихій и кроткій человѣкъ, сердечно любилъ родныхъ, но не смотря на то, предпочелъ брату своему общественное благосостояніе, а должность и справедливость собственной пользѣ; спасъ жизнь брату своему, когда онъ сражался за выгоды отечества, и умертвилъ его, когда онъ началъ искать средствъ поработить его и сдѣлаться неограниченнымъ властелиномъ.

Однакожъ столь похвальное дѣйствіе, говоритъ Корнелій Непотъ, не всѣми было одобряемо. Нѣкоторые почитали сіе за нарушеніе правъ естественныхъ и старались помрачить славу Тимолеона изъ зависти. Мать отказала ему отъ дома и не могла взглянуть на него, не осыпая ругательствами и не называя злодѣемъ и братоубійцею. Тимолеонъ столь огорчился сими упреками, что нѣсколько разъ покушался лишить себя жизни, и такимъ образомъ освобо-

диться отъ неблагодарныхъ сограждан. Предавшись глубокой задумчивости, удалился онъ въ деревню и провелъ цѣлыя двадцать лѣтъ въ строжайшемъ уединеніи. Онъ вѣрно бы такимъ образомъ кончилъ жизнь свою, естьли бы одно произшествіе не обратило на него вниманіе народа.

По умерщвленіи Діона въ Сиракузахъ, Младшій Діонисій овладѣлъ Сициліею. Непріятели его требовали у Коринѳянъ войска и полководца. Всѣ обратили взоры свои на Тимолеона, и народъ избралъ его въ военачальники. Телеклидъ, имѣвшій въ то время величайшую власть, увѣщевая его поступать, какъ надлежало честному человѣку, сказалъ: » естьли исполнишь свою должность, то мы будемъ увѣрены, что ты истребилъ тирана; въ противномъ же случаѣ станемъ думать, что ты умертвилъ брата. «

Тимолеонъ, выступя въ походъ съ войскомъ, имѣлъ удивительные успѣхи: онъ выгналъ Діонисія изъ всей Сициліи и взялъ его въ плѣнъ. Бывъ властителемъ жизни сего тирана, не лишилъ его оной, а довольствовался только тѣмъ, что отнялъ у него способъ дѣлать зло; онъ отослалъ его въ Коринѳъ, гдѣ сей нещастный Госу-

дарь, приведенный въ нищету, открылъ школу, чтобъ тѣмъ доставать себѣ пропитаніе.

По низверженіи Діонисія началъ онъ войну съ Ицетасомъ, который хотя и объявилъ себя противникомъ тирана, но по изгнаніи его далъ знать, что сдѣлался ему непріятелемъ не изъ ненависти къ тиранству, но изъ одного только честолюбія. Ицетасъ, чувствуя себя слабѣйшимъ, прибѣгнулъ къ злодѣйству, чтобъ избавиться отъ Тимолеона. Онъ послалъ двухъ переодѣтыхъ воиновъ убить его. Они добрались до полководца въ то самое время, какъ онъ хотѣлъ приносить жертву; одинъ изъ воиновъ сихъ вынималъ уже кинжалъ, какъ вдругъ явился незнакомый человѣкъ, поразилъ его мечемъ и, повергнувъ на землю, убѣжалъ. Другой воинъ, испугавшись, схватился за жертвенникъ и просилъ у Тимолеона пощады, говоря, что онъ откроетъ весь учиненный противъ него заговоръ. Такимъ образомъ Тимолеонъ, не имѣвшій никакого подозрѣнія, едва не лишился жизни. Между тѣмъ незнакомца нагнали и привели въ собраніе. По собственному его объявленію, онъ умертвилъ воина для того, что узналъ въ немъ

убійцу отца своего. Произшествіе сіе показалось Тимолеону столь чрезвычайно, что онъ воздвигнулъ жертвенникъ богинѣ, управлявшей неожидаемыми случаями. Народъ, почитавшій сіе за божескую помощь, еще болѣе сталъ уважать великаго человѣка, который сохраненъ для его щастія.

Тимолеонъ, разбивъ Ицетаса, обратилъ въ бѣгство при рѣкѣ Кримен езѣ сильное Карѳагенское войско и принудилъ Карѳагенцевъ почитать себя щастливыми, что удержали за собою Африку, между тѣмъ какъ они столько лѣтъ владѣли всею Сициліею. Сверхъ того онъ взялъ въ плѣнъ Мамерка, полководца родомъ изъ Италіи, человѣка храбраго и сильнаго, пришедшаго въ Сицилію на помощь къ Діонисію.

Послѣ сихъ успѣховъ видя, что долговременная война опустошила области и города Сициліи, онъ приказалъ сыскать и собрать всѣхъ Сицилійцевъ, сколько можно было найти ихъ, и потомъ, какъ Коринѳъ основалъ Сиракузы, выбралъ изъ сего города поселенцовъ. Возвратилъ прежнимъ гражданамъ ихъ имѣніе, а новымъ раздѣлилъ помѣстья, оставшіяся безъ владѣтелей; возстановилъ раз-

рушенныя стѣны, выстроилъ раззоренные храмы; возвратилъ городамъ прежніе законы и свободу, и доставилъ всему острову послѣ ужасной войны столь прочный миръ, что гораздо справедливѣе заслужилъ имя основателя сихъ городовъ, нежели тѣ, которые ихъ прежде населили. Онъ раззорилъ крѣпость, сдѣланную и укрѣпленную Діонисіемъ, чтобъ содержать городъ въ осадѣ; истребилъ всѣ затѣи тиранства и оставилъ одни только слабые слѣды неволи. (Корнелій Непотъ).

Столь полезные труды доставили ему справедливѣйшую и изящнѣйшую славу, какой только человѣкъ желать можетъ: славу избавителя народовъ; онъ запечатлѣлъ ее на вѣки, вступивши самъ въ состояніе частнаго человѣка. Онъ былъ столько силенъ, что могъ сдѣлаться Царемъ; былъ столько любимъ, что могъ склонить гражданъ поднести ему вѣнецъ, но не хотѣлъ никакъ поступить противъ правилъ своихъ и выгодъ народа, удостоившаго его довѣренности. Онъ не возвратился однакожъ въ Коринѳъ, а остался въ Сиракузахъ, гдѣ уважали его какъ отца, и слушали, какъ оракула. Не имѣя никакого почетнаго

названія, кромѣ заслуживаемаго добродѣтелію, онъ былъ первымъ гражданиномъ, и при всемъ томъ казался такъ умѣренъ, что не желалъ ничего, кромѣ позволеннаго всякому. Эта твердость еще болѣе для него славна, нежели побѣды. Человѣкъ можетъ получить отъ природы геній, увѣряющій его въ успѣхѣ предпріятія; но добродѣтели, поставляющія насъ выше человѣчества, проистекаютъ единственно отъ сердца.

Сиракузяне были столько же признательны, сколько Тимолеонъ безкорыстенъ: они дали ему самый лучшій домъ въ городѣ и самое лучшее помѣстье, дабы онъ могъ спокойно наслаждаться своею старостію. Они осыпали его всѣми знаками почестей. »Прекрасно было смотрѣть, говоритъ Плутархъ, какое уваженіе оказывали они ему въ собраніи совѣта: ибо въ маловажныхъ дѣлахъ судили и исполняли все сами собою; но какъ скоро случалось что-нибудь требующее большаго размышленія, то призывали Тимолеона: тогда несли его на носилкахъ (потому что онъ былъ старъ и слѣпъ) черезъ площадь до самаго театра, гдѣ находилось народное собраніе, куда вносили его такимъ

же образомъ. Весь народъ единогласно поздравлялъ его. Тимолеонъ отвѣчалъ на то, и выслушавъ приносимыя ему похвалы и благословенія, спрашивалъ о дѣлѣ. Давъ свое мнѣніе и предоставя его сужденію и одобренію народа, возвращался прежнимъ порядкомъ; а граждане провожали его съ радостными восклицаніями и рукоплесканіемъ. Потомъ приступали къ окончанію другихъ общественныхъ дѣлъ.

Не возможно видѣть болѣе добродѣтелей; однакожъ нѣкоторые завистники осмѣливались противорѣчить мнѣнію Тимолеонову среди удивляющагося ему народа. Нѣкто Лафистій отважился звать его къ суду, чтобъ потребовать отчета въ его поведеніи. Многіе Сиракузяне хотѣли насильно обуздать дерзость сего неблагодарнаго человѣка. Тимолеонъ остановилъ ихъ: „что вы хотите дѣлать? сказалъ онъ; для того-то я и подвергался опасностямъ, чтобъ Лафистій и другіе граждане имѣли право „поступать такимъ образомъ. Тогда „только народъ наслаждается свободою, когда всякой можетъ объявлять „свое требованіе передъ судилищемъ „законовъ.„ Другой гражданинъ,

именемъ Деменетъ, подобный Лафистію, унижалъ въ народномъ собраніи заслуги Тимолеоновы и даже злословилъ сего старца. «Желанія мои ис»полнились, вскричалъ Тимолеонъ: я »всегда просилъ боговъ о возстанов»леніи въ Сиракузахъ вольности, такъ »чтобы каждый гражданинъ безъ на»казанія могъ говорить все, что ду»маетъ.»

Наконецъ сей великій мужъ, послѣ долговременной и почтенной старости, скончался отъ легкой болѣзни. Сиракузяне изъявили ему послѣдній знакъ любви своей, похоронивъ его великолѣпно и воздвигнувъ огромный памятникъ, при которомъ совершались игры; въ честь его учрежденъ былъ годовый праздникъ. Такимъ образомъ Тимолеонъ насладился уваженіемъ народнымъ, и принадлежитъ къ малому числу людей, которые при смерти своей видѣли, что оказывали услуги благодарнымъ.

Эпикуръ.

Зенонъ.

Фабриції.

Пирръ.

Регулъ.

Агисъ и Клеоменъ.

ЕПИКУРЪ,

ФИЛОСОФЪ ГРЕЧЕСКІЙ,

родился за 342 года до Рожд. Христова.

Имя Епикурово очернено было многократно. Можно сказать, что люди грубо обижали его. Они не хотѣли разобрать, что самъ философъ могъ быть гораздо лучше, нежели приписываемая ему нравственность.

Сей мудрецъ родился въ Гаргеціи въ Аттикѣ за 342 года до нашего лѣтосчисленія. Мать его упражнялась въ заклинаніи злыхъ духовъ; а онъ сначала помогалъ ей въ семъ суевѣрномъ дѣлѣ. Такое ремесло могло бы погубить другаго; но Епикуръ родился съ дарованіями, которыя могли поставить его выше обыкновеннаго образа мыслей. Ревность его къ просвѣщенію заставила притти въ Аѳины и слушать всѣхъ обучавшихъ тогда философовъ. Онъ обошелъ всѣ области, гдѣ надѣялся чему нибудь научиться. Возвратившись въ Аѳины, открылъ въ свою очередь школу философскую. Онъ давалъ уроки слушателямъ своимъ въ прекрасномъ саду, подъ тѣнью

древесъ, и на лугу, испещряемомъ цвѣтами. Ученіе его состояло въ томъ, что все щастіе заключается въ роскоши. Подъ именемъ роскоши разумѣлъ онъ не чувственныя забавы, но спокойствіе духа и удовольствіе, происходящее отъ добродѣтели. Онъ конечно бы могъ выбрать другое слово для выраженія своей мысли, и тогда бы отнялъ у враговъ своихъ всякой предлогъ обвинять его въ открытіи школы разврата, а у развращенныхъ людей право называться его учениками. Епикуръ отвѣтствовалъ на часто дѣланные упреки своимъ поведеніемъ, приличнымъ всякому мудрецу. Онъ умѣлъ довольствоваться малымъ, убѣгалъ излишняго и совѣтовалъ каждому наблюдать во всемъ умѣренность. Онъ имѣлъ непорочные нравы и почти все свое время употреблялъ на философскія бесѣды и сочиненія. Считаютъ до 300 томовъ его твореній. Человѣкъ, написавшій столько книгъ, конечно не имѣлъ времени предаваться забавамъ, извѣстнымъ на нашемъ языкѣ подъ именемъ роскоши.

Мысль Епикурова о Божествѣ весьма вредна была для нравственности и конечно не могла обуздывать желаній человѣческихъ. Онъ думалъ, что

Верховное Существо, будучи совершенно равнодушно ко всему находящемуся внѣ его, погружено въ вѣчномъ усыпленіи. Физика его была не лучше вѣры. Онъ предполагалъ, что пылинки, плавая въ пустомъ пространствѣ, соединились между собою, составили шарики и такимъ образомъ произвели міръ. Лукрецій воспѣлъ въ прекрасныхъ стихахъ сіи нелѣпости, взятыя Епикуромъ у Левкиппа и Демокрита.

Сей философъ, изнуривъ свое здравіе трудами и размышленіями, умеръ на 70 году отъ задержанія мочи. Ученики сохранили память своего учителя, и каждый годъ праздновали день его рожденія цѣлый мѣсяцъ. Они скоро раздѣлились и составили двѣ секты: одна называлась *строгая*, а другая *слабая*. Сія послѣдняя была въ великомъ уваженіи потому, что порокъ для многихъ приманчивѣе добродѣтели. Такимъ образомъ Епикуръ, бывъ совершенно добродѣтельнымъ человѣкомъ и желавъ усердно всякаго щастія себѣ подобнымъ, сдѣлался, естьли не основателемъ, то по крайней мѣрѣ виновникомъ Философіи, произведшей пагубныя слѣдствія

вездѣ, гдѣ только она имѣла вліяніе на общественные нравы.

ФАБРИЦІЙ,

КОНСУЛЪ РИМСКІЙ,

живщій около 282 года до Рожд. Христ.

Кайй Фабрицій Лускъ одержалъ главнѣйшія побѣды надъ Бруттіанами, Самнитами и Луканцами. Полученная имъ добыча была столь многочисленна, что за награжденіемъ воиновъ и возвращеніемъ всего употребленнаго гражданами на военныя издержки, осталось у него 400 талантовъ, которые онъ приказалъ нести за собою въ день своего тріумфа.

Но Фабрицій болѣе извѣстенъ, какъ добродѣтельный человѣкъ, нежели какъ полководецъ. Онъ доказалъ это разительнымъ примѣромъ при посольствѣ своемъ къ Пирру. Сей послѣдній желалъ заключить миръ, и узнавши, что Фабрицій, не смотря на то, что принадлежалъ къ числу первыхъ гражданъ, былъ бѣденъ, вздумалъ склонить его подарками. Онъ отвелъ его въ сторону и предложилъ множество золота и серебра, въ знакъ дружбы и

гостепріимства; но Фабрицій не хотѣлъ о томъ и слышать. Пирръ, желая испытать его неустрашимость, приказалъ въ продолженіи разговора съ Фабриціемъ поставить за обоями самаго большаго слона, ибо Римлянинъ никогда еще не видывалъ сихъ животныхъ. Приказаніе было исполнено. По данному знаку обои подняли и открыли слона, испускающаго страшный ревъ и поднимавшаго хоботъ свой надъ головою Фабриція. Сей послѣдній отступилъ безъ всякаго смущенія, и сказалъ Пирру улыбаясь: « слонъ твой производитъ во мнѣ те« перь такое же дѣйстіе, какое вчера « произвело твое золото. « Будучи за столомъ съ Пирромъ, слушалъ разговоръ о нравственности Епикура, полагавшаго верховное блаженство человѣка въ забавахъ и удаленіи отъ дѣлъ, и утверждавшаго, что боги не берутъ никакого участія въ земныхъ произшествіяхъ. « Великіе боги! вскри« чалъ Фабрицій, сдѣлайте, чтобъ « Пирръ и Самниты придерживались « сего ученія во все то время, когда « будутъ воевать съ нами. «

Пирръ, изумленный сею мудростію и добродѣтелью, еще болѣе пожелалъ помириться съ республикою, въ кото-

рой раждались такіе граждане. Онъ просилъ Фабриція споспѣшествовать заключенію мира, и при семъ случаѣ предлагалъ ему остаться у него, обѣщая дать первое мѣсто между своихъ друзей и государственныхъ совѣтниковъ. »Государь! отвѣчалъ великодуш-
»ный Римлянинъ, ты великой воинъ;
»но подданные твои угнетены бѣд-
»ностію. Они обременены налогами:
»я облегчилъ бы ихъ; они не увѣрены въ
»своей собственности, я бы успоко-
»илъ ихъ; они теперь уважаютъ те-
»бя, но вскорѣ потомъ прилѣпились бы
»ко мнѣ; теперь я твой любимецъ, а
»завтра сдѣлался бы твоимъ власте-
»линомъ.«

Фабрицій, сдѣлавшись Консуломъ, получилъ письмо отъ врача Пиррова, въ которомъ сей обѣщалъ за извѣстное награжденіе избавить Римъ отъ сего Государя, отравивъ его ядомъ. Консулъ тотчасъ написалъ къ Пирру слѣдующее: »ты очень дурно поступилъ
»въ выборѣ друзей и непріятелей;
»это докажетъ тебѣ письмо одного
»твоего любимца, которое посылаемъ
»къ тебѣ. Ты ведешь войну съ честны-
»ми людьми, а довѣренность свою ока-
»зываешь злодѣямъ. Мы увѣдомляемъ
»тебя о семъ не для того, чтобъ за-

„служить твое благоволеніе, но чтобы „приключившуюся тебѣ смерть не „приписали измѣнѣ. Мы можемъ побѣ„дить тебя вооруженною рукою.“

Сей Римлянинъ по суровости своего нрава выбранъ былъ въ Ценсоры вмѣстѣ съ Емиліемъ Поппомъ, столь же строгимъ человѣкомъ. У Фабриція весь запасъ серебра состоялъ въ одной небольшой солонкѣ, у которой ножки были роговыя; а у Эмилія Поппа было одно только блюдо, на которомъ онъ приносилъ богамъ жертву. Сіи два Ценсора разжаловали одного Сенатора, по имени Корнелія Руфина, бывшаго два раза Консуломъ и Диктаторомъ, за то, что онъ имѣлъ 10 фунтовъ столовой серебряной посуды. Эта строгость кажется чрезмѣрною; однакожъ она нужна была въ такой республикѣ, которая поддерживалась одною только добродѣтелью гражданъ. Фабрицій въ частной своей жизни наблюдалъ такую же умѣренность, какую оказывалъ въ публикѣ. Онъ питался овощами, которые самъ обработывалъ: словомъ сказать, онъ жилъ и умеръ въ бѣдности.

ПИРРЪ,

ЦАРЬ ЭПИРСКІЙ,

умерЪ за 272 года до Рожд. Христова.

Сей Государь служитЪ разительнымЪ примѣромЪ бѣдствій, навлекаемыхЪ любочестіемЪ. Честолюбіе другихЪ мучило его сЪ самаго младенчества; а свое собственное не давало покоя во всю жизнь и было причиною его смерти. Побѣды его помрачаемы были неудачами, а великая дѣятельность не принесла никакой пользы ни ему самому, ни другимЪ. Кажется, что онЪ болѣе движимЪ былЪ ненасытнымЪ желаніемЪ блистать, нежели какимЪ-нибудь благоразумнымЪ предначертаніемЪ; слѣдственно сего Государя должно помѣстить вЪ число людей, рожденныхЪ единственно для общаго безпокойства.

ОнЪ былЪ еще вЪ колыбели, какЪ Молоссы взбунтовались и выгнали Эацида, отца его. Самаго его едва не захватили и не умертвили. Вѣрные служители для спасенія его жизни подвергали себя величайшимЪ опасностямЪ и отправили его ко двору Главка,

Царя Иллирійскаго. Сей Государь, страшась Касандра, смертельнаго непріятеля Эацидова, долго не соглашался принять младенца. Между тѣмъ малолѣтный Пирръ ползалъ передъ нимъ, и наконецъ поднялся на ноги, держась за колѣна Государя. Это разсмѣшило Главка, а потомъ привело въ жалость. Ему казалось, что Пирръ самъ умолялъ его и отдавался ему въ покровительство. Тогда онъ принялъ его и поручилъ супругѣ своей воспитывать вмѣстѣ съ дѣтьми своими. Черезъ нѣсколько времени непріятели начали требовать Пирра и обѣщали Главку 200 талантовъ, естьли согласится его выдать. Главкъ съ ужасомъ отвергнулъ сіе предложеніе, и когда Пирръ достигнулъ двѣнадцатилѣтняго возраста, то отправилъ его съ войсками въ Епиръ и возвратилъ ему отцовскій престолъ. Пирръ на семнадцатомъ году опять лишился государства во время кратковременнаго отбытія своего на бракъ сына Главкова. Молоссы, воспользовавшись симъ случаемъ, выгнали изъ города всѣхъ приверженцевъ Пирровыхъ и сдались противнику его Неоптолему.

Тогда сей Государь, будучи остав-

ленъ всѣми, удалился къ шурину своему Димитрію. Онъ былъ, не смотря на свою молодость, ему весьма полезенъ, и во время службы при его войскахъ доказалъ, чего надлежало ожидать отъ него. Потомъ прибывъ въ Египетъ ко двору Птоломея, у котораго пришелъ въ такую милость, что Царь отдалъ за него Антигону, дочь свою отъ первой супруги Беренисы. Послѣ сего Пирръ, получивъ деньги и войско, отправился для завоеванія Епира. Онъ оставилъ Неоптолему нѣкоторую часть государства, но скоро потомъ взялъ ее обратно. Вступивъ въ права свои, не думалъ онъ ни о чемъ болѣе, кромѣ завоеваній. Но подробности многочисленныхъ его походовъ принадлежатъ къ Исторіи, и не могутъ имѣть мѣста въ семъ сокращенномъ жизнеописаніи. Когда Александръ призвалъ его на помощь противъ Димитрія, Царя Македонскаго, то онъ потребовалъ въ награжденіе за услуги свои нѣсколько провинцій, и тотчасъ ихъ занялъ; но скоро принужденъ былъ симъ Государемъ опять изъ оныхъ выступить. Потомъ отправился въ Италію, гдѣ одержалъ знаменитую побѣду, и возвратясь оттуда, напалъ на Македонію во вре-

мя болѣзни Димитрія. Сей послѣдній по выздоровленіи своемъ принудилъ его въ другой разъ отступить. Пирръ учинилъ новыя покушенія и имѣлъ щасливый успѣхъ: онъ овладѣлъ Македоніею и раздѣлилъ ее съ Лисимахомъ; но не долго тѣмъ пользовался: Македоняне выгнали его, признавъ Государемъ своимъ его товарища.

Пирръ могъ жить очень щасливо; но Плутархъ говоритъ, онъ безпокоился, когда не причинялъ никому зла, или не терпѣлъ его отъ другихъ взаимно. Щастіе благопріятствовало его желанію. Тарентинцы, воевавшіе противъ Римлянъ и не имѣвшіе довольно силъ сопротивляться имъ, призвали Пирра на помощь. Онъ тотчасъ прибылъ. Философъ Цинеасъ, тайный его совѣтникъ, видя Государя своего опять обратившагося къ войнѣ, хотѣлъ дать ему благоразумное наставленіе, которое однакожъ было безполезно. «Римляне, говорилъ онъ, весьма славятся храбростію; они повелѣваютъ многими воинственными народами: естьли мы, при помощи боговъ, усмиримъ ихъ, то къ чему послужитъ намъ сія побѣда? — Къ чему? прервалъ Пирръ; она отворитъ намъ путь въ Италію. — Завоевавъ Италію,

продолжалъ Цинеасъ, что мы будемъ дѣлать? — Сицилія недалеко оттуда; не трудно будетъ завладѣть ею. — Кончится ли этимъ война? — Нѣтъ! овладѣвъ Сициліею, мы можемъ еще многое сдѣлать: переправимся въ Африку и возмемъ Карѳагенъ: тогда уже намъ нечего бояться непріятелей; они не осмѣлятся пошевелиться. Точно, говорилъ Цинеасъ, при такомъ могуществѣ намъ весьма легко будетъ возвратить Македонію; но кончивъ все это, что мы будемъ дѣлать? — О! тогда, отвѣчалъ Пирръ, мы будемъ отдыхать и заниматься однѣми забавами. — Да кто же намъ препятствуетъ, говорилъ Цинеасъ, теперь приступить къ этому, не подвергая себя безпокойствамъ, не проливая крови и не отваживаясь на смерть для побѣдъ, которыя стоятъ такихъ великихъ трудовъ и которыхъ можетъ быть мы и не одержимъ? « Совѣтъ былъ очень хорошъ; но Пирръ не умѣлъ имъ пользоваться. Однакожъ два сраженія, выигранныя имъ у Римлянъ, не только не возгордили его, но еще заставили желать мира съ ними. Римляне сражались съ обыкновенною своею храбростію, и Пирръ обязанъ былъ своею побѣдою однимъ только

слонамъ, которыхъ необыкновенный видъ привелъ непріятелей въ смятеніе и разсыпалъ ихъ конницу. Побѣды сіи дорого стоили Пирру, и онъ видя войско свое, уменьшенное до половины, сказалъ: « естьли я одержу еще такую же побѣду, то принужденъ буду одинъ возвратиться въ свое государство.» И такъ отправилъ онъ Цинеаса для переговоровъ о мирѣ; но Сенатъ отвѣтствовалъ: « естьли Пирръ желаетъ пріобрѣсть дружество Римлянъ, то онъ не иначе долженъ дѣлать предложенія о томъ, какъ выступивъ изъ Италіи.»

Пирръ, не видя большихъ для себя выгодъ въ продолженіи войны и не желая при всемъ томъ уступить какъ побѣжденный, началъ искать предлога удалиться съ честію. Щастіе и въ семъ случаѣ ему благопріятствовало. Сицилійцы позвали его къ себѣ на помощь, желая избавиться отъ ига Карѳагенцевъ и другихъ небольшихъ тирановъ. Онъ тотчасъ согласился: выигралъ у Карѳагенцевъ два сраженія и овладѣлъ всею Сициліею. Не умѣя пользоваться успѣхами, возгордился и не удерживалъ воиновъ своихъ отъ наглостей. Сицилійцы, видя, что перемѣнили только властителя, вступили

противъ него въ заговоръ, и какъ онъ былъ худой политикъ, то довели его вскорѣ до критическаго положенія. Онъ опять нашелъ выгодный предлогъ выпти съ честію изъ сего труднаго обстоятельства, и получивъ письмо отъ Тарентинцевъ, призывавшихъ его на помощь, отправился къ нимъ безъ замедленія. Флотъ его былъ разбитъ въ Сицилійскомъ проливѣ, и онъ изъ 200 галеръ привелъ въ Италію только 12. Наконецъ сей Государь, бывъ побѣжденъ Римлянами, возвратился со стыдомъ въ Епиръ.

Побѣда слишкомъ возгордила сего Государя; но нещастіе его не образумило. Просивши безполезно помощи у Антіоха, Царя Сирійскаго, и Антигона, Царя Македонскаго, ворвался онъ во владѣнія сего послѣдняго, завоевалъ нѣкоторую часть ихъ и старался унизить Македонію. Потомъ, по прозьбѣ Клеонима, Князя Спартанскаго, пошелъ войною на Лакедемонцевъ и осадилъ ихъ городъ; но неимѣвъ желаемаго успѣха, обратился къ Аргосу, раздѣлившемуся тогда на двѣ партіи, коими предводительствовали Аристиппъ и Аристей. Сей послѣдній далъ Пирру случай войти въ городъ ночью, и онъ уже хотѣлъ вступить туда съ своими

слонами; но сіи животныя, чувствуя себя стѣсненными, привели въ безпорядокъ шеренги и заперли всѣ выходы. Тогда-то жители городскіе напали на него. Перо отличало Пирра отъ всѣхъ другихъ: онъ его бросилъ; но когда одинъ Аргосскій воинъ преслѣдовалъ его съ великимъ стремленіемъ и поразилъ дротикомъ, то онъ остановился и хотѣлъ убить непріятеля своего мечемъ; но старуха, мать сего воина, безпокоясь о участи сына своего, бросила съ крышки дома своего черепицу въ голову Пирра, отъ чего онъ упалъ безъ чувства. Воинъ Антигоновъ тотчасъ отрубилъ ему голову. Такъ окончилъ жизнь свою Царь сей, имѣвшій всѣ качества храбраго воина, но не имѣвшій ни одного достоинства, дѣлающаго хорошихъ Государей. Онъ охотно воевалъ безъ всякой цѣли и побѣждалъ безъ пользы.

РЕГУЛЪ,

КОНСУЛЪ РИМСКІЙ,

живший около 267 лѣтъ до Рожд. Христ.

Маркъ Аттилій Регулъ былъ два раза Консуломъ. Въ первое консульство покорилъ Салентинцевъ и овладѣлъ столицею ихъ Бриндою; но въ войнѣ съ Карѳагенцами, во время втораго своего консульства, пріобрѣлъ славу, которая сдѣлала имя его безсмертнымъ. Люцій Манлій былъ его товарищемъ. Сіи полководцы отправились со флотомъ, изъ 340 кораблей состоявшимъ, и съ 140.000 высаднаго войска. Карѳагенцы выставили противъ ихъ столь же многочисленный, но легчайшій и лучше снаряженный флотъ. Морская торговля давно уже усовершенствовала ихъ въ мореплаваніи; Римляне напротивъ того, привыкши сражаться на сухомъ пути, знали искусство сіе несовершенно. И такъ когда дѣло дошло до маневровъ, то Римляне были гораздо неискуснѣе своихъ непріятелей; но когда уже началось дѣйствіе, то храбрость Римская превозмогла, и побѣжденные Карѳагенцы дали сво-

бодный проходъ врагамъ своимъ, которые, вышедши на Африканскій берегъ, овладѣли городомъ Клупеею и опустошили непріятельскую землю, взявъ въ плѣнъ 20.000 человѣкъ. Манлій, коего присутствіе нужно было въ Италіи, возвратился оттуда съ частію флота и оставилъ Регула одного начальствовать надъ войсками, долженствовавшими дѣйствовать противъ Карѳагенцевъ. Когда время его консульства прошло, то онъ оставленъ былъ при этой же должности, въ званіи Проконсула; но черезъ нѣсколько времени потребовалъ себѣ преемника и увольненія отъ службы, узнавши, что откупщикъ, обработывавшій семь десятинъ земли, въ которыхъ состояло все имѣніе сего полководца, умеръ, и что слуга его похитилъ всѣ орудія, нужныя для земледѣлія. Регулъ представилъ Сенату письменно, что жена его и дѣти могутъ умереть съ голоду, естьли онъ своимъ присутствіемъ и трудолюбіемъ не поправитъ семейственныхъ дѣлъ. Сенатъ, не желая прервать теченія Реguловыхъ побѣдъ, приказалъ содержать жену его и дѣтей, воздѣлывать его земли общественнымъ иждивеніемъ и купить новыя орудія для землепашества: награжде-

ніе весьма умѣренное, говоритъ Верmотъ, не опустившій сего обстоятельства, описаннаго Валеріемъ Максимомъ; награжденіе умѣренное, естьли смотрѣть на одну его цѣну: но оно дѣлаетъ больше чести сему добродѣтельному Римлянину, нежели всѣ пышныя названія, украшающія новыхъ полководцевъ, обогатившихся грабительствомъ и содѣлавшихся извѣстными потомству можетъ быть но однимъ только бѣдствіямъ, причиненнымъ сребролюбіемъ ихъ въ земляхъ завоеванныхъ. Сіи слова, сказанныя Вертотомъ о нѣкоторыхъ богачахъ своего времени, могутъ по всей справедливости премѣнены быть ко многимъ особамъ нашего вѣка; разность состоитъ только въ томъ, что многіе изъ нашихъ, при Реguловой бѣдности, притворялись столько же добродѣтельными, какъ и онъ, единственно для того, чтобъ лучше скрыть свое хищеніе: въ послѣдствіи они не стыдились обнаружить, что имѣли столько же чистосердечія, сколько и доброты. Но не станемъ помрачать сими посторонними чертами картины существенныхъ добродѣтелей Регула.

Оставшись одинъ главнымъ началь-

никомъ, онъ продолжалъ войну съ такою дѣятельностію, что принудилъ Карѳагенцевъ требовать мира; но предложенныя имъ условія были такъ жестоки, что невозможно было принять ихъ. Находясь среди непріятелей, говорилъ онъ съ непростительною гордостію: надобно побѣдить, или принять законы побѣдителя. Карѳагенцы, слѣлавъ новыя усилія и поручивъ начальство полководцу Ксантиппу, котораго вытребовали у Лакедемонцевъ, оправились наконецъ: они разбили Римлянъ и взяли Регула въ плѣнъ. Злобствуя на сего полководца, обходились они съ нимъ болѣе какъ съ злодѣемъ, нежели съ военачальникомъ. Они посадили его въ тюрьму и держали четыре года; да и не освободили бы никогда, естьли бы новыя потери не заставили ихъ требовать мира. И такъ выпустили его изъ тюрьмы, чтобъ отправить въ Римъ стараться о заключеніи мира, или по крайней мѣрѣ о размѣнѣ плѣнныхъ. Начальники Карѳагенскіе, отпуская Регула, принудили его дать слово возвратиться опять въ Карѳагенъ, естьли посредничество его будетъ безуспѣшно; даже объявили, что самая жизнь его будетъ зависѣть

отъ образа его поступковъ. Добродѣтельный Римлянинъ былъ столько благороденъ, что предпочелъ жизнь свою пользѣ отечества. Какъ для Рима гораздо выгоднѣе было продолжать войну, то Регулъ самъ предложилъ это въ полномъ собраніи Сената.

Исполнивъ все, что предписывалъ долгъ великодушному его сердцу, отправился онъ обратно въ Карѳагенъ, не заботясь ни о женѣ, ни о дѣтяхъ своихъ, дабы они не умягчили его и не склонили къ какому-нибудь недостойному дѣлу. Карѳагенцы имѣли духъ торговый; они не только не удивились благородному поступку Регула, но рѣшились еще наказать за то, что онъ предпочелъ отечество Карѳагену. Сіи варвары выдумали ужасныя мученія для умерщвленія его: отрѣзали у него вѣки и такимъ образомъ выставили на нѣсколько дней противъ солнца; потомъ бросили его въ бочку, набитую гвоздьми, гдѣ его и уморили.

Нѣкоторые ученые оспориваютъ достовѣрность сего героическаго дѣйствія; но, къ нещастію, мы имѣемъ довольно злодѣйскихъ поступковъ, точно доказанныхъ, и потому нѣтъ нужды уменьшать число примѣрныхъ

добродѣтелей, которыя можно представить свѣту.

ЗЕНОНЪ,

ФИЛОСОФЪ ГРЕЧЕСКІЙ,

живщій около 362 лѣтъ до Рожд. Христ.

Зенонъ былъ основатель Философіи, которая произвела многихъ великихъ людей. Сей мудрецъ училъ сносить терпѣливо судьбу свою, какова бы она ни была, презирать богатство, жить, какъ говоритъ Сенека, не по людскому мнѣнію, а по природѣ; а особливо предпочитать всему добродѣтель. »Съ добродѣтелью, говорилъ онъ, можно все переносить, »даже и самую боль.« Философія сія возвеличивала душу, давала человѣку высокое о самомъ себѣ мнѣніе и не допускала его до униженія. Она-то одушевляла двухъ Катоновъ, образовала нѣкоторымъ образомъ добродѣтельнаго Марка Аврелія Антонина и сдѣлала невольника Епиктета первымъ человѣкомъ въ свѣтѣ. Слѣдственно Зенонъ былъ благодѣтель и другъ человѣчества.

Сей мудрецъ родился въ Цитіумѣ,

на островѣ Кипрѣ, и сначала занимался торговлею. Случай привелъ его въ Аѳины, куда брошенъ былъ бурею, по претерпѣніи кораблекрушенія. Онъ почиталъ сіе произшествіе щастливѣйшимъ въ своей жизни. Онъ началъ учиться Философіи у Циника Кратеса, у Стильпона, Ксенократа и Полемона. Потомъ самъ открылъ школу и скоро привлекъ множество учениковъ. Къ Философіи, заключавшей въ себѣ способъ дѣлать людей добродѣтельными, онъ присовокупилъ богословію, которая не весьма была сообразна съ сею цѣлію. Богъ, по мнѣнію его, есть душа свѣта, то есть невидимая сила, одушевляющая все. Эта сила и матерія соединившись, производятъ совершенное животное. Вотъ божество Зеноново! Такая мысль конечно не совсѣмъ груба, но она никъ чему не служитъ. Сверхъ того философъ сей признавалъ неизбѣжную судьбу: система гнусная, незначущая ничего, и могущая разрушить въ глазахъ людей заслугу добрыхъ дѣлъ и необходимость побужденій.

Зенонъ, получивъ ушибъ, коего слѣдствія были неизлечимы, умертвилъ себя своими руками за 264 года до нашего лѣтосчисленія. Ему было

тогда 98 лѣтъ. Аѳиняне весьма уважали его и воздвигли ему памятникъ въ городкѣ Церамикѣ. Въ слѣдствіе народнаго опредѣленія, въ которомъ похваляли его, какъ философа, коего жизнь сообразна была правиламъ и который безпрестанно поощрялъ учениковъ своихъ къ добродѣтели, присужденъ ему золотой вѣнецъ и оказаны чрезвычайныя почести, »дабы, сказано въ этомъ опредѣленіи, каждому извѣстно было, что Аѳиняне всегда уважаютъ людей отличнаго достоинства, какъ въ продолженіе ихъ жизни, такъ и по смерти.«

Послѣдователи Философіи Зеноновой назывались Стоиками, по имени портика, гдѣ мудрецъ сей обыкновенно бесѣдовалъ.

АГИСЪ и КЛЕОМЕНЪ,

ЦАРИ СПАРТАНСКІЕ,

умершіе: первый около 241, а второй около 220 года до Рождества Христова.

Спарта не сохраняла уже болѣе прежней суровости нравовъ; богатство и роскошь, слѣдующія за ними, вкрались въ ея нѣдра и развратили

жителей до того, что они совсѣмъ перестали походить на своихъ предковъ. Слава ихъ исчезла вмѣстѣ съ ихъ суровостію. Юный Агисъ, Царь Спартанскій, вздумалъ оживить законы Ликурговы и вмѣстѣ съ нимъ всѣ добродѣтели, отличившія Спарту въ то время, когда онъ болѣе всѣхъ другихъ могъ увлеченъ быть симъ стремительнымъ потокомъ. Мать его и бабка, страстно любившая роскошь и великолѣпіе, призывали его къ забавамъ и имѣли довольно богатства, удовлетворить всѣ желанія его, естьли бы онъ на это склонился. Сей добродѣтельный юноша, вмѣнявшій такое поведеніе въ слабость и стыдъ своему отечеству, вооружался всею силою противъ роскоши, одѣвался просто, и говорилъ, что сложилъ бы съ себя корону, естьли бы не имѣлъ надежды возстановить предписанія Ликурговы. Когда онъ предложилъ желаемую перемѣну, то противъ всякаго чаянія увидѣлъ, что молодые люди взяли его сторону; а взрослые и состарѣвшіеся въ развратѣ столько же боялись обратиться къ учрежденіямъ Ликурга, сколько бѣглый невольникъ страшится попасть въ руки своего господина. Лизандръ, Андроклидъ и Агези-

лай, первѣйшіе Спартанскіе граждане, наиболѣе одобряли его намѣреніе. Сей послѣдній былъ дядя Агиса. Однакожъ каждый изъ нихъ имѣлъ свои собственные виды: два первые желали того искренно; но Агезилай, имѣвши весьма знатныя помѣстья, никакъ не соглашался на раздѣлъ земель, предписанный Ликургомъ. Великіе долги, отъ которыхъ онъ не могъ избавиться, заставляли его желать одного только уничтоженія сихъ обязанностей. Такимъ образомъ содѣйствовалъ онъ болѣе всѣхъ успѣху предпріятія Агисова. Онъ взялся уговорить сестру свою и многихъ Лакедемонскихъ женщинъ, которыя не хотѣли о томъ и слышать; онъ даже принялъ на себя должность Эфора, чтобъ имѣть болѣе силы и права говорить именемъ народа, который бывъ доведенъ до нищеты, желалъ что-нибудь выиграть у богачей. Леонидъ, другой Царь Спартанскій, бывъ весьма богатъ и привыкнувъ къ Азіатскому великолѣпію, противился болѣе другихъ предполагаемой перемѣнѣ, и имѣлъ на своей сторонѣ всѣхъ богачей и ростовщиковъ. Но Агезилай, имѣвшій пособія, доказалъ, что Леонидъ жилъ въ чужой землѣ и женился на иностранкѣ,

слѣдственно онъ по законамъ не только долженъ лишенъ быть Царской власти, но даже и гражданства; почему его тотчасъ низложили и выгнали. Агезилай хотѣлъ умертвить его; но Агисъ, имѣвшій въ виду одно только общественное благо, узнавъ о семъ, приказалъ дать свиту для провожденія сего Государя.

Уничтоживъ такимъ образомъ всѣ препятствія, Агисъ обьявилъ, что оставляетъ многочисленныя свои помѣстья и находящіеся у него 600 талантовъ серебра. Такое великодушіе пріобрѣло ему всеобщую похвалу; казалось, что уничтоженіе долговъ и раздѣлъ земель могли послѣдовать безпрепятственно: но вѣроломный Агезилай, не упустившій изъ виду цѣли своей, сдѣлалъ, что уничтоженіе долговъ опредѣлено прежде. Когда договоры и обязательства принесены были на площадь, то собрали ихъ всѣхъ въ одно мѣсто и сожгли. « Какой прекрасный пожаръ! вскричалъ Агезилай; я во всю жизнь мою лучше не видывалъ. » Онъ дѣйствительно много выигралъ; но по окончаніи сего дѣла не переставалъ выдумывать средствъ для отдаленія раздѣла земель. Когда же Агисъ принужденъ былъ отлучиться

изъ города по причинѣ воспослѣдовавшей войны, то въ отсутствіе его все приняло иной видъ. Леонидъ опять возведенъ на тронъ, а Агисъ, возвратившійся съ войскомъ, объявленъ преступникомъ и едва имѣлъ время убѣжать въ храмъ. Почтеніе, которое народъ оказывалъ тогда къ богамъ своимъ, не позволило осквернить насиліемъ внутренность храма. Такимъ образомъ Агисъ жилъ нѣсколько времени, но не умѣлъ брать достаточныхъ предосторожностей. Онъ былъ захваченъ внѣ храма, а Эфоры, приверженные къ Леониду, произвели надъ нимъ судъ наскоро и осудили на смерть за введеніе въ общественный порядокъ новостей. Опасаясь, чтобъ народъ, узнавши о семъ, не пришелъ въ движеніе, приказали тотчасъ исполнить приговоръ. Агисъ, готовый подвергнуться своему жребію, замѣтивъ, что одинъ изъ урядниковъ плакалъ, сказалъ ему: „успокойся, „мой другъ! я умираю болѣе честнымъ „человѣкомъ, нежели тѣ, которые „осудили меня.„ Мать Агиса, прибѣжавшая къ нему по полученіи перваго извѣстія о взятіи его подъ стражу, казнена была послѣ. Сынъ мой! вскричала она, увидя трупъ его: ми-

лосердіе и доброта твоя причинили смерть и тебѣ и всѣмъ намъ. Бабка его также участвовала въ этомъ бѣдствіи и лишена жизни послѣ дѣтей своихъ. Вотъ одинъ изъ многочисленныхъ примѣровъ, описываемыхъ въ Исторіи, что добро, которое хотятъ сдѣлать народу, гораздо стоитъ дороже честнымъ людямъ, предпринимающимъ его, нежели зло бездѣльникамъ, которые имъ пользуются!

Леонидъ, оставшись одинъ Царемъ Лакедемонскимъ, женилъ сына своего Клеомена, хотя онъ былъ и очень еще молодъ, на вдовѣ Агисовой, самой прекраснѣйшей женщинѣ въ Спартѣ. Сей Клеоменъ почувствовалъ весьма нѣжную любовь къ своей супругѣ, разсказалъ ей тщетныя предпріятія Агиса; потомъ нечувствительно началъ самъ помышлять объ нихъ: но какъ для него весьма опасно было обнаруживать свои мнѣнія о семъ предметѣ, то онъ скрывалъ ихъ до того самаго времени, какъ отецъ его скончался. Тогда употребилъ онъ пристойнѣйшія средства для достиженія своей цѣли; но какъ власть Эфоровъ превышала тогда силу Царей, то онъ началъ свою перемѣну уничтоженіемъ сего сословія. Примѣръ Агиса

доказалЪ ему, сЪ какимЪ благоразуміемЪ поступать должно было. И такЪ постарался онЪ занять Лакедемонцевъ войною, которая бы не давала имЪ времени думать о дѣлахЪ общественныхЪ. Вскорѣ произошло несогласіе сЪ Ахеянами. Одержанныя КлеоменомЪ побѣды доставили ему большое уваженіе и способствовали исполненію его предпріятія. Возвратясь вЪ Спарту, тотчасЪ приказалЪ онЪ схватить и умертвить ЭфоровЪ, которые могли служить ему препоною. Сіе убійство стоило Клеомену дорого, но онЪ по неволѣ долженЪ былЪ совершить его. ПотомЪ выгналЪ онЪ изЪ города восемдесять гражданЪ и наконецЪ раздѣлилЪ какЪ собственныя имѣнія, такЪ и принадлежащія родственникамЪ своимЪ и всѣмЪ богатымЪ владѣльцамЪ. ТакимЪ образомЪ истребилЪ онЪ роскошь и возстановилЪ часть законовЪ ЛикурговыхЪ. ОнЪ заставлялЪ прилѣпляться кЪ простотѣ собственнымЪ своимЪ примѣромЪ, какЪ и АгисЪ; но имѣя больше твердости вЪ характерѣ, употреблялЪ строгость, гдѣ не дѣйствовало добродушіе. Между тѣмЪ не желая заставить ЛакедемонцевЪ думать, что имѣетЪ какое-нибудь тайное намѣреніе, раздѣлилЪ, по обык-

новенію Спартанскому, верховную власть и выбралъ себѣ въ товарищи брата своего Евклида.

Ахеяне, считая перемѣну сію способною для удовлетворенія своего мщенія, выступили тотчасъ въ походъ; но Клеоменъ вышелъ къ нимъ на встрѣчу, разбилъ ихъ, даже принудилъ бы заключить выгодный миръ, и тѣмъ доставилъ Спартѣ преимущество надъ Греціею, естьли бы Арадъ, ихъ полководецъ, видѣвшій съ негодованіемъ быстрое возвышеніе Клеомена, не призвалъ на помощь Антигона, Царя Македонскаго. Сперва Лакедемонцы имѣли великія выгоды, но въ послѣднемъ сраженіи, которое Клеоменъ, за недостаткомъ денегъ принужденъ былъ дать очень скоро, были совершенно разбиты, и Антигонъ овладѣлъ Спартою.

Клеоменъ при семъ нещастномъ случаѣ долженъ былъ искать себѣ убѣжища въ Египтѣ. Птоломей Евергетъ, царствовавшій тамъ, принялъ его очень хорошо и обѣщалъ ему деньги и войско для возвращенія престола; но скорая смерть воспрепятствовала исполненію сихъ обѣщаній. Клеоменъ нашелъ въ преемникѣ сего Государя совсѣмъ противное распо-

ложеніе. Онъ не только не могъ выѣхать изъ областей его, но и совершенно лишился свободы: его вмѣстѣ съ друзьями его заперли въ одинъ домъ и окружили стражею. Клеоменъ родился для дѣлъ необыкновенныхъ: увидѣвъ, что ему не осталось никакой надежды, склонилъ друзей своихъ вырваться изъ тюрьмы съ оружіемъ и взбунтовать Александрію, гдѣ они тогда находились. ЦарьЕгипетскій былъ недалеко оттуда. Друзья его, столько же храбрые, какъ и онъ, согласились на его предложеніе; начали стараться усыпить свою стражу, сыскали средство напоить ее и вышли изъ тюрьмы съ оружіемъ въ рукахъ. Число ихъ простиралось до тринадцати человѣкъ. Едва только вышли они на улицу, то начали кричать изо всей силы: вольность! вольность! но жители, не отвѣчая на сіе дерзновенное восклицаніе, съ крайнимъ изумленіемъ заперлись въ домахъ своихъ и оставили городъ какъ бы въ рукахъ сей небольшой толпы, которой они не смѣли ни подражать, ни остановить. Клеоменъ видя, что никто не слушаетъ его, сказалъ друзьямъ своимъ: „удивительно ли, что этотъ народъ „повинуется женщинамъ? онъ столько

»подлѣ, что убѣгаетъ отъ одного »имени свободы.« Потомъ увѣщевалъ онъ своихъ товарищей умереть, какъ должно Спартанцамъ и свободнымъ людямъ, не ожидая, чтобъ враги умертвили ихъ, какъ злодѣевъ. Тогда всѣ сіи мужи обнялись и перекололи другъ друга мечами, какъ бы желая оказать себѣ послѣднюю услугу. Такимъ образомъ Клеоменъ, столь же благонамѣренный, какъ и Агисъ, но гораздо воинственнѣе, имѣлъ такую же нещастную кончину, и также, какъ и онъ, лишился удовольствія возстановить порядокъ, который предполагалъ и за который пожертвовалъ жизнію.

ФИЛОПЕМЕНЪ,

полководецъ ахейскій,

жившій около 208 года до Рожд. Христ.

Филопеменъ родился въ Мантинеѣ; но какъ отецъ его былъ изгнанъ оттуда, то онъ воспитывался въ Мегалополисѣ. Оставшись въ самомъ младенчествѣ сиротою, онъ имѣлъ щастіе попасть въ руки одного друга отца своего, который не щадилъ ничего для его образованія. Филопеменъ

Филопеменъ.

Гамилкаръ.

Аннибалъ.

Фабій Максимъ.

Марцеллъ.

Архимедъ.

t.II.

воспользовался стараніемъ сего человѣка и скоро отличился отъ другихъ юношей, находившихся въ семъ городѣ. Онъ взявъ себѣ за образецъ героевъ, прославившихъ Грецію, рѣшился подражать имъ, и храбрость соотвѣтствовала смѣлому его предпріятію. Онъ не удовольствовался однимъ образованіемъ сердца и нравовъ; но желалъ еще внушить своимъ согражданамъ то благородное рвеніе, которымъ самъ былъ одушевляемъ. Предпріятіе весьма трудное: Мегалополитанцы, такъ какъ и прочіе Греки, не имѣли уже больше той страстной любви къ вольности, которая дѣлала ихъ непобѣдимыми; роскошь и корыстолюбіе почти совсѣмъ истребили прежнее ихъ мужество. Фелопеменъ не старался обратить ихъ къ суровой жизни, а хотѣлъ только сдѣлать лучшими воинами, и наклоняя роскошь молодыхъ людей къ военной наукѣ, заставилъ ихъ употреблять великолѣпное оружіе, почитать его за щегольство и привлекать на себя вниманіе старыхъ людей и молодыхъ женщинъ искуснымъ его употребленіемъ. Такимъ образомъ пользуясь самыми пороками своихъ согражданъ, сдѣлалъ ихъ искусными воинами, произвелъ

черезъ нихъ въ дѣйство великія предпріятія и возвысилъ Ахеянъ передъ всѣми народами Греціи.

Но чтобъ доставить себѣ нѣкоторое преимущество надъ молодыми своими товарищами, не довольно было для него одной доброй воли; онъ показалъ имъ знаки своей храбрости и отличныхъ дарованій въ военной наукѣ. Въ набѣгахъ, которые жители Мантинейскіе дѣлали на области Македонскія, нападалъ онъ прежде всѣхъ на пріятелей, а послѣ всѣхъ оставлялъ поле сраженія. Ему было уже 30 лѣтъ, какъ Клеоменъ, Царь Лакедемонскій, нечаянно овладѣлъ Мегалополисомъ. Онъ болѣе всѣхъ прочихъ противился заключенію союза между Мегалополитанцами и Лакедемонцами; а потомъ храбростію своею рѣшилъ побѣду въ пользу Антигона, Царя Македонскаго, пришедшаго на помощь къ Ахеянамъ. Тогда онъ былъ простымъ воиномъ; но во время опасности неустрашимость и благоразуміе сдѣлали его начальникомъ. Въ сраженіи прокололи у него обѣ лядвеи насквозь. Это было очень не кстати, а именно въ ту минуту, какъ онъ обратилъ непріятеля въ бѣгство. Не заботясь о претерпѣваемой боли, пе-

реломилъ онъ дротикъ, связывавшій ему ноги, и продолжалъ преслѣдовать враговъ и ободрять своихъ воиновъ. Храбрость сія заставила Антигона и всѣхъ Ахеянъ отличить Филопемена. Они выбрали его въ полководцы. Тогда-то началъ онъ какъ властію, такъ и собственнымъ примѣромъ вразумлять своихъ гражданъ. Возвышеніе ни мало не заставило его забыть прежней умѣренности своей. Новый полководецъ одѣвался такъ просто, что жена одного богатаго гражданина, къ которому онъ пришелъ обѣдать, сочла его за слугу и приказала нарубить дровъ, во ожиданіи своего господина. Филопеменъ повиновался, не говоря ни слова, и весьма удивилъ хозяина, вошедшаго тотчасъ за нимъ и заставшаго его въ семъ упражненіи. Что вы дѣлаете? спросилъ онъ. — «Терплю наказаніе за ничтожную «мою наружность,» отвѣчалъ Филопеменъ. Онъ имѣлъ очень хорошее помѣстье подлѣ Мегалополиса, и приходилъ туда работать всякой разъ, какъ оставалось ему свободное время отъ общественныхъ дѣлъ. Онъ воздѣлывалъ землю вмѣстѣ съ своими работниками и спалъ, также какъ они, на соломѣ. Словомъ, употреблялъ

все, что могло пріучить его къ трудамъ и сдѣлать способнымъ къ перенесенію военныхъ тягостей.

Въ войнѣ, которую Ахеяне вели съ Маханидомъ, тираномъ Лакедемонскимъ, Филопеменъ убилъ сего послѣдняго своею рукою и чрезъ то обратилъ на свою сторону побѣду. Ахеяне, желая наградить за сію храбрость, воздвигнули ему мѣдную статую въ такомъ точно положеніи, въ какомъ онъ находился, опрокинувъ непріятеля, и поставили ее въ Дельфскомъ храмѣ.

Филопеменъ помрачилъ славу свою тѣмъ, что на нѣсколько времени оставилъ отечество. Ахеяне должны были вести весьма важную войну съ Набисомъ, преемникомъ Маханидовымъ, а онъ въ это время не постыдился предложить услуги свои жителямъ Критскимъ. По увѣренію нѣкоторыхъ, онъ сдѣлалъ это отъ досады, что не его назначили полководцемъ. Сіе служитъ доказательствомъ, что онъ не имѣлъ твердости духа, свойственной истинно великимъ людямъ! Граждане сочли сей поступокъ измѣною и хотѣли изгнать его и лишить права гражданства. Они бы и сдѣлали это, естьли бы Аристонетъ, тогдашній полководецъ городовъ Ахей-

скихѣ, не воспротивился тому, хотя былѣ и вѣ ссорѣ сѣ Филопеменомѣ.

Пріобрѣтши новую славу вѣ войнѣ за Критскихѣ жителей, возвратился онѣ вѣ Ахаію и выбранѣ всѣми союзными городами полководцемѣ. Война противѣ Набиса продолжалась. Филопеменѣ, сразившись сѣ нимѣ на морѣ, былѣ побѣжденѣ: ибо совсѣмѣ не зналѣ морской службы; но скоро отмстилѣ непріятелямѣ своимѣ на сухомѣ пути: разбилѣ совершенно Лакедемонцевѣ и овладѣлѣ Спартою вѣ первыя минуты смятенія, причиненнаго извѣстіемѣ о пораженіи. Такимѣ образомѣ городѣ сей, повелѣвавшій нѣкогда всею Греціею, началѣ составлять часть Ахаіи.

Лакедемонцы, получивѣ отѣ продажи имѣнія дворца Набисова знатную сумму денегѣ, вздумали послать ее вѣ подарокѣ кѣ Филопемену. Посланные, зная суровость сего полководца, побоялись вручить ему деньги прямо и начали искать постороннихѣ способовѣ. Но онѣ, узнавши о томѣ, сказалѣ имѣ: »Лакедемонцы! отнесите »эту сумму кѣ негоднымѣ и злонамѣ»реннымѣ людямѣ, чтобѣ они, прель»стясь на нее, сдѣлали какѣ можно »меньше вреда республикѣ; друзья не

„должны имѣть ни связаннаго языка,
„ни связанныхъ рукъ.„

Чрезъ нѣсколько времени Лакедемонцы опять возмутились, и Діофанъ, бывшій тогда полководцемъ Ахейскимъ, готовился наказать ихъ. Филопеменъ всячески старался укротить его и представлялъ, что надобно болѣе обращать вниманіе на Римлянъ и Македонянъ, находившихся тогда въ войнѣ, нежели думать о наказаніи за преступленія, которыя не могли имѣть слѣдствій. Но видя, что представленія его остались безъ успѣха, и что Діофанъ шелъ къ Спартѣ съ Титомъ Квинтомъ, Римскимъ полководцемъ, бросился съ великою досадою въ сей городъ, и не смотря на то, что былъ частный человѣкъ, воспрепятствовалъ Ахейскому полководцу и Римскому Консулу вступить туда. Потомъ, утишивъ всѣ раздоры, возвратилъ сей городъ во власть Ахеянъ по прежнему. Однакожъ онъ не всегда былъ столь благосклоненъ къ Лакедемонцамъ. Черезъ нѣсколько времени впали они опять въ нѣкоторыя заблужденія въ бытность Филопемена полководцемъ, и тогда онъ принудилъ ихъ возвратить ссылочныхъ, осудилъ 80 человѣкъ на смерть, раз-

рушилЪ ихЪ стѣны, отнялЪ у нихЪ часть помѣстьевЪ и отдалЪ Мегалополитанцамъ; выгналЪ чужестранцевЪ, получившихЪ во время правленія тирановЪ право гражданства, и продалЪ, какЪ невольниковЪ, всѣхЪ тѣхЪ, кои отказались отЪ повиновенія. «Для довершенія же всего зла, какое только онЪ могЪ сдѣлать Лакедемонцамъ, говоритЪ ПлутархЪ, и для большаго угнетенія вЪ нещастіи, котораго они не заслужили, издалЪ весьма жестокое опредѣленіе, противЪ всякаго разсудка и справедливости: онЪ принудилЪ ихЪ оставить образЪ воспитанія дѣтей, учрежденный ЛикургомЪ, и заставилЪ принять тотЪ, который былЪ предписанЪ вЪ Ахаіи; ибо видѣлЪ, что Лакедемонцы до тѣхЪ порЪ не сдѣлаются подлыми, пока будутЪ слѣдовать предписаніямЪ Ликурга.»

ФилопеменЪ сдѣлалЪ все, что только могЪ для поддержанія Ахаіи вЪ славѣ, которую ей доставилЪ. Но между тѣмЪ Римляне начали усиливаться часЪ отЪ часу болѣе вЪ Греціи и окружили Ахаію. ВЪ сіе-то время сія часть свѣта, игравшая столь блестящую роль, должна была обратиться вЪ ничто и уступить преимущество

другому народу. Филопеменъ не дожилъ до порабощенія отечества своего подъ власть иностранцевъ. Ему было 70 лѣтъ, когда избрали его въ осьмой разъ Ахайскимъ полководцемъ. Во время его начальства Мессена, городъ, принадлежавшій къ Ахайскому союзу, взбунтовался. Одинъ частный человѣкъ, именемъ Динократъ, извѣстный по одному только злу, имъ причиненному, захватилъ верховную власть въ семъ городѣ. Филопеменъ, получа сіе извѣстіе, отправился тотчасъ въ Мессену, не смотря на то, что былъ боленъ лихорадкою, и немедленно обратилъ въ бѣгство Динократа, вышедшаго къ нему на встрѣчу; однакожъ сей послѣдній, получа подкрѣпленіе, бросился въ свою очередь на непріятелей. Филопеменъ, будучи тогда столько же храбръ, какъ и въ молодости своей, отступалъ позади всѣхъ, удерживая наступавшихъ на него весьма сильно Мессинянъ и прикрывая отступленіе отборному, но малочисленному своему войску. Въ жару своемъ онъ забылъ, что надобно было итти очень скоро, и потому увидѣлъ себя окруженнымъ непріятелями, такъ что уступая превосходному числу, былъ опроки-

нутЪ сЪ лошади и взятЪ вЪ плѣнЪ прежде, нежели пришелЪ вЪ себя отЪ безпамятства, причиненнаго паденіемЪ. ДинократЪ, бывшій сЪ нимЪ вЪ ссорѣ, приказалЪ заключить его вЪ тюрьму, и опасаясь, чтобы не быть принуждену отдать знаменитаго сего плѣнника, рѣшился немедленно умертвить его. Сей великій человѣкЪ, увидя вошедшаго кЪ себѣ палача, не сомнѣвался о своей участи; однакожЪ, забывЪ на тотЪ разЪ свое положеніе, спросилЪ у него: что сдѣлалось сЪ его войскомЪ? Его не могли взять, отвѣчалЪ палачь. « Слава Богу! вскричалЪ ФилопеменЪ: мы еще не совсѣмЪ погибли. » ПотомЪ взялЪ чашу сЪ приготовленнымЪ для него ядомЪ, выпилЪ ее вдругЪ и легЪ во ожиданіи смерти. Она не замедлила притти кЪ старцу, изнуренному трудами, старостію и лихорадкою, которая мучила его сЪ нѣкотораго времени.

Смерть его не долго оставалась безЪ мщенія. Мегалополитанцы напали на МессенянЪ сЪ огнемЪ и мечемЪ, а не прежде прекратили свою жестокость, какЪ узнавши, что ДинократЪ и его сообщники сами себя лишили жизни. Они собрали остатки Филопеменовы и отнесли вЪ свой городЪ,

гдѣ учинили имъ великолѣпныя похороны.

Дѣла Филопеменовы ясно показываютъ, что онъ былъ великій воинъ; но при всемъ томъ не могъ повелѣвать гордымъ своимъ характеромъ, заставившимъ его сдѣлать много недостойнаго и несправедливаго. Его называли послѣднимъ изъ Грековъ. И дѣйствительно онъ кончилъ многочисленный и славный списокъ великихъ людей, доставившихъ безсмертіе странѣ, которая имѣла щастіе произвесть ихъ.

ГАМИЛКАРЪ,

полководецъ карѳагенскій,

умеръ за 260 лѣтъ до Рожд. Христова.

Гамилкаръ, сынъ Аннибала, прозваннаго Баркасомъ, получилъ начальство въ Сициліи въ концѣ первой Пунической войны. Тогда еще онъ былъ очень молодъ, но дарованія его замѣняли опытность. До прибытія его въ Сицилію Карѳагенцы имѣли всегда неудачу, какъ на морѣ, такъ и на сухомъ пути; но онъ едва только принялъ начальство, какъ обстоятельства пере-

мѣнились. Непріятели не только не могли прогнать его и разстроить: но напротивъ того онъ принялъ такія искусныя мѣры, что одержалъ надъ ними многія выгоды; и хотя Карѳагенцы лишились въ Сициліи всѣхъ своихъ завоеваній, но онъ защищалъ столь удачно городъ Эриксъ, что казалось, будто въ сей странѣ не происходило никакихъ военныхъ дѣйствій.

Въ сихъ обстоятельствахъ Карѳагенцы, бывъ разбиты на морѣ при островахъ Эгейскихъ, лежащихъ къ западу отъ Сициліи, вознамѣрились кончить войну. Они дали Гамилкару полномочіе вести переговоры. Хотя сей молодой воинъ и весьма желалъ сражаться, но видя свое отечество въ изнуреніи и не въ состояніи продолжать нещастную войну, почелъ обязанностію стараться о заключеніи мира. Но и въ самое это время хотѣлось ему еще драться съ Римлянами, пока они или побѣдятъ, или признаются побѣжденными, какъ скоро силы Карѳагена хотя нѣсколько будутъ поправлены. Съ такимъ-то намѣреніемъ заключилъ онъ миръ. Онъ велъ переговоры съ непріятелемъ весьма гордо. Когда Катулъ объявилъ ему,

что не можетъ окончить войны, доколѣ онъ и весь гарнизонъ его не положитъ оружія и не очиститъ Сициліи; то Гамилкаръ сказалъ, что онъ скорѣе погибнетъ подъ развалинами своего отечества, нежели отдастъ непріятелямъ оружіе, которое вручено отечествомъ для ихъ пораженія. Катулъ принужденъ былъ уступить его упорству.

Гамилкаръ, прибывъ въ Карѳагенъ, нашелъ республику совсѣмъ въ другомъ положеніи, нежели ожидалъ. Долговременныя бѣдствія чужестранной войны воспламенили въ нѣдрахъ ея столь жестокіе раздоры, что Карѳагенъ, естьли изключить его день разоренія, никогда не находился въ подобной опасности. Наемники, употребленные республикою противъ Римлянъ, въ числѣ 40.000, взбунтовались сперва сами, потомъ возмутили всю Африку и осадили городъ. Бѣдствія сіи столь устрашили Карѳагенянъ, что они начали требовать помощи у Римлянъ, которая имъ и обѣщана; однакожъ бывъ доведены до совершеннаго отчаянія, сдѣлали Гамилкара своимъ начальникомъ. Сей полководецъ не только прогналъ отъ стѣнъ Карѳагенскихъ непріятелей, коихъ

число простиралось болѣе ста тысячь, но еще завелъ ихъ въ узкія мѣста, гдѣ знатнѣйшее число варваровъ погибло болѣе отъ голода, нежели отъ оружія. Потомъ покорилъ подъ власть Карѳагена всѣ взбунтовавшіеся города, и между прочими Утику и Гиппону, самыя крѣпкія мѣста во всей Африкѣ. Не довольствуясь сими побѣдами, распространилъ границы Карѳагенскія, и возстановилъ такую тишину въ Африкѣ, что казалось, будто она весьма давно уже ни съ кѣмъ не воевала.

Щастливый успѣхъ сихъ предпріятій увеличилъ въ немъ довѣренность къ самому себѣ и заставилъ ненавидѣть Римлянъ болѣе прежняго. Чтобъ найти удобнѣйшій случай къ началію съ ними войны, выпросился въ Испанію, куда взялъ съ собою сына своего Аннибала, которому тогда было девять лѣтъ. Съ нимъ находился еще Аздрубалъ, молодой Карѳагенецъ знатнаго рода, за котораго онъ выдалъ дочь свою.

Гамилкаръ, переправясь черезъ море, и вышедши на берегъ въ Испанію, произвелъ въ дѣйство весьма важныя предпріятія. Онъ покорилъ самые сильные и воинственные народы, на

полнилъ всю Африку добычею и обогатилъ ее оружіемъ, лошадьми, людьми и деньгами. Но спустя девять лѣтъ по прибытіи въ страну сію, въ самое то время, какъ располагался перенести войну въ Италію, былъ убитъ на сраженіи противъ Вектоновъ, за 228 лѣтъ до нашего лѣтосчисленія. Чрезвычайная его ненависть къ Риму, кажется, была причиною второй Пунической войны. По его-то наущенію Аннибалъ принялъ твердое намѣреніе или погибнуть, или непремѣнно сразиться съ Римлянами. Гамилкаръ передъ отъѣздомъ изъ Карѳагена въ Испанію, желая нѣкоторымъ образомъ увѣковѣчить свою ненависть, принесъ жертву Юпитеру, и взявъ сына своего за руку, спросилъ, хочетъ ли онъ ѣхать съ нимъ въ армію? Молодой Аннибалъ согласился съ величайшею радостію. Тогда Гамилкаръ, отдаливъ нѣсколько присутствовавшихъ, положилъ руку сына своего на алтарь, заставилъ клясться, что онъ *никогда не будетъ другомъ Римлянъ*. Аннибалъ далъ клятву и не нарушалъ ее ни одного раза во всю свою жизнь. (*Выписка изъ Корнелія Непота.*)

По смерти Гамилкара принялъ начальство надъ войсками Аздрубалъ и

находился въ сей должности воссмь лѣтъ.

~~~~~~~~~~~~~~~~~~~~~~~~~

АННИБАЛЪ,

ПОЛКОВОДЕЦЪ КАРѲАГЕНСКІЙ,

жившій около 220 лѣтъ до Рожд. Христ.

Аннибалъ получилъ первые уроки въ военномъ искусствѣ отъ отца своего Гамилкара; потомъ возвратился въ Карѳагенъ. Аздрубалъ вызвалъ его опять и держалъ при себѣ цѣлые три года. Когда сей полководецъ умерщвленъ былъ Гальскихъ невольникомъ, мстившимъ ему за господина своего, то Аннибалъ единодушно избранъ всемъ войскомъ на мѣсто Аздрубала, около 220 лѣтъ до нашего лѣтосчисленія. Сенатъ Карѳагенскій утвердилъ сей выборъ опредѣленіемъ. Аннибалъ имѣлъ тогда 25 лѣтъ. Ненависть къ Римлянамъ тотчасъ заставила его думать о средствахъ начать войну; но какъ обѣ державы находились тогда въ мирѣ, то вздумалъ онъ разорвать его, напавъ на союзный Римскій городъ Сагунтъ и овладѣвъ имъ. Потомъ раздѣлилъ свое воиско на три части: одну оставилъ въ Ис-
~~~~~~~~~~~~~~~~~~~~~~~~~

паніи, подъ начальствомъ брата своего Аздрубала; другую отправилъ въ Африку, а третью оставилъ для исполненія смѣлаго своего предпріятія, состоявшаго въ томъ, чтобъ вступить въ Италію и напасть на Римлянъ среди областей ихъ. Онъ желалъ добраться до самаго корня сего великаго древа, чтобъ поразивъ, истребить его совершенно. Онъ перебрался чрезъ Пиринейскія горы, разбилъ жителей всѣхъ тѣхъ городовъ, чрезъ которые проходилъ, увеличилъ войско свое войскомъ Галловъ, которые ненавидѣли Римлянъ также, какъ и онъ, и прибылъ къ подошвѣ Альпійскихъ горъ, отдѣлявшихъ Галлію отъ Италіи. До того времени никто еще не переправлялся чрезъ сіи горы, почитавшіяся непреодолимою преградою. Аннибала это не остановило: Дарованія его и мужество открыли ему дорогу чрезъ пропасти, снѣга, льды и утесы. Въ девять дней достигнулъ онъ до вершины Альповъ, а черезъ пять другихъ прошелъ всю часть ихъ, обращенную къ Италіи. Ему надлежало преодолѣвать не только природою сотворенныя препятствія, но и отражать еще горныхъ жителей, старавшихся остановить

его. Наконецъ вступилъ онъ въ Италію и владѣлъ Туриномъ, чрезъ который долженъ былъ проходить; потомъ напалъ на Консула П. Корнелія Сципіона и разбилъ его при берегахъ Тезина. Черезъ нѣсколько времени встрѣтилъ онъ другаго Консула Т. Семпронія Лонга подлѣ рѣки Требіи, опрокинулъ его и обратилъ въ бѣгство. Римляне потеряли 26,000 человѣкъ; но побѣда сія дорого стоила Карѳагенцамъ.

Сіи двѣ побѣды, одержанныя зимою, весьма много способствовали дальнѣйшимъ его успѣхамъ; однакожъ Аннибалъ, не почитая себя безопаснымъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ находился, по причинѣ Галловъ, которые соединясь съ нимъ, старались обмануть его, чтобъ кончить войну, слишкомъ для нихъ продолжительную, отправился на весну въ Тоскану. Въ болотахъ, чрезъ которые надлежало проходить ему, погибло у него множество людей и лошадей, да и самъ претерпѣвалъ такія неудобства, что почти лишился одного глаза. Однакожъ это не препятствовало итти ему впередъ. Онъ поступилъ такъ искусно. что заманилъ Римскаго Консула Курія Фламинія къ озеру Тразимену и ударилъ на него

съ такимъ успѣхомъ, что убилъ у него 15.000 человѣкъ, а 6000 взялъ въ плѣнъ. Самъ Консулъ лишился жизни въ семъ сраженіи, въ которое заставила его вступить чрезмѣрная гордость. Аннибалъ возвратилъ Римскихъ плѣнниковъ безъ выкупа и обошелся съ ними весьма кротко и человѣколюбиво, чтобъ показаться милостивымъ, и тѣмъ привлечь къ себѣ народъ, съ которымъ шелъ сражаться. Впрочемъ онъ былъ человѣкъ жестокій и непреклонный, привыкшій съ самыхъ молодыхъ лѣтъ къ убійству, измѣнѣ и вѣроломству, не заботясь ни мало о законахъ и правахъ народныхъ. Вотъ почему считался онъ самымъ хитрымъ полководцемъ своего времени и умѣлъ обманывать непріятелей, естьли не въ силахъ былъ побѣдить ихъ!

Когда въ Римѣ узнали о совершенномъ разбитіи Фламинія, то немедленно прибѣгли къ извѣстному средству, употребляемому въ величайшихъ опасностяхъ, то есть, назначили Диктатора. Выборъ палъ на К. Фабія, названнаго потомъ *Максимомъ* (великимъ). Одно изъ первыхъ качествъ сего мужа было благоразуміе, которымъ онъ и воспользовался такъ удачно,

что избавилъ Римъ отъ грозившей ему погибели. Онъ видѣлъ, что въ тогдашнемъ положеніи дѣлъ, то есть, когда Карѳагенцы находились во всей силѣ, и Римляне были въ половину побѣждены, надлежало избѣгать всякаго рѣшительнаго дѣйствія. Такимъ образомъ началъ онъ уклоняться, примѣчалъ движенія Аннибаловы, и избѣгая сраженія, утомилъ его частыми переходами. Онъ заманилъ его потомъ въ горы, гдѣ Карѳагенцы погибли бы всѣ отъ голоду, или убѣжали бъ со стыдомъ, естьли бы полководецъ ихъ не могъ находить пособія во всякомъ случаѣ. Аннибалъ видя, куда завело его собственное неблагоразуміе, употребилъ самую необыкновенную хитрость. Онъ велѣлъ привести 2000 быковъ, привязать къ рогамъ ихъ зазженные факелы и проводить ночью на вершину горы. Пастухи Римскіе, находившіеся на этой горѣ, видя такое множество свѣтильниковъ, крайне испугались и побѣжали въ лагерь, гдѣ также всѣ удивились сей новости: не смѣли тронуться съ мѣста и съ нетерпѣливостію ожидали дня, чтобъ узнать, на что рѣшится Аннибалъ. Сей, предвидѣвши это, воспользовался изумленіемъ ихъ и страхомъ и вы-

велъ войско свое въ выгоднѣйшее мѣсто. Прибывъ къ окрестностямъ Альбы, притворился, будто идетъ къ Риму, и возвратился въ Апулію, гдѣ овладѣлъ Геруломъ, которой доставилъ ему выгодныя зимнія квартиры.

Фабій, слѣдовавшій за нимъ, расположился лагеремъ по близости; но какъ общественныя дѣла заставили его возвратиться въ Римъ, то онъ принужденъ былъ сдать начальство Минуцію, своему преемнику, приказавъ ему слѣдовать начертанному имъ плану, замѣчать всѣ дѣйствія Аннибаловы и избѣгать сраженія. Минуцій, желая помрачить славу Фабія и огласить его трусомъ, началъ немедленно искать случая къ сраженію и напалъ на отрядъ Карѳагенцевъ, посланныхъ за фуражемъ. Выгода, полученная при сей сшибкѣ, такъ возгордила Римлянъ, что они дали Минуцію такую же власть, какъ и Диктатору Фабію, чего до тѣхъ поръ никогда не случалось. Минуцій, гордясь симъ преимуществомъ, и думая побѣдить Аннибала, далъ сраженіе, не сказавъ своему товарищу ни слова. Дерзость его имѣла точно то слѣдствіе, которое Фабій придвидѣлъ: Аннибалъ окружилъ его войско такъ,

что не спасся бы не одинъ человѣкъ, естьли бы Фабій, болѣе чувствительный къ бѣдствію отечества, нежели къ сдѣланной ему обидѣ, не пришелъ напомощь, чтобъ избавить Римлянъ и лишить Карѳагенцевъ нѣкоторой части ихъ побѣды. Это было истинное торжество для Фабія; всѣ Римляне узнали дарованія его и благоразуміе. Самъ Минуцій рѣшился отдать справедливость Диктатору и по собственной своей волѣ отказался отъ всей данной ему власти.

На слѣдующій годъ Римское войско поручено двумъ Консуламъ, выбраннымъ по окончаніи Диктаторства Фабіева. Консулы сіи были Л. Павелъ Эмилій и Теренцій Варронъ. Первый изъ нихъ, человѣкъ опытный и способный, хотѣлъ слѣдовать примѣру Фабія; но Теренцій Варронъ, имѣвшій болѣе честолюбія, нежели сколько должно, съ нетерпѣливостію ожидалъ того дня, въ который должно ему начальствовать, и тотчасъ далъ сраженіе при городкѣ, называемомъ Канны. Сіе было великое щастіе для Аннибала, котораго войско состояло изъ различныхъ народовъ; они могли его оставить, и потому онъ ничего столько не опасался, какъ отсрочекъ. Ни-

когда еще Римляне не притерпѣвали столь великаго пораженія. По словамъ Плутарха, убито у нихъ въ семъ случаѣ 50.000 человѣкъ и 14.000 взято въ плѣнъ. Павелъ Эмилій находился въ числѣ убитыхъ, а Варронъ постыднымъ образомъ убѣжалъ съ нѣкоторымъ остаткомъ отъ многочисленной арміи, погибшей отъ безразсуднаго его высокомѣрія. Сказываютъ, что Аннибалъ отправилъ въ Карѳагенъ съ братомъ своимъ Магономъ три четверика колецъ, кои взяты были у 5600 всадниковъ, убитыхъ въ семъ сраженіи. Римъ погибъ бы непремѣнно, если бы Карѳагенцы тотчасъ пошли къ нему; но Аннибалу вздумалось отдохнуть и провести зиму въ Капуѣ. Между тѣмъ Римляне снова укрѣпились, собрали свои силы, умножили ихъ и противоположили непріятелямъ своимъ такія препятствія, которыхъ бы они не встрѣтили прежде. Титъ Ливій и другіе историки приписываютъ нещастіе, претерпѣнное Карѳагенцами въ слѣдующую войну, забавамъ, бывшимъ въ городѣ Капуѣ и приведшимъ войско въ изнеможеніе: но Кондильякъ иначе думаетъ. По мнѣнію его вовсе несправедливо, чтобъ веселости изнѣжили воиновъ и привели у нихъ въ забвеніе

воинское благоустройство. Аннибалъ держался въ Италіи еще тринадцать или четырнадцать лѣтъ. Онъ бралъ города, одерживалъ побѣды, и послѣ произшедшей съ нимъ неудачи войско его осталось неизмѣннымъ и сносило безъ ропота всѣ тягости. Никогда, говоритъ Полибій, не было возмущенія въ его войскахъ. Истинная причина упадка Аннибалова состояла въ томъ, что Римляне дѣлали со дня на день большія усилія: они набрали въ одинъ годъ до 18 легіоновъ, употребили въ службу лучшихъ своихъ полководцевъ, и образовали новыхъ, не менѣе искусныхъ. Аннибалъ напротивъ того не получалъ никакой помощи изъ Карѳагена, и видя войско свое уменьшающимся безпрестанно, поспешно подступалъ къ Риму въ намѣреніи осадить его. Римляне такъ мало страшились его, что продали землю, на которой онъ стоялъ лагеремъ, и въ тотъ же самый день послали знатное подкрѣпленіе въ Испанію. Дождь, буря и градъ принудили Карѳагенскаго полководца отступить, даже не взглянувши на Римскія стѣны. Потомъ Консулъ Марцеллъ имѣлъ съ нимъ дѣло въ трехъ различныхъ сраженіяхъ: тутъ не было ничего рѣшительнаго.

При четвертомъ нападеніи Аннибалъ отступилъ, сказавъ: что *нѣчего дѣлать съ человѣкомъ, который не можетъ быть ни побѣдителемъ, ни побѣжденнымъ*. Между тѣмъ Аздрубалъ приближался къ Италіи на помощь своему брату; но Консулъ Клавдій Неронъ напалъ на него и, разбивъ совершенно, лишилъ его жизни. Прибывъ въ свой лагерь, приказалъ онъ бросить въ станъ Аннибаловъ окровавленную голову Аздрубала. Карѳагенецъ, увидя ее, сказалъ: *теперь я не сомнѣваюсь, чтобъ отечеству моему не былъ нанесенъ смертельный ударъ.*

Въ самомъ дѣлѣ Римляне, подъ предводительствомъ Публія Сципіона, самымъ смѣлымъ и даже неслыханнымъ образомъ перенесли войну къ самому Карѳагену. Тогда Аннибалъ призванъ былъ въ Африку на помощь своему отечеству. Онъ немедленно отправился туда, оставя всѣ свои надежды. Поелику силы государственныя были уже истощены, то вздумалъ онъ заключить временный миръ, дабы послѣ возобновить войну съ большимъ усиліемъ. Въ семъ намѣреніи увидѣлся съ Сципіономъ; но не могъ согласиться въ условіяхъ. Такимъ образомъ дѣло опять дошло до сраженія при Замѣ,

и Римляне одержали верхъ; 40.000 Кареагенцевъ убито и взято въ плѣнъ. Въ сихъ обстоятельствахъ надобно было принять всѣ условія, предложенныя Римомъ. По требованію Римлянъ отняли у Аннибала начальство надъ войскомъ и сдѣлали его преторомъ; но когда онъ узналъ, что непріятели симъ недовольны и требуютъ его выдачи, то немедленно убѣжалъ изъ Кареагена къ Антіоху, Царю Сирійскому, и вовлекъ его въ войну съ Римлянами, которая не имѣла щастливаго окончанія; ибо сей Государь, будучи слишкомъ занятъ собою, не уважалъ совѣтовъ Кареагенскаго полководца.

По разбитіи Антіоха, Аннибалъ, страшась попасть въ руки Римлянъ, удалился къ Гортинейцамъ, на островъ Критъ. Бывъ, по словамъ Корнелія Непота, весьма хитръ и остороженъ, онъ чувствовалъ, что не будетъ и тамъ безопасенъ, естьли не приметъ надлежащихъ мѣръ противъ сребролюбія Критянъ; и для того наполнилъ свинцомъ множество большихъ сосудовъ, положивъ сверху нѣсколько золота и серебра. Все сіе поставилъ онъ въ храмъ Діаны въ присутствіи Гортинейцевъ и притворился, будто полагается совершенно на ихъ добродушіе.

Обманувъ ихъ такимъ образомъ, спряталъ все свое богатство во внутренности мѣдныхъ статуй, которыя имѣлъ при себѣ, и поставилъ ихъ въ домѣ своемъ на открытомъ мѣстѣ. Потомъ удалился онъ съ сокровищами своими ко двору Прузія, Царя Виѳинійскаго. Римляне и тамъ не оставили его въ покоѣ, и отправили къ сему Государю Квинта Фламинія съ жалобою, что онъ далъ врагу ихъ убѣжище. Не трудно было Аннибалу догадаться о причинѣ сего посольства. Сперва думалъ онъ спастись бѣгствомъ; но скоро увидѣлъ, что семь скрытыхъ выходовъ, сдѣланныхъ во дворцѣ его, были заняты Прузіевыми воинами, который хотѣлъ угодить Римлянамъ симъ нарушеніемъ правъ гостепріимства. И такъ велѣлъ онъ принести ядъ, находившійся у него всегда въ готовности для употребленія въ нужномъ случаѣ, и взявъ его въ руки, сказалъ: »избавимъ Римской народъ отъ безпокойства, которое давно его мучитъ, не имѣя терпѣнія дождаться смерти старика. Побѣда, одержанная Фламиніемъ надъ безоружнымъ и преданнымъ ему измѣною человѣкомъ, не сдѣлаетъ ему чести. Сей день ясно показываетъ, сколько Римляне пере-

мѣнились: предки ихъ увѣдомили Пирра, чтобы онъ остерегался измѣнника, который желалъ отравить его, и притомъ въ такое время, когда сей Государь велъ войну въ самой срединѣ Италіи; а они послали человѣка Консульскаго достоинства, чтобъ заставить Прузія умертвить злодѣйскимъ образомъ друга своего и гостя.« Потомъ, проклиная Прузія и призывая на него мщеніе боговъ, защитниковъ священныхъ правъ гостепріимства; принялъ ядъ и умеръ. Тогда было ему 70 лѣтъ.

КВИНТЪ ФАБІЙ МАКСИМЪ,

ДИКТАТОРЪ РИМСКІЙ,

живщій за 217 лѣтъ до Рожд Христова.

Мы уже говорили о Квинтѣ Фабіѣ въ предыдущей статьѣ; и такъ упомянемъ здѣсь только то, что относится къ окончательному извѣстію о семъ великомъ человѣкѣ. За благоразуміе свое получилъ онъ названіе *временщика*, а за оказанныя услуги Сенатъ и народъ наименовали его *щитомъ отечества*. Еще въ самомъ младенчествѣ замѣчали, чего надлежало

ожидать отъ него. Онъ былъ постояненъ, даже медлителенъ, молчаливъ и имѣлъ весьма мало склонности къ играмъ и забавамъ своего возраста. „Понятіе его, говоритъ Плутархъ, казалось также весьма тупо. Онъ съ трудомъ перенималъ то, чему его учили, но охотно слушался всѣхъ своихъ знакомыхъ. Все сіе заставляло людей, знавшихъ Фабія по одной наружности, заключать, что онъ будетъ глупый и ни къ чему неспособный человѣкъ; но другіе, разсматривавшіе со вниманіемъ, замѣчали въ немъ неопреодолимую твердость и великодушіе. Вошедши въ дѣла, онъ доказалъ очень скоро, что свойство, почитаемое въ немъ за глупость, было не что иное, какъ важность, непоколебимая ничѣмъ; мнимая его робость, благоразуміе; медленность же и неповоротливость, приписанная ему, постоянство и твердость.

Онъ былъ пять разъ Консуломъ, и во время перваго своего Консульства одержалъ побѣду надъ Лигурійцами; но величайшую славу пріобрѣлъ онъ въ войнѣ противъ Аннибала. Безъ него Римляне конечно бы погибли; они истощили бы себя противъ силъ Карѳагенскихъ: но Фабій утверждалъ,

что лучше подождать, пока сія ужасная буря, готовившаяся упасть на Римъ, разрушится сама собою. Въ самомъ дѣлѣ Аннибалъ, коего войско составлено было изъ разныхъ народовъ и удалено на большое разстояніе отъ своего отечества, ничего столько не опасался, какъ отсрочекъ. Фабій истощилъ его, не дѣлая никакого нападенія.

Безкорыстіе его было столь же велико, какъ и благоразуміе. Когда онъ во время диктаторства своего согласился выкупить плѣнниковъ Римскихъ за извѣстное число денегъ, а Сенатъ, недовольный симъ предпріятіемъ, не согласился дать обѣщанной суммы; то Фабій, чтобъ не измѣнить своему слову и не оставить согражданъ въ рабствѣ, приказалъ продать большую часть своего наслѣдства, и за вырученныя деньги выкупилъ всѣхъ Римлянъ, находившихся въ плѣну у Карѳагенцевъ. Онъ умѣлъ въ нужныхъ случаяхъ употреблять и хитрость; и симъ-то способомъ овладѣлъ Тарентомъ, что заставило Карѳагенскаго полководца сказать: *такъ и у Римлянъ есть свой Аннибалъ.* Сей послѣдній, будучи недоволенъ тѣмъ, что Римской военачальникъ всегда избѣ-

галъ сраженія, велѣлъ одинъ разъ сказать ему: «естьли Фабій подлинно такой великой полководецъ, какимъ онъ хочетъ казаться, то онъ долженъ выттти на поле и дать сраженіе.» Фабій отвѣчалъ съ холодностію: «естьли Аннибалъ въ самомъ дѣлѣ такой великой полководецъ, какимъ себя почитаетъ, то ему надобно принудить меня къ сраженію.»

Когда Корнелій Сципіонъ хотѣлъ перенесть войну къ самому городу Карѳагену, то Фабій, не предвидѣвшій желаемаго успѣха, противился всѣми силами сему намѣренію, и продолжалъ охуждать безразсудную сію мѣру, даже послѣ первой удачи Сципіоновой. Онъ не былъ увѣренъ въ совершенномъ успѣхѣ сего предпріятія, ибо умеръ въ то самое время, какъ Аннибалъ располагался выступить изъ Италіи. Ему было тогда около ста лѣтъ. Римляне похоронили его общественнымъ иждивеніемъ не потому, чтобы онъ былъ очень бѣденъ, но чтобы достойнымъ образомъ почтить память сего великаго человѣка.

МАРЦЕЛЛЪ,

полководецъ римскій,

убитъ на 207 году до Рожд. Христова.

Маркъ Клавдій Марцеллъ былъ, какъ и Фабій, пять разъ Консуломъ, и также отличился въ войнѣ противъ Аннибала, хотя и по другому отношенію. Онъ тогда дѣйствовалъ, какъ товарищъ его замѣчалъ; почему и названъ *мечемъ отечества*, такъ какъ Фабій *щитомъ его*. Природа одарила его силою, равною его неустрашимости, и ни одинъ непріятель, нападавшій на него, не избѣжалъ смерти. Въ молодости своей получилъ онъ великое множество вѣнцовъ, или награжденій за храбрость, и имѣлъ щастіе спасти жизнь брату своему въ одномъ сраженіи. Склонность его въ войнѣ имѣла довольно упражненія: ибо въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ его Римляне должны были сражаться съ Карѳагенцами въ Сициліи; въ цвѣтущемъ его возрастѣ воевалъ съ Галлами, которые хотѣли овладѣть Италіею; а въ старости противъ Аннибала. Храбрость Марцелла скоро была замѣчена.

Народѣ сдѣлалѣ его Едилемѣ, а жрецы гадателемѣ. Вѣ продолженіи войны сѣ Галлами избранѣ онѣ вѣ Консулы, и вмѣстѣ сѣ своимѣ товарищемѣ получилѣ начальство надѣ войскомѣ. Находясь по близости отѣ непріятеля сѣ весьма малочисленнымѣ войскомѣ, обѣщалѣ Юпитеру, естьли только останется побѣдителемѣ, посвятить самое лучшее завоеванное имѣ оружіе. Вѣ сіе самое время Бріоматѣ, Царь Гальскій, началѣ вызывать его на поединокѣ. Сей Государь былѣ, по словамѣ Плутарха, прекраснѣйшій и величайшій человѣкѣ изѣ всѣхѣ Галловѣ; онѣ имѣлѣ панцырь, сдѣланный изѣ золота и серебра, и украшенный такими фигурами и цвѣтами, что издавалѣ блескѣ, подобный молніи. Марцеллѣ, бросивѣ взорѣ на все непріятельское войско, и не замѣтивѣ ни у кого лучшаго оружія, заключилѣ, что оно то самое, которое обѣщалѣ посвятить Юпитеру. Онѣ поскакалѣ прямо кѣ Бріомату и на всемѣ скаку лошади такѣ поразилѣ его дротикомѣ, что пробилѣ на немѣ латы и повергѣ на землю; потомѣ двумя или тремя ударами умертвилѣ его, соскочилѣ сѣ лошади и овладѣлѣ оружіемѣ побѣжденнаго. Безразсудность Царя Галь-

скаго и храбрость Марцелла рѣшили побѣду въ пользу Римлянъ, которые, по малочисленности своихъ войскъ могли быть опрокинуты. Выгоды, произшедшія отъ сего сраженія, много способствовали заключенію мира, и Марцеллъ возвратился въ Римъ съ торжественными почестями, неся на вершинѣ молодаго дуба оружіе Бріомата, которое приказалъ повѣсить въ храмѣ Юпитера Феретрійскаго.

Черезъ нѣсколько времени Аннибалъ вступилъ въ Италію. Марцеллъ отправленъ былъ тогда съ морскимъ войскомъ въ Сицилію: но онъ возвратился въ Римъ послѣ сраженія при Каннахъ. И какъ Фабій болѣе способенъ былъ къ войнѣ оборонительной, нежели наступательной, то дали ему Марцелла, коего дѣятельность и военныя способности были извѣстны и могли, съ помощію благоразумнаго товарища, обратиться въ величайшую пользу республикѣ.

Черезъ нѣсколько времени Марцеллъ выбранъ былъ въ третіи разъ Консуломъ и снова отправленъ въ Сицилію, которую Карѳагенцы, ободренные успѣхомъ Аннибала, хотѣли завоевать вторично. Не могши побѣдить Сиракузянъ кротостію, онъ

окружилъ ихъ въ одно и то же время, какъ съ моря, такъ и съ твердой земли; но Архимедъ цѣлые три года препятствовалъ взятію города посредствомъ махинъ, уничтожавшихъ всѣ предпріятія осаждающихъ. Наконецъ городъ былъ взятъ и отданъ противъ воли полководца на разграбленіе. Марцеллъ прослезился, видя столько великолѣпныхъ зданій, разрушенныхъ въ одну минуту; но болѣе всего огорчила его смерть Архимеда, котораго онъ именно приказалъ щадить. Произведенія изящныхъ искусствъ, принесенныя имъ изъ Сиракузъ въ Римъ, дали Римлянамъ первое понятіе о работѣ Греческой, и наконецъ возбудили въ нихъ желаніе имѣть оныя у себя. Старики осуждали введеніе сихъ новостей, которыя служили къ одному только истребленію прежней строгой нравственности.

Марцеллъ возвратясь оттуда, опять отправленъ былъ вмѣстѣ съ Фабіемъ противъ Карѳагенцевъ и имѣлъ славу побѣдить Аннибала подъ стѣнами Ноля. Слава его непрестанно долженствовала навлекать ему непріятелей, которые, воспользовавшись минутною неудачею, оговорили его и при-

нудили дать отчетъ о поведеніи своемъ передъ народомъ. Онъ пришелъ на площадь безотговорочно и разсказалъ Римлянамъ все, что сдѣлалъ для пользы отечества. Повѣсть сія послужила ему оправданіемъ; онъ выбранъ былъ на другой день въ пятый разъ въ Консулы и возвратился въ армію. Собственное неблагоразуміе причинило ему погибель. Аннибалъ сдѣлалъ видъ, будто не уважалъ одного мѣста, которое весьма удобно было для лагеря. Марцеллъ не догадавшись, что это хитрость Аннибалова, поѣхалъ туда осматривать съ небольшимъ числомъ воиновъ. Едва только прибыли они, какъ Нумидійцы, спрятавшіеся въ окружности, бросились на нихъ, убили Марцелла и ранили смертельно его товарища. Такимъ образомъ республика въ одно время лишилась двухъ Консуловъ. Марцеллу было тогда шестдесятъ лѣтъ. Аннибалъ оказалъ тѣлу его всѣ почести; велѣлъ сжечь его, собралъ въ серебреную урну пепелъ и отослалъ къ сыну сего славнаго Римлянина.

АРХИМЕДЪ,

СЛАВНЫЙ МАТЕМАТИКЪ СИРАКУЗСКІЙ,

умеръ за 208 лѣтъ до Рожд. Христова.

Архимедъ, родомъ изъ Сиракузъ, произошелъ отъ знатной фамиліи и былъ родственникъ Царя Гіерона. Онъ имѣлъ право на самыя первѣйшія достоинства; однакожъ предпочелъ имъ упражненіе въ Математикѣ, имѣвшей для него болѣе пріятности, нежели честолюбіе. Мы уже сказали, что онъ держалъ Марцелла цѣлые три года подъ стѣнами Сиракузскими; теперь предложимъ, что Плутархъ говоритъ о семъ предметѣ. Римскій полководецъ весьма много надѣялся на военныя свои махины. Но Архимедъ не безпокоился о томъ; ибо все это ничего не значило противъ махинъ, имъ изобрѣтенныхъ. Онъ сдѣлалъ сіи махины не для того, чтобъ употребить ихъ на что нибудь, или выдавать за образцовое произведеніе ума своего; это была одна только игра геометрическая, которую онъ привелъ въ дѣйство на досугѣ по прозьбѣ Царя Гіерона, желавшаго от-

влечь Геометрію отъ спекуляцій и принаровить къ чувственнымъ предметамъ, а чрезъ то самое сдѣлать очевиднѣе и понятнѣе для простаго народа, смѣшивая матеріальный опытъ съ пользою употребленія.»

Архимедъ предложилъ нѣкогда Гіерону, съ которымъ былъ друженъ, что онъ имѣетъ возможность поднять весьма малыми силами всякую тяжесть, какую только представить можно, и, по словамъ нѣкоторыхъ, столь былъ увѣренъ въ непреложности доводовъ, которыми подтверждалъ сіе мнѣніе, что естьли бы существовалъ другой шаръ земной, то онъ могъ бы и его сдвинуть съ мѣста. Удивленный Гіеронъ просилъ его доказать предложеніе свое на опытѣ и поднять какую-нибудь тяжелую массу съ помощію небольшой силы. Архимедъ приказалъ прицѣпить одно изъ величайшихъ судовъ Гіероновыхъ, требовавшее весьма великаго числа людей, чтобъ вытащить его на берегъ, и сверхъ обыкновенной тяжести, посадилъ на него множество людей; а самъ, избравъ вдали выгодное положеніе, безъ всякаго усилія, и поворачивая одною только рукою конецъ махины, составленной изъ колесъ и

блоковъ, притянулъ судно такъ легко и ровно, какъ будто оно плыло по морю. Царь, приведенный въ изумленіе и узнавшій на самомъ опытѣ искусство Математики, предложилъ ему сдѣлать нѣсколько махинъ, которыя бы можно было употребить для защищенія и нападенія во всякихъ осадахъ и приступахъ. Архимедъ исполнилъ царскую волю; но Гіеронъ не пользовался его изобрѣтеніемъ, потому что большую часть своего царствованія провелъ мирно. Однакожъ сей запасъ орудій и махинъ пригодился наконецъ Сиракузянамъ, также какъ и математикъ, сдѣлавшій оныя.

Когда Сиракузяне увидѣли, что Римляне готовились напасть на нихъ совсѣхъ сторонъ, то пришли въ крайнее изумленіе; думая, что нѣтъ для нихъ никакой возможности противиться столь великой силѣ, не знали, что дѣлать. Архимедъ немедленно привелъ въ движеніе всѣ свои махины, и вдругъ несмѣтное множество стрѣлъ всякаго рода и чрезвычайной величины каменьевъ полетѣли съ ужаснымъ шумомъ и силою противъ пѣхоты, которая шла съ твердой земли на приступъ, опрокидывая и разрушая все, встрѣчающееся имъ. Ни одинъ

человѣкъ не могъ противиться столь великому стремленію, отъ чего все войско пришло въ замѣшательство.

Что касается до кораблей, осаждавшихъ городъ со стороны моря, то одни изъ нихъ были потоплены большими деревянными брусьями, брошенными внезапно съ городкой стѣны посредствомъ махинъ; другіе, бывъ съ одного конца подняты вверхъ желѣзными лапами и крючьями, сдѣланными на подобіе журавлинаго носа, опускались другою стороною въ воду; иные, бывъ схвачены изъ внутри махинами, натянутыми одна противъ другой, кружились на воздухъ и разбивались объ камни.

Въ сихъ обстоятельствахъ Римляне собрали совѣтъ, чтобъ разсмотрѣть, на что имъ рѣшиться. Положено, на другой день до свѣту подойти, естьли удастся, къ стѣнамъ; ибо махины Архимедовы, бывъ слишкомъ сильны и натянуты, должны въ это время бросать стрѣлы и каменья чрезъ ихъ головы, и слѣдственно на такомъ разстояніи и пространствѣ остаться безполезными. Но Архимедъ давно уже предвидѣлъ то, и заготовилъ множество махинъ, которыхъ дѣйствіе соразмѣрно было всякому

разстоянію. Въ стѣнѣ находилось множество отверстій, сквозь которыя пускали коротенькія стрѣлы, такъ что сами стрѣлки не могли быть видимы. Римляне, подошедъ къ стѣнамъ, и почитая себя въ безопасности, весьма изумились, когда несчетное множество стрѣлъ и каменьевъ снова полетѣло на нихъ. Не было въ стѣнѣ ни одного мѣста, откуда бы не стрѣляли; почему и принуждены были съ поспѣшностію отступить. Но не смотря на то, стрѣлы и камни не преставали летѣть на нихъ со всѣхъ сторонъ и убивать знатное количество людей. Такимъ образомъ побито у нихъ великое число войска и истреблено множество кораблей, между тѣмъ какъ они сами ничѣмъ не могли отмстить непріятелямъ своимъ; ибо Архимедъ расположилъ махины свои за стѣнами. Казалось, что будто сами боги поражали Римлянъ. Столько потерпѣли они вреда, не могши видѣть, откуда и какъ онъ происходитъ.

Наконецъ Марцеллъ видя, что войско его чрезвычайно напугано, и что всякой воинъ, замѣтивши на городской стѣнѣ малѣйшее движеніе, бѣжалъ прочь, думая, что Архимедъ при-

водилъ въ движеніе какую-нибудь машину, рѣшился отложить приступъ, и вознамѣрился долговременною осадою принудить жителей къ сдачѣ.

Мы уже сказали, что Сиракузы взяты были нечаянно: Римляне вошли туда съ такой стороны, на которую менѣе другихъ обращено было вниманія. Марцеллъ такъ много думалъ объ Архимедѣ, что именно приказалъ не дѣлать ему никакого оскорбленія; но, къ нещастію, Римскій воинъ, не знавшій приказанія полководца своего, или не думая, что онъ дѣло имѣлъ съ самимъ Архимедомъ, закололъ мечемъ сего великаго человѣка. Онъ тогда сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ и такъ прилѣжно занимался рѣшеніемъ одной задачи, что не зналъ о взятіи города и не обращалъ никакого вниманія на ужасный шумъ, происходившій въ немъ. Видъ воина сперва изумилъ его; но онъ скоро принялся опять за свое дѣло и просилъ Римлянина, который заставлялъ его итти къ своему полководцу, чтобъ онъ потерпѣлъ, и далъ ему кончить свое дѣло. Варваръ, раздраженный симъ отвѣтомъ, или можетъ быть, не понимая намѣренія Архимедова, тотчасъ умертвилъ его. Это случилось за 208 лѣтъ до нашего лѣтосчисленія.

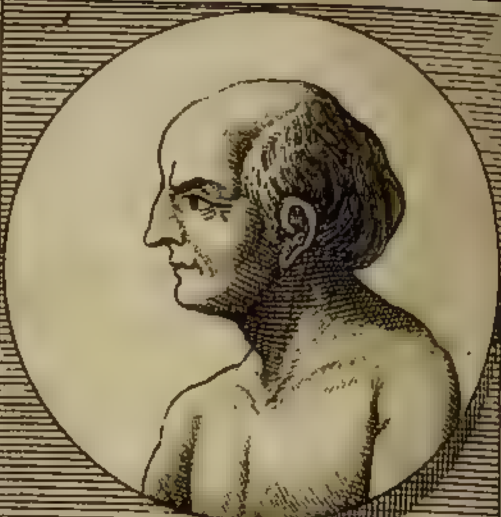
Марцеллъ такъ возненавидѣлъ сего убійцу, что запретилъ ему показываться на глаза къ себѣ. Желая оказать Архимеду всѣ возможныя почести, приказалъ похоронить его великолѣпно и обошелся съ семействомъ его весьма ласково и почтительно. На гробницѣ Архимедовой, по желанію его, положили цилиндръ и сферу, съ надписью, показывающею взаимное ихъ отношеніе, которое онъ объяснилъ прежде всѣхъ. Цицеронъ, Квесторъ Сицилійскій, нашелъ сей памятникъ Марцеллова уваженія къ сему славному Математику.

Познанія Архимеда не ограничивались одною Математикою. Когда нѣкоторый ремесленникъ, дѣлая золотой вѣнецъ для Гіерона, примѣшалъ къ сему металлу нѣкоторое количество меди, то Архимедъ всячески старался обнаружить обманъ сей. Этотъ способъ, нынѣ столь извѣстный, считался въ то время тайною. Архимедъ нашелъ ее. Радость его при семъ случаѣ такъ была велика, что онъ, вышедши изъ бани, началъ бѣгать по улицамъ нагой, и кричалъ: *нашелъ! нашелъ!*

Въ числѣ удивительныхъ вещей, изобрѣтенныхъ имъ для пользы отече-

Сципіонъ Назика.

Катонъ Ценсоръ.

Теренцій.

Плавтъ.

Павелъ Эмилій.

Сципіонъ Африканск.

тва, полагаютъ болѣе всего зеркала, которыми онъ зажигалъ, въ разстояніи 200 футовъ, Римскіе корабли. Ученые весьма долго считали за выдумку все то, что Древняя Исторія говоритъ о семъ предметѣ; но славный Бюффонъ, не занимаясь возстановленіемъ славы Архимедовой посредствомъ диссертацій, старался изыскать возможность способа сего въ самой натурѣ и имѣлъ щастіе сдѣлать еще больше, нежели Математикъ Сиракузскій; его зеркала растопляли свинецъ и олово въ разстояніи 140 футовъ, а дерево зажигали и еще далѣе. Слѣдственно Архимедъ былъ точно такой великой человѣкъ, какимъ описываетъ его Исторія, и одинъ только Бюффонъ умѣлъ доказать это.

ПУБЛІЙ СЦИПІОНЪ,

прозванный АФРИКАНСКИМЪ,

полководецъ римскій,

родился около 234 года до Рожд. Христ.

Публій Корнелій Сципіонъ, сынъ Публія Корнелія Сципіона Назики, оказалъ съ самаго своего младенчества всѣ знаки великихъ дарованій, усер-

дія и непоколебимой твердости, которыя спасли Римскую республику. Онъ былъ современникъ многихъ великихъ людей и при всемъ томъ занималъ между ими первое мѣсто. Наконецъ онъ былъ побѣдитель Аннибала.

Будучи въ первый разъ въ походѣ при началѣ войны Пунической и имѣя отъ роду не болѣе семнадцати лѣтъ, онъ спасъ жизнь отца своего, бывшаго тогда Консуломъ. Это случилось на сраженіи, которое Аннибалъ далъ Римлянамъ. Вскорѣ послѣ того имѣлъ онъ случай доказать твердость и любовь свою къ отечеству. Это было послѣ сраженія при Каннахъ. Сципіонъ служилъ тогда Трибуномъ въ легіонѣ. При концѣ сего славнаго сраженія удалился онъ вмѣстѣ съ другими чиновниками въ сосѣдственный городъ, который держался еще стороны Римлянъ, гдѣ узналъ, что чиновники сіи, просходившіе отъ первыхъ Римскихъ домовъ и составлявшіе единственную подпору республики, собрались у нѣкотораго Метелла и отчаявшись о спасеніи отечества, намѣревались сѣсть на корабль въ первой пристани и удалиться изъ Италіи. Столь подлый заговоръ привелъ Сципіона въ величайшее негодова-

ніе; онѣ рѣшился воспротивиться сему сѣ опасностію жизни, и обратясь кѣ другимѣ, находившимся сѣ нимѣ чиновникамѣ, сказалѣ: «кому спасеніе «Рима драгоцѣнно, тотѣ пусть «слѣдуетѣ за мною.» Онѣ прямо пошелѣ вѣ тотѣ домѣ, гдѣ собранѣ былѣ совѣтѣ измѣнниковѣ и, обнаживѣ мечь, вскричалѣ: «Клянусь, что никогда не оставлю республики и не допущу, чтобѣ другіе ее оставили.» Потомѣ, обращая рѣчь кѣ Метеллу: надобно непремѣнно, сказалѣ онѣ, чтобѣ ты и всѣ находящіеся здѣсь дали такую же клятву, или готовились лишиться жизни. Твердость, сѣ которою онѣ произнесѣ слова сіи, и ревность его кѣ отечеству устрашили виновныхѣ и тотчасѣ обратили ихѣ кѣ благороднѣйшему образу мыслей. Они повторили клятву младаго героя и загладили минутную слабость неизмѣнною храбростію. Такимѣ-то образомѣ Сципіонѣ, долженствовавшій избавить Италію отѣ ужаснѣйшаго непріятеля, началѣ великій сей подвигѣ. Военныя и гражданскія его способности скоро пріобрѣли ему у Римлянѣ достойную славу. На двадцатомѣ году своей жизни онѣ потребовалѣ званія Эдиля, котораго не льзя было полу-

чить прежде двадцати семи лѣтъ. Трибуны воспротивились его требованію, поставляя причиною, что онъ не имѣлъ законныхъ лѣтъ. «Естьли Римляне, сказалъ Сципіонъ, захотятъ сдѣлать меня Эдилемъ, то я конечно буду имѣть узаконенный возрастъ; позвольте мнѣ поговорить съ ними.» Едва только онъ объявилъ свое желаніе, какъ всѣ граждане единодушно дали согласіе. Столько-то уважалъ Римскій народъ Сципіона!

Корнелій Сципіонъ отецъ, и Кней, дядя его, лишились жизни въ Испаніи, гдѣ они начальствовали надъ республиканскими войсками. Римляне весьма озаботились, когда дѣло дошло до выбора преемниковъ симъ великимъ людямъ; никто не смѣлъ вступить въ поприще, на которомъ они погибли. Корнелій Сципіонъ, которому было тогда не болѣе двадцати четырехъ лѣтъ, видя всеобщее уныніе, всталъ и вызвался принять начальство въ Испаніи, естьли народу не будетъ то противно. Предложеніе сіе, сдѣланное въ тогдашнихъ обстоятельствахъ не столько изъ честолюбія, сколько изъ усердія и ревности, принято съ восхищеніемъ, и юный Римлянинъ единогласно избранъ полковод-

цемъ надъ Испанскимъ войскомъ. По прошествіи перваго восторга начали обращать вниманіе на его молодость и за надеждою воспослѣдовало опасеніе. Сципіонъ, примѣтя сію холодность, произнесъ рѣчь столь убѣдительную и говорилъ съ такимъ благоразуміемъ о своемъ возрастѣ, о сдѣланной ему почести и о предпринимаемой имъ войнѣ, что истребилъ въ народѣ безпокойство, и возбудилъ опять тотъ жаръ, съ которымъ прежде поручено ему было начальство.

Обѣщанія его были не напрасны. Принявъ начальство надъ Римскимъ войскомъ, которое нашелъ въ самомъ дурномъ состояніи, возбудилъ въ немъ прежнюю довѣренность и возстановилъ порядокъ; разбилъ нѣсколько разъ непріятельскихъ полководцевъ и черезъ пять лѣтъ выгналъ изъ Испаніи всѣхъ Карѳагенцевъ. Самый крѣпкій и богатый городъ въ сей странѣ былъ Картагена. Сципіонъ овладѣлъ имъ въ одинъ день. Полученная добыча была несмѣтна. Нѣкоторую часть оной полководецъ употребилъ на раздачу награжденій своимъ войскамъ, чтобъ воспламенить ихъ тѣмъ болѣе. Для привлеченія же къ себѣ народовъ, у коихъ онъ находился, велѣлъ при-

звать аманатовъ и плѣнниковъ, ободрилъ ихъ, и сказавши, что Римъ предпочитаетъ друзей и союзниковъ рабамъ и невольникамъ, отпустилъ безъ выкупа. Такая милость прославила его болѣе, нежели побѣда.

При семъ случаѣ супруга Мандонія, брата Индибилиса, Царя Илержетскаго, женщина почтенная по своему возрасту и породѣ, бросилась къ ногамъ Сципіона вмѣстѣ со многими молодыми княжнами, дочерьми Индибилиса и другими знатными особами, прося его назначить имъ стражу, которая бы могла охранить честь ихъ. »Они молоды и хороши собою, сказала она; слѣдственно должны всего опасаться.« Слава Римскаго народа и моя собственная, отвѣчалъ Сципіонъ, заставляетъ меня уважать то, что должно уважаемо быть во всей вселенной; но вы принуждаете меня обратить на это еще большее вниманіе, когда слѣдуя побужденіямъ добродѣтели, просите единственно о сохраненіи вашей чести въ такихъ обстоятельствахъ, при которыхъ имѣете много другихъ причинъ къ боязни.« Онъ поручилъ ихъ чиновнику испытанной вѣрности, и приказалъ ему обходиться съ ними

шакѣ почтительно, какѣ бы они принадлежали кѣ друзьямѣ или союзникамѣ Римскимѣ.

Послѣ сего привели кѣ нему Княжну рѣдкой красоты. Она была обручена сѣ Аллуцiемѣ, Принцемѣ Цельтиберскимѣ. Сципiонѣ приказалѣ призвать ея родителей вмѣстѣ сѣ назначеннымѣ ей супругомѣ, и далѣ замѣтить сему послѣднему, что невѣста его содержалась у него вѣ домѣ точно такѣ, какѣ у отца своего. « Я поступилѣ такѣ, присовокупилѣ онѣ, для »того, чтобѣ сдѣлать вамѣ подарокѣ, »достойный васѣ и меня самаго. Не »требую никакой отѣ васѣ благодар»ности, кромѣ дружбы кѣ Римскому »народу.« Родители сей дѣвицы просили Сципiона принять знатную сумму, принесенную ими для выкупа, и положили у ногѣ его. Я прибавляю, говорилѣ Римлянинѣ, обратясь кѣ Аллуцiю, эту сумму кѣ приданому, которое ты долженѣ получить отѣ своего тестя: и принудилѣ его взять принесенное кѣ нему золото. Столь великое безкорыстiе не было безполезно для героя: онѣ вскорѣ увидѣлѣ, что сей Князь явился кѣ нему сѣ отборнымѣ войскомѣ, сталѣ подѣ его знаменами и предался ему совершенно. Слухѣ о добротѣ и благо-

твореніяхЪ Сципіона пріобрѣлЪ ему болѣе друзей, нежели сколько сила оружія покорила ему непріятелей.

Слава, пріобрѣтенная героемЪ, предшествовала ему вЪ РимЪ и расположила всѣхЪ вЪ его пользу. По возвращеніи своемЪ выбранЪ онЪ вЪ Консулы и получилЪ вЪ удѣлЪ Сицилійскую провинцію. Это была вѣрная дорога переправиться вЪ Африку, и СципіонЪ не скрывалЪ своего намѣренія. ОднакожЪ онЪ имѣлЪ много препятствій. Фабій МаксимЪ, или изЪ тайной зависти, или изЪ обыкновенной своей осторожности, болѣе всѣхЪ противился его замысламЪ. НаконецЪ щастіе Рима одержало верхЪ, и СенатЪ опредѣлилЪ назначить Сципіону Сицилію сЪ позволеніемЪ переправиться вЪ Африку, естьли онЪ сочтетЪ это для республики полезнымЪ.

ОднакожЪ предпріятіе сіе показалось дерзкимЪ, и республика сперва не хотѣла дать ему ни денегЪ, ни войска; но его слава, его храбрость и его ласковость доставили ему воиновЪ. Всякой наперерывЪ старался вступить вЪ службу столь великаго военачальника; скоро составилась знатная армія. Это былЪ вторый АннибалЪ. ОнЪ и дѣйствительно имѣлЪ всѣ

его добродѣтели, не имѣя ни одного его порока. Онъ вступилъ въ Африку между тѣмъ, какъ Карѳагенцы продолжали войну въ Италіи; разбилъ Аздрубала, лучшаго непріятельскаго полководца, и побѣдилъ Сифакса, Царя Нумидійскаго, прежняго союзника Римлянъ. Первая побѣда доставила ему великія выгоды, а вторая потрясла Карѳагенъ. Область сія полагала единственную надежду на Аннибала, и спѣшила призвать его для защиты. Аннибалъ выступилъ изъ Италіи съ сожалѣніемъ, державшись въ ней со славою шестнадцать лѣтъ. Сіи два полководца съѣхались для заключенія мира между обоими народами; но не могли согласиться ни въ чемъ. Мечь рѣшилъ ихъ жребій. Подлѣ Замы дошло до сраженія. Обѣ стороны старались о сохраненіи своей власти и свободы, и ничего на щадили для одержанія преимущества; но побѣда склонилась въ пользу Сципіона. Карѳагенцы потеряли 40.000 человѣкъ, изъ коихъ 20.000 тысячь были убиты и столько же взято въ плѣнъ. Послѣ того надлежало принять самыя жестокія условія для заключенія мира. Корабли Карѳагенцевъ, составлявшіе все ихъ богатство и всю силу, были

созжены; они заплатили безчисленныя суммы денегъ, и не имѣли свободы отправлять Посланниковъ безъ точнаго позволенія Римскаго Сената.

Столь великія заслуги доставили Сципіону великолѣпнѣйшее торжество, какое только было видимо, и прозваніе *Африканскаго*. Сверхъ того получилъ онъ Консульство; но это было послѣднее щастіе для сего великаго человѣка. Завистники всѣми силами старались возмутить оное. Онъ вооружился противъ злобы ихъ скромностію, которая прославила его еще болѣе. Въ это время Люцій Сципіонъ, братъ его, бывшій Консуломъ, получилъ чрезъ него въ управленіе области Греческія и позволеніе вести войну противъ Антіоха, Царя Сирійскаго. Побѣдитель Аннибала обѣщалъ быть помощникомъ Люцію, и сдержалъ свое слово. Слѣдуя его совѣтамъ, надъ Антіохомъ одержана побѣда, и знатная часть славы сего похода относилась къ нему. Въ продолженіи сей войны оказалъ онъ все благородство души своей и безкорыстіе. Антіохъ, знавшій силу его въ Римѣ, предложилъ ему мирныя условія, не весьма выгодныя для республики, но лестныя для его особы: хотѣлъ безъ выкупа воз-

вратить ему сына, плѣненнаго при началѣ войны, и раздѣлить съ нимъ доходы своего государства. Сципіонъ велѣлъ сказать Царю, что онъ, какъ частный человѣкъ, не упуститъ ни одного случая изъявить ему свою благодарность; но что онъ не долженъ ничего ожидать отъ него, какъ отъ военачальника и государственнаго человѣка.

Не смотря на такое безкорыстіе, Сципіонъ, по возвращеніи въ Римъ былъ обвиненъ въ сообществѣ съ Антіохомъ. Два Петилія, народные трибуны, были доносщиками и нашли въ Римлянахъ къ Сципіону столько неблагодарности, что заставили себя выслушать. Избавитель Италіи призванъ былъ въ собраніе народа, какъ преступникъ. Онъ явился, и вмѣсто того, чтобъ защищать себя, напомнилъ гражданамъ все то, что онъ сдѣлалъ для пользы отечества. Всѣ осыпали его похвалами. Въ первый день не было ничего рѣшительнаго; онъ призванъ вторично. *Трибуны*, сказалъ онъ тотчасъ по прибытіи, *и вы Римляне! въ этотъ самый день побѣдилъ я Аннибала и Карѳагенцевъ; употребимъ день сей на принесеніе богамъ молитвы; слѣдуйте за мною въ Капитолію*. Вос-

поминаніе сего великаго произшествія сдѣлало сильное впечатлѣніе, и всѣ пошли за нимъ въ Капитолію; одни только пристыженные Трибуны и невольники остались на мѣстѣ. Въ этотъ самый день, который можно почитать послѣднимъ для Сципіона, удалился онъ въ Литерну для избѣжанія отъ злобы и зависти своихъ доносщиковъ, и рѣшился не являться болѣе къ суду, который отложенъ до другаго времени. Братъ его объявилъ, что Сципіонъ, по причинѣ опасной болѣзни, не можетъ прибыть въ Римъ. Доносщики требовали привесть его насильно; но Семпроній Гракхъ, бывшій до сихъ поръ непріятелемъ Сципіона, взялъ его сторону и доказалъ, сколь гнусно для Римлянъ доводить до такого униженія человѣка, побѣдившаго четырехъ Карѳагенскихъ полководцевъ, разбившаго и обратившаго въ бѣгство четыре большія войска въ Испаніи, и побѣдившаго Сифакса, Аннибала и Антіоха. »Не »уже ли, вскричалъ онъ, нѣтъ никакихъ заслугъ, никакихъ почестей, »которыя бы могли доставить великимъ людямъ надежное убѣжище, гдѣ »бы они при старости могли спастись отъ наглостей и поруганія

„въ случаѣ забвенія услугъ своихъ?“ Сіи слова произвели желаемое дѣйствіе, и величайшему человѣку своего времени дозволено умереть спокойно въ деревнѣ, гдѣ онъ употребилъ остальные дни своей жизни на обрабатываніе полей. Онъ умеръ на пятдесятъ четвертомъ году отъ рожденія, за 180 лѣтъ до нашего лѣтосчисленія. Онъ самъ приказалъ воздвигнуть себѣ гробницу, чтобъ скрыть бренные свои остатки отъ неблагодарнаго отечества, которое недостойно было хранить ихъ.

Братъ его, прозванный *Азіятскимъ*, не лучшую получилъ награду за свои услуги. Ценсоръ Катонъ выходилъ законъ, по которому надлежало изслѣдовать употребленіе денежной суммы, полученной симъ полководцемъ отъ Антіоха. Сципіонъ Азіятскій осужденъ былъ на знатную пѣню за такое же мнимое преступленіе, въ которомъ уличали и Сципіона Африканскаго. Имѣніе его было продано, и маловажность онаго послужила въ его оправданіе. Оно не простиралось до той суммы, которую заплатить должно было.

МАРКЪ ПОРЦІЙ КАТОНЪ,
ЦЕНСОРЪ,

родился за 234 года до Рожд. Христова.

Катонъ, уроженецъ Тускуланскій, жилъ у Сабинянъ во время своей молодости и до вступленія въ публичную должность, потому что имѣлъ въ сей землѣ помѣстье, доставшееся ему послѣ отца. Л. Валерій Флаккъ, бывшій потомъ его товарищемъ въ консульствѣ и въ Ценсурѣ, почти насильно заставилъ его пріѣхать въ Римъ и заняться дѣлами. Катонъ пріобрѣлъ въ нихъ великую славу, имѣя способность говорить сильно и краснорѣчиво. Равномѣрно успѣлъ онъ и въ военномъ искусствѣ. Онъ вступилъ въ военную службу семнадцати лѣтъ, и служилъ военнымъ Трибуномъ въ Сициліи во время консульства К. Фабія Максима и М. Клавдія Марцелла. По возвращеніи оттуда, отправился онъ въ войско К. Нерона и отличился многими заслугами на Сіенскомъ сраженіи, гдѣ убитъ Аздрубалъ, зять Аннибала. Природа и характеръ сдѣлали его превосходнымъ

воиномъ. Онъ былъ силенъ, здоровъ, и пріучилъ себя къ такой воздержности, что терпѣливо сносилъ всякіе недостатки. Онъ ходилъ пѣшкомъ, самъ носилъ оружіе, имѣлъ при себѣ только одного невольника, и не сердился на него никогда за пріуготовленіе себѣ не очень вкусной пищи. Въ походахъ пилъ одну воду; въ случаѣ большой жажды прибавлялъ въ нее нѣсколько уксусу, а въ случаѣ слабости небольшое количество посредственнаго вина. Въ сраженіи видъ и голосъ его были страшны, рука его поражала безъ усталости, и онъ скорѣе соглашался умереть, нежели отступить на одинъ шагъ. По щастію, сила соотвѣтствовала его мужеству.

Онъ сдѣланъ былъ Квесторомъ при Сципіонѣ Африканскомъ, но не могъ съ нимъ ужиться. Сципіонъ, желая произвести въ дѣйство планы свои, не щадилъ денегъ; онъ обыкновенно говорилъ, что не въ денежныхъ издержкахъ, а въ поступкахъ своихъ долженъ давать отчетъ правительству. Напротивъ того Катонъ, опасавшійся болѣе всего издержекъ, не могъ равнодушно смотрѣть на расточительность Сципіона, и прибылъ

наконецъ въ Римъ съ намѣреніемъ принести на него жалобу.

По справедливости, необыкновенная его бережливость походила на скупость. Не имѣя большаго достатка, онъ умѣлъ очень хорошо пользоваться деньгами и получать отъ нихъ всѣ возможныя выгоды; но не могъ ограничивать своего желанія, состоявшаго не въ томъ, чтобъ только собрать, но чтобъ увеличить и сберечь. Онъ почти боялся наслажденія: довольствуясь малымъ, имѣя небольшой домъ и весьма умѣренный столъ, трудился такъ много, какъ будто имѣлъ во всемъ недостатокъ, и занимавши долгое время первыя степени въ республикѣ, сдѣлался при старости ростовщикомъ. За сіе нельзя строго осуждать его, ибо онъ никогда не поступалъ противъ законовъ: однакожъ жадность сія доказываетъ, что сердце его не совсѣмъ было чисто. Сей человѣкъ, подверженный въ семейственномъ кругу столь гнусному пороку, хранилъ съ величайшею точностію общественную казну; даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ содержался онъ на казенномъ иждивеніи, издержки его были такъ малы, какъ будто тратилъ собственныя свои деньги. Столь благо-

родное безкорыстіе не только оправдываетъ скупость его, но еще заставляетъ думать, что страсть сія не была въ немъ ненавистный порокъ, какъ въ другихъ обыкновенныхъ людяхъ, а только излишняя предосторожность. Въ самомъ дѣлѣ, онъ столько же любилъ беречь чужое, какъ и свое. Роскошь была ему несносна для того, что видѣлъ въ ней разрушеніе всѣхъ учрежденій, возвеличившихъ Римъ, и будущую отъ того гибель республики. Однакожъ надобно согласиться, что экономія сія сопровождалась нечувствительностію, доходившею до варварства. Онъ хотѣлъ, чтобъ продавали невольниковъ, когда они состарѣются и не въ состояніи будутъ служить, дабы избѣжать лишнихъ издержекъ. »Не надобно, говорилъ онъ, беречь той вещи, безъ которой можно обойтись и которая безполезна.« Плутархъ дѣлаетъ при семъ случаѣ весьма хорошія разсужденія, которыя здѣсь за нужное почитается привесть:

»Продавать слугъ, говоритъ онъ, или выгонять изъ дому, когда они состарѣются въ нашей службѣ, какъ скотовъ, есть, по мнѣнію моему, дѣло весьма жестокое. Это значитъ ду-

мать, что собственныя выгоды есть душа общества, и что мы обязаны тогда только къ взаимному вспоможенію, когда имѣемъ въ виду собственныя пользы. Однакожъ мы видимъ, что добродушіе далѣе простирается, нежели возмездіе; ибо природа заставляетъ насъ воздавать равное за равное только людямъ, а ласковость и снисходительность простирать даже на дикихъ звѣрей. Это происходитъ отъ кротости и человѣколюбія, которыя въ насъ никогда не должны погасать. Кормить изувѣченныхъ и изнуренныхъ для собственной нашей пользы лошадей, также кормить собакъ не только въ то время, когда они еще малы, но и тогда, какъ они при насъ состарѣются, свойственно человѣку доброму и милостивому... Не благоразумно поступать съ существами, одаренными жизнію и чувствомъ, какъ съ башмакомъ, или подобною тому вещію, которую мы испортивши или износивши, бросаемъ. И такъ надобно пріучить себя къ кротости и снисхожденію даже въ самыхъ маловажныхъ случаяхъ, хотя для того только, чтобъ пріобрѣсть сей благодѣтельный навыкъ. Что касается до меня, то я не согласился бы

никогда продать даже и быка, нѣсколько лѣтъ воздѣлывавшаго мою землю, когда онъ не въ состояніи болѣе отправлять работы; а тѣмъ менѣе такъ поступать съ невольникомъ. На что продавать его за ничтожную цѣну, удалять изъ той страны, гдѣ онъ долгое время жилъ, и заставлять перемѣнить прежній образъ жизни?... Онъ столько же будетъ безполезенъ для покупщика, какъ и для продавца.«

Катонъ, сдѣлавшись Консуломъ, отправился въ Испанію для приведенія въ порядокъ возмутившихся народовъ и въ короткое время взялъ 400 городовъ. Онъ очень любилъ хвалить самаго себя, хотя и не терпѣлъ, чтобы хвалили кого-нибудь другаго, и потому часто говаривалъ, что онъ завоевалъ болѣе городовъ, нежели сколько провелъ дней въ своей области. По возвращеніи имѣлъ торжественный въѣздъ. Но какъ онъ, по мнѣнію Сципіона Африканскаго, былъ слишкомъ долго во второй разъ Консуломъ, то сей послѣдній хотѣлъ его лишить помянутаго достоинства и заступить его мѣсто, однакожъ не смотря на то, что считался первымъ человѣкомъ въ Римѣ, не могъ склонить Сенатъ согласиться на свое требованіе.

Занимавши долгое время первѣйшія мѣста въ республикѣ и оказавъ къ дѣламъ великую способность, а особливо строжайшую справедливость, Катонъ потребовалъ должности Ценсора и получилъ ее. Сперва встрѣтились ему препятствія: Люди, предавшіеся роскоши и порокамъ, крайне боялись его суровости. Она дѣйствительно была чрезвычайна, однакожъ и полезна для республики. Она-то нѣкоторымъ образомъ не допустила до совершеннаго развращенія нравовъ. Впрочемъ не льзя было упрекать въ томъ Катона; ибо онъ никогда не дѣлалъ того самъ, за что наказывалъ виновныхъ. Онъ даже былъ снисходительнѣе ко всякому другому, нежели къ самому себѣ. Видя кого-нибудь впадшаго въ погрѣшность, обыкновенно говорилъ *надобно пощадить его; онъ не Катонъ*. Это конечно походило на гордость; но гордость сія доказываетъ, съ какимъ стараніемъ исполнялъ онъ свою должность, и что полагалъ величайшую свою славу въ самой строгой честности. Пятдесятъ разъ доносили на него, но не могли ничего доказать ни однажды. Одна сія черта показываетъ, какой онъ былъ человѣкъ; ибо и самая за-

висть не могла помрачить добраго его имени. Не смотря на невинность однихъ и на страхъ другихъ, его весьма уважали, и народъ воздвигнулъ ему мѣдную статую, съ надписью: *въ честь Катона, исправившаго развращенные нравы.* Будучи предубѣжденъ противъ женщинъ, онъ болѣе всѣхъ способствовалъ учрежденію закона, который запрещалъ гражданамъ дѣлать ихъ наслѣдницами. При всемъ томъ онъ былъ весьма хорошій супругъ и утверждалъ, что наказывать жену или дѣтей есть истинное беззаконіе. Онъ болѣе всего хвалилъ Сократа за то, что сей послѣдній умѣлъ сносить безпокойный нравъ Ксантиппы, жены своей.

Страхъ, чтобъ не испортились нравы Римлянъ, заставилъ Катона при старости склонить Сенаторовъ выгнать изъ города Греческихъ философовъ, прибывшихъ туда для переговоровъ. Онъ даже хотѣлъ, чтобъ выслали и врачей. Сверхъ того всякую рѣчь свою оканчивалъ сими словами: *въ заключеніе всего желаю я погибели Карѳагену.* Онъ предвидѣлъ, что сей городъ, поправившись однажды, конечно приключитъ Римлянамъ все зло, которое сіи послѣдніе нанесли ему.

Любовь его къ дѣтямъ, не смотря на то, что не обнаруживалась въ несвойственныхъ характеру его ласкахъ, была чрезвычайна. Какъ скоро жена родила ему сына, то онъ ничѣмъ болѣе, кромѣ его, не занимался во все свободное время отъ общественныхъ дѣлъ. Онъ заставлялъ его при себѣ мыть, чесать и одѣвать; потомъ обучалъ самъ всѣмъ необходимымъ для Римлянина наукамъ, дабы онъ умѣлъ хорошо вести себя и служить отечеству съ пользою. Наконецъ, сдѣлавъ его совершенно добрымъ человѣкомъ, имѣлъ нещастіе лишиться въ самомъ цвѣтущемъ возрастѣ.

Старость Катонова была продолжительна. Онъ умеръ осьмидесяти шести лѣтъ. Почти вся жизнь сего великаго мужа посвящена была обществу; самые праздные часы его употребляемы въ пользу своихъ сограждань. Онъ написалъ трактатъ *о военной наукѣ* и исторію въ семи книгахъ, подъ названіемъ: *о началахъ*, потому что во второй и третіей части ея изъяснилъ происхожденіе всѣхъ городовъ Италіи. Отъ сего сочиненія остались намъ нѣкоторые отрывки. Сверхъ того имѣемъ мы отъ него трактатъ *о сельскомъ хозяйствѣ*, гдѣ

входилъ онъ въ великія подробности; даже научаетъ, говоритъ Плутархъ, какъ должно дѣлать сладкіе и всякіе другіе пироги. Такимъ образомъ сей великій человѣкъ занимался единственно тѣмъ, что относилось къ благу человѣчества, къ щастію своего отечества и семейства; все прочее было для него постороннее. Во время Цицероново оставалось отъ него 150 рѣчей, произнесенныхъ имъ въ разныхъ случаяхъ. Онъ не щадилъ ничего для обогащенія себя познаніями и при старости своей выучился по Гречески. Удивительно однакожъ, что онъ страстно любя науки, не позволялъ заниматься ими молодымъ Римлянамъ, а особливо тѣми, которыя принесены были изъ Греціи. Онъ боялся, чтобъ науки сіи не умягчили сердецъ и слѣдственно не истребили въ Римлянахъ ту храбрость и любовь къ оружію, которая ихъ привела въ цвѣтущее состояніе. Ему-то Римъ обязанъ Энніемъ (*), который обогатилъ и очи-

---

(*) Квинтъ Энній родился въ Калабріи за 327 лѣтъ до нашего лѣтосчисленія. За отличныя свои дарованія получилъ онъ право Римскаго гражданства, что весьма важно было въ тогдашнее время. Стихи

стилЪ Латинскую поэзію такЪ, что она послѣ стала на ряду сЪ Греческою. ОнЪ привезЪ сего стихотворца изЪ Сардиніи. »Это пріобрѣтеніе, говоритЪ Корнелій НепотЪ, умѣвшій цѣнить сочиненія Эннія, не меньше дѣлаетЪ ему чести, какЪ и самая блестящая побѣда надЪ Сардинцами.«

ВотЪ краткое описаніе дѣлЪ сего наистрожайшаго Римлянина! Нѣкоторые изЪ нихЪ конечно подвержены осужденію, но большая часть заслуживаетЪ похвалу. ОнЪ былЪ искусный земледѣлецЪ, великій полководецЪ, политикЪ, правоискусникЪ, хорошій ораторЪ своего времени и ученый человѣкЪ. ГоворятЪ, что онЪ былЪ скупЪ на деньги и непримиримЪ во

его грубы и принужденны; но вЪ нихЪ не рѣдко показываются искры великаго генія. СамЪ Виргилій пользовался его сочиненіями, даже взялЪ оттуда нѣсколько стиховЪ, и послѣ говорилЪ, что онЪ вЪ навозѣ нашелЪ золото. СципіонЪ такЪ уважалЪ Эннія, что послѣ смерти хотѣлЪ лежать сЪ нимЪ вЪ одной гробницѣ. Главнѣйшее сочиненіе Эннія есть *Лѣтопись Римской республики*, вЪ героическихЪ стихахЪ. Мы имѣемЪ нѣкоторые ея отрывки; онЪ также писалЪ сатиры.

мщеніи: но естьли онъ кого-нибудь и наказывалъ строго, то всегда по справедливости; естьли слишкомъ берегъ свое имѣніе, то не меньше умѣлъ хранить и казну общественную. Обыкновенный скупецъ не стыдится быть гнуснымъ человѣкомъ. Катону не доставало одной чувствительности; впрочемъ онъ имѣлъ всѣ добродѣтели, какія только человѣкъ имѣть может.

ПЛАВТЪ,

латинскій писатель комедій,

умеръ за 184 года до Рожд. Христ.

Маркъ Акцій Плавтъ родился въ Сарзинѣ, Омбрійскомъ городѣ. Секстъ Помпей думаетъ, будто назвали его Плавтомъ потому, что ноги у него были плоски. Сказываютъ, что онъ въ молодости занимался торговлею, но раззорившись, принужденъ былъ наняться къ хлѣбнику и работать у него на мельницѣ. Тутъ употреблялъ онъ нѣсколько свободнаго времени на сочиненіе своихъ комедій. Можетъ быть это одна вы-

думка, которыми обыкновенно обезображиваютъ исторію великихъ людей, а можетъ быть и справедливо. Нѣтъ ничего обыкновеннѣе, какъ видѣть достойнаго человѣка въ нещастіи; кажется, что эта участь предоставлена самой большой части людей, которые должны подавать роду человѣческому примѣры. Какъ бы то ни было, но это доказываетъ, что Плавтъ долженъ былъ бороться съ щастіемъ прежде, нежели сдѣлался извѣстнымъ. Уваженіе, которое оказывали ему Римляне, заставляетъ думать, что онъ послѣ сдѣлался щастливѣе. Онъ имѣлъ отъ природы истинную комическую силу, составлявшую душу комедіи. Римской языкъ въ его время не былъ еще усовершенствованъ, и потому въ стихахъ Плавта не видно той чистоты и пріятности, которая предполагаетъ уже хорошіе образцы; но въ нихъ много строгаго, привлекательнаго и смѣшнаго. Не смотря на многія непристойности и низкости, комедіи его были принимаемы съ удовольствіемъ въ просвѣщенномъ вѣкѣ Августа; даже во времена Діоклитіановы, то есть, спустя 500 лѣтъ, они забавляли еще Римлянъ. Изъ всѣхъ піэсъ его осталось

теперь только 19 комедій. Плавтъ ожидаетъ еще хорошаго переводчика.

ТЕРЕНЦІЙ,

другой латинской писатель комедій, умеръ около 159 лѣтъ до Рожд. Христ.

Публій Теренцій Африканскій родился въ Кареагенѣ; былъ похищенъ Нумидійцами во время набѣговъ, которые они дѣлали на области Кареагенскія, и проданъ въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ Римскому Сенатору Теренцію Лекану. Сей вельможа, замѣтивши въ немъ великія способности, приказалъ воспитывать его рачительно и отпустилъ на волю весьма скоро. Онъ принялъ названіе Теренція, патрона своего, слѣдуя обыкновенію, состоявшему въ томъ, чтобъ уволенный отъ рабства носилъ имя прежняго господина своего.

Теренцій почувствовалъ въ себѣ склонность къ театру, и сталъ сочинять комедіи. Онъ взялъ за образецъ Менандра, лучшаго изъ Греческихъ комиковъ, котораго одно только имя дошло до насъ. Слогъ его простъ, пріятенъ, мысли благородны. Нѣтъ въ

немъ ни грубости, ни нелѣпости Плавтовой. Г-жа Дасье предпочитаетъ однакожъ сего послѣдняго.

„Теренцій, говоритъ она, имѣетъ великое искусство; но въ Плавтѣ болѣе остроумія. Теренцій заставляетъ актеровъ болѣе говорить, нежели дѣйствовать; Плавтъ занимаетъ больше дѣйствіемъ, нежели разговорами, въ чемъ состоитъ истинный характеръ комедіи. Эта живость, по моему мнѣнію, даетъ Плавту еще большее преимущество. Интриги его всегда сообразны качеству дѣйствующихъ лицъ, приключенія разнообразнѣе и возбуждаютъ пріятное изумленіе: напротивъ того театръ видимымъ образомъ слабѣетъ у Теренція: у него совсѣмъ нѣтъ ни быстроты, ни завязки, ни интригъ.„ Но, говоритъ Фреронъ, естьли Теренцій уступаетъ Плавту въ быстротѣ дѣйствія и заманчивости разговоровъ, то все сіе замѣняетъ онъ большею пристойностію, благородствомъ и вкусомъ. Характеры его естественнѣе, изображенія нравовъ вѣрнѣе. Онъ гораздо ближе къ природѣ, и гораздо болѣе трогаетъ интереснымъ содержаніемъ піэсъ своихъ. Онъ не столько забавляетъ читателей острыми словами,

которыми Плавтъ изобилуетъ, и которыя, по мнѣнію Горація, не весьма привлекательны; но замѣняетъ ихъ правильностію и основательностію мыслей, нѣжностію чувства, пріятностію картинъ и привлекательнымъ слогомъ, производящимъ новое удовольствіе при всякомъ чтеніи его комедій. Когда на Римскомъ театрѣ услышали въ первый разъ прекрасный стихъ:

Homo sum, humani nil a me alienum puto;

Я человѣкъ, и дѣлаю все человѣческое.

То, говоритъ Св. Августинъ, раздалось въ амфитеатрѣ всеобщее рукоплесканіе; не было ни одного человѣка въ столь многочисленномъ собраніи, состоявшемъ изъ Римлянъ и посланниковъ разныхъ народовъ, который бы не тронулся симъ гласомъ природы.

Теренцій былъ другъ Лелія и Сципіона Африканскаго. Думаютъ, что сіи славные Римляне имѣли участіе въ его комедіяхъ. Тонкой ихъ умъ, вкусъ и любовь къ Словесности оправдываютъ, кажется, сіе мнѣніе, не дѣлая ущербу славѣ Теренція.

Сей стихотворецъ удалился изъ Рима, не имѣя еще тридцати пяти

лѣтъ, и въ уединеніи занялся переводомъ Менандра и сочиненіемъ собственныхъ комедій. Говорятъ, будто потеря рукописей его такъ огорчила, что онъ умеръ съ печали около 155 года до нашего лѣтосчисленія. Нѣкоторыя его театральныя сочиненія переведены на Россійской языкъ. (*).

ПАВЕЛЪ ЭМИЛІЙ,

ПОЛКОВОДЕЦЪ РИМСКІЙ,

умеръ на 168 году до Рожд. Христ.

Луцій Павелъ, убитый на сраженіи при Каннахъ, имѣлъ двухъ дѣтей: Эмилію, которая вышла за Сципіона Великаго, и Павла Эмилія, о которомъ говоримъ. Сей молодой Римлянинъ видѣлъ великіе примѣры, и воспользовался ими. Слѣдуя строгости характера своего, онъ старался получить достоинства болѣе по заслу-

(*) Комедіи П. Теренція Африканскаго, переведенныя съ Латинскаго, напечатаны въ Спб. 1774 года въ трехъ частяхъ. И вторично изданы они съ Латинскимъ подлинникомъ въ томъ же году.

гѣ, нежели по угожденію народнымъ страстямъ, какъ-то дѣлали другіе. Онъ получилъ званіе Эдиля преимущественно предъ своими совмѣстниками, хотя число ихъ простиралось до двѣнадцати и всѣ были изъ знатнѣйшихъ домовъ Римскихъ. Вскорѣ послѣ того избранъ онъ въ авгуры или гадатели, и исполнялъ сію священническую должность съ великою точностію; что весьма нравились его согражданамъ. Сія точность въ исполненіи возложенныхъ на него должностей еще болѣе сдѣлалась примѣтна при вступленіи его въ военную службу. Онъ считалъ за непростительное дѣло и самомалѣйшее опущеніе въ воинскомъ искусствѣ, а особливо когда принялъ самъ начальство, и сдѣлался обязаннымъ давать приказанія и примѣры. «Онъ думалъ, говоритъ Плутархъ, что побѣдить непріятеля оружіемъ не столь важное дѣло, какъ пріучить гражданъ къ хорошему устройству и воинственности.»

По первому требованію онъ получилъ Консульское достоинство, и въ продолженіи онаго выступилъ въ походъ противъ Лигурійцевъ, которыхъ и побѣдилъ. Это было славнѣйшее его дѣло во время перваго

Консульства. Чрезъ нѣсколько времени вступивъ снова въ число кандидатовъ для сей верховной степени, получилъ отказъ, и уже болѣе не представлялся. Тогда посвятилъ себя совершенно воспитанію дѣтей своихъ, и образовалъ ихъ такъ хорошо, что они въ послѣдствіи занимали первыя мѣста въ Римѣ. Онъ имѣлъ щастіе быть отцемъ младшаго Сципіона, разорившаго совершенно Карѳагенъ.

На шестидесятомъ году выбрали его вторично въ Консулы. Народъ почувствовавъ, что для него нуженъ достойный военачальникъ, самъ обратилъ на него вниманіе, назначилъ ему сіе достоинство и просилъ, чтобы онъ не отказывался принять его. Давно уже ведена была война съ Персеемъ, Царемъ Македонскимъ, и Римляне, побѣждая вездѣ, не имѣли въ семъ никакого успѣха. Жаловались на неспособность полководцевъ, и народъ на этотъ разъ имѣлъ благоразуміе отказать льстецамъ, и выбрать искуснѣйшаго. »Римляне! сказалъ Павелъ Эмилій, принимая начальство, въ первый разъ я требовалъ Консульскаго достоинства для собственной моей чести; теперь принимаю его для вашей пользы. Естьли

вы въ комъ нибудь другомъ можете найти болѣе способностей, выберите его; я готовъ уступить свое право. Но естьли имѣете ко мнѣ полную довѣренность, то по обыкновенію своему не мѣшайтесь въ дѣла военачальника. Повинуйтесь, когда вамъ будутъ давать приказанія для пользы и славы республики. Вотъ все, чего я требую.« Рѣчь сія произвела желаемое дѣйствіе. До сихъ поръ народъ безпрестанно противорѣчилъ военачальникамъ и мѣшалъ имъ дѣйствовать; новый Консулъ зная, сколь поступки сіи вредны для успѣха, предупредилъ ихъ съ самаго начала и показалъ твердость, которая въ послѣдствіи была ему полезна.

Прибывъ въ Македонію, началъ онъ возстановлять воинское благоустройство, давно уже упущенное; потомъ продолжалъ войну съ великою дѣятельностію, наблюдая все, что предписываетъ полководцу благоразуміе и опытность; наконецъ далъ рѣшительное сраженіе, и Персей былъ побѣжденъ. Сей Государь былъ чрезвычайно скупъ и собралъ безчисленныя сокровища. Всѣ они достались Римлянамъ; Македонія превращена въ Римскую провинцію. Персей, убѣжав-

шій сперва въ Самоѳракію, былъ окруженъ въ своемъ убѣжищѣ, гдѣ потерявъ надежду, бросился къ ногамъ побѣдителя и просилъ пощады. Павелъ Эмилій принялъ его ласково и былъ весьма тронутъ его нещастіемъ; но Персей отъ подлости унижался столь много, что Римлянинъ почувствовалъ негодованіе. »Какъ! сказалъ онъ ему: не уже ли низкое поведеніе твое должно уменьшить мою славу? Не уже ли ты можешь казаться столь малодушнымъ? Не уже ли Римляне не должны ставить себѣ въ честь побѣды, одержанной надъ тобою?« Однакожъ при всемъ томъ поступалъ съ нимъ великодушно и старался по возможности смягчить жестокую судьбу сего Государя.

По окончаніи сей войны и возстановленіи въ новопріобрѣтенной странѣ нужнаго порядка, Павелъ Эмилій возвратился въ Римъ со всѣми сокровищами, взятыми у побѣжденнаго. Сей успѣхъ, столь долго ожиданный, произвелъ въ Римлянахъ величайшую радость; всякой воспѣвалъ похвалы въ честь Консула, который между тѣмъ едва не лишился тріумфа. Воины, которыхъ онъ содержалъ въ строгомъ порядкѣ, имѣли дерзость

жаловаться, и жалобы ихъ охотно выслушаны были нѣкоторыми завистниками, любившими унижать великихъ людей. Когда дѣло дошло до собиранія голосовъ о тріумфѣ, то Трибуны первые отказали. Сенаторы и благомыслящіе граждане, огорченные такою несправедливостію, тотчасъ встали, сдѣлали народу и воинамъ представленія по сему предмету, и наконецъ все поправили. »Римляне! вскричалъ Маркъ Сервилій, теперь-то должны вы почувствовать достоинство Павла Эмилія; онъ произвелъ въ дѣйство великія предпріятія съ необузданными и злонамѣренными воинами.« Народъ и войско признались со стыдомъ въ своей погрѣшности и загладили оную. Павелъ Эмилій получилъ торжественный въѣздъ. Цѣлые три дни выставляли сокровища, доставшіяся въ добычу Римлянъ, и старались доказать, сколь велика была слава, которую они присоединили къ прежнему своему блеску. Торжество сіе было столь превосходно и столь хорошо описано Плутархомъ, что я намѣренъ взять изъ него сіе великолѣпное изображеніе, не смотря на его обширность. Юные читатели по крайней мѣрѣ будутъ имѣть нѣко-

торое понятіе о праздникахъ, которые Римляне давали въ честь своихъ полководецъ и чрезъ то возбуждали собственное свое мужество.

«Сначала, говоритъ Плутархъ, народъ выстроилъ множество подмостковъ около цирка, площадей и другихъ мѣстъ, мимо коихъ надлежало слѣдовать процессіи. На сихъ подмосткахъ расположились всѣ жители въ лучшемъ своемъ одѣяніи. Всѣ храмы были отворены и наполнены цвѣтами и благовоніями. Во всѣхъ частяхъ города разставлены урядники, съ палками въ рукахъ, для содержанія народа въ порядкѣ; они также обязаны были ходить по городу, смотрѣть за чистотою улицъ, и не допускать, чтобъ тѣснились на нихъ люди.

«Потомъ началось торжественное шествіе, и продолжалось цѣлые три дня. Въ первый день едва могли быть показаны картины, портреты и статуи чрезмѣрной величины. Все это было отнято у непріятеля и везено на 250 повозкахъ. Въ слѣдующій день отправлены на множествѣ повозокъ лучшія и богатѣйшія оружія Македонскія: мѣдныя, желѣзныя, стальныя. Всѣ они были нарочно вычищены и производили ослѣпительный

блескЪ; а расположены съ такимЪ искусствомЪ, что, казалось, будто одни на другія набросаны безЪ всякаго порядка: шлемы лежали между щитовЪ, луки и колчаны сЪ стрѣлами между конскими приборами; обнаженные мечи, коихЪ острее выставлено наружу, между копьями. Оружія сіи, бывЪ положены одни на другихЪ и связаны не слишкомЪ крѣпко, во время везенія производили страшный звукЪ, такЪ что безЪ нѣкотораго ужаса нельзя было смотрѣть на одну сію добычу, отнятую у плѣнниковЪ и побѣжденныхЪ.

» За повозками 3000 человѣкЪ несли серебряную монету вЪ 750 сосудахЪ, изЪ коихЪ каждый вѣсилЪ около трехЪ талантовЪ и поддерживаемЪ былЪ четырмя человѣками. Другіе несли серебряныя чаши и кубки, сдѣланные на подобіе рога изобилія; и еще нѣкоторые прекрасную посуду, достойную замѣчанія какЪ по величинѣ своей, такЪ и по изящной рѣзной и выпуклой работѣ.

» На третій день поутру явились музыканты, игравшіе на трубахЪ не то, что обыкновенно играется при выступленіи вЪ походЪ или на смотрЪ, но то, что означаетЪ тревогу или

приступъ, для ободренія воиновъ при началѣ сраженія.

«За ними шли 120 жирныхъ и откормленныхъ быковъ, съ позолоченными рогами и съ вѣнками на головахъ. Юноши, имѣвшіе на себѣ шитые передники, вели ихъ на закланіе. Нѣсколько мальчиковъ несли прекрасные сосуды золотые и серебряные для окропленій и выливаній при жертвоприношеніи. За ними несены были золотыя монеты въ сосудахъ, содержащихъ въ себѣ по четыре таланта. Число ихъ простиралось до 77. Потомъ несли большую священную чашу, которую Эмилій приказалъ сдѣлать изъ цѣльнаго золота и украсить драгоцѣнными камнями для посвященія богамъ; она вѣсила 10 талантовъ. За симъ слѣдовали другіе сосуды, сдѣланные по образцу древнихъ, и великолѣпныя чаши прежнихъ Царей Македонскихъ; одна называлась *Антигонида*, другая *Селевкида*, и такъ далѣе. Наконецъ весь буфетъ и золотой приборъ Персея, за коимъ непосредственно ѣхала колесница съ оружіемъ, гдѣ между прочимъ находился весь конской приборъ его и царская повязка, называемая діадимою.

«Въ нѣкоторомъ разстояніи шли

взятые въ плѣнъ Царскіе дѣти съ своими дядьками, учителями и прислужниками. Всѣ они плакали, простирали къ народу руки и учили малыхъ дѣтей поступать такимъ же образомъ. Сынъ и дочь, по причинѣ малолѣтства, не чувствовали почти ничего и не имѣли понятія о своемъ бѣдствіи; зрители тѣмъ болѣе сожалѣли о сихъ бѣдныхъ младенцахъ, и занимаясь ими, почти не взглянули на отца; многіе проливали слезы, что составляло вмѣстѣ пріятное и печальное зрѣлище.

«Персей, отецъ, слѣдовалъ за дѣтьми своими и семействомъ. Онъ былъ одѣтъ въ черное платье и имѣлъ на ногахъ туфли, по обыкновенію земли своей. Видъ сего нещастнаго Государя показывалъ, что претерпѣваемыя имъ бѣдствія лишили его чувствъ и разсудка. За нимъ шли его домашніе, друзья, чиновники и слуги, съ унылымъ и даже отчаяннымъ видомъ. Устремя взоры свои на Царя, давали они знать, что оплакиваютъ единственно его нещастное положеніе, забывая свое собственное.»

Сказываютъ, будто Персей посылалъ къ Павлу Эмилію просить, чтобъ его не вели съ прочими по городу; но

Эмилій, посмѣявшись, какъ и должно было, надъ сею подлостію, отвѣчалъ: „это и прежде и теперь состоитъ въ его волѣ,“ давая чувствовать, что онъ долженъ предпочесть смерть безславію. Однакожъ Персей не имѣлъ твердости рѣшиться на такой поступокъ: столько онъ былъ низокъ! Далѣе несены были 400 золотыхъ коронъ, присланныя нарочно къ Павлу Эмилію отъ всѣхъ городовъ Греческихъ въ честь его побѣды. Въ заключеніе же всего ѣхалъ онъ самъ на торжественной колесницѣ, украшенной весьма великолѣпно, что составляло прекрасное зрѣлище; ибо самъ полководецъ, изключая всю пышность, заслуживалъ, чтобъ взглянуть на него. Онъ былъ одѣтъ въ пурпуровое платье съ золотыми лучами и держалъ въ правой рукѣ лавровую вѣтвь, такъ какъ и все войско, которое раздѣлясь на части, слѣдовало за торжественною колесницею предводителя своего, при чемъ нѣкоторые воины пѣли побѣдныя пѣсни, обыкновенныя въ такомъ случаѣ у Римлянъ, съ прибавленіемъ шутокъ на счетъ полководца; другіе напротивъ прославляли до чрезвычайности его побѣды: всѣ вообще хвалили и уважали Эми-

лія, не оказывая ни малѣйшей зависти или злобы."

Такое щастіе не было однакожъ безъ огорченія. Въ то самое время, какъ Эмилій торжествовалъ публично, семейство его находилось въ уныніи. Одинъ изъ его дѣтей умеръ за пять дней до торжества сего, а другой скончался три дня спустя. Онъ сносилъ нещастіе свое съ твердостію мудреца.

Римляне, изъ великаго уваженія къ достоинствамъ Эмилія, выбрали его черезъ нѣсколько времени въ Ценсоры: должность, которая обыкновенно препоручалась отличнѣйшимъ и добродѣтельнѣйшимъ гражданамъ. Во время отправленія сего званія сдѣлался онъ боленъ, и умеръ за 168 лѣтъ до нашего лѣтосчисленія. Всѣ Римляне и даже иностранцы сожалѣли объ немъ. Онъ былъ столько же справедливъ, сколько и благоразуменъ, и не менѣе кротокъ, какъ и твердъ. Онъ не иначе прибѣгалъ къ строгости, какъ только въ случаяхъ, имѣющихъ въ виду общую пользу. Будучи чувствителенъ къ бѣдствію другихъ, сносилъ онъ мужественно собственныя свои нещастія. Главнѣйшее доказательство добродѣтели его состо-

итъ въ томъ, что онъ тотчасъ отдалъ въ руки Квесторовъ всѣ несмѣтныя сокровища Персеевы, доставшіяся ему послѣ побѣды, и оставилъ у себя одну только библіотеку сего Государя. Послѣ смерти его такъ мало осталось имѣнія, что едва можно было выдать женѣ его слѣдующую ей часть денегъ; однакожъ при всей посредственности своего состоянія онъ умѣлъ быть щедрымъ. Таковъ былъ Павелъ Эмилій!

СЦИПІОНЪ АФРИКАНСКІЙ МЛАДШІЙ,

полководецъ римскій,

живщій около 158 года до Рожд. Христ.

Павелъ Эмилій имѣлъ двухъ сыновей достойныхъ его. Самый извѣстнѣйшій былъ Сципіонъ Младшій, котораго сынъ усыновилъ Сципіона Африканскаго и сдѣлалъ главнымъ наслѣдникомъ всего своего имѣнія и богатства. Юный Сципіонъ началъ оказывать величайшее свое искусство въ войнѣ, которую отецъ его велъ съ Царемъ Македонскимъ. Потомъ сдѣлался извѣстнымъ по своему безкорыстію.

По смерти Павла Эмилія, уступилъ онъ брату своему Фабію часть, принадлежащую ему по наслѣдству, и даже отдалъ ему половину собственнаго имѣнія, чтобъ привесть его въ состояніе по желанію своему сдѣлать игры при гробницѣ отца своего.

Прослуживъ нѣсколько времени въ войскѣ подъ начальствомъ Павла Эмилія, отправился онъ въ Испанію въ должности легіоннаго Трибуна. Ему было тогда не болѣе 30 лѣтъ; но онъ храбростію своею и добродѣтелями доказалъ, чего надлежало ожидать отъ него. Одинъ Испанецъ, чрезвычайнаго роста, вызывалъ Римлянъ на поединокъ. Сципіонъ принялъ предложеніе и побѣдилъ его. Побѣда сія ускорила взятіе Интеркаціи. Юный герой первый пошелъ на приступъ и получилъ стѣнную корону (*). Воинская его слава и добродѣтели сдѣлались такъ извѣстны, что Царь Масинисса умирая, поручилъ ему раздѣлъ государства между тремя своими сынами.

Имя и дѣянія Сципіоновы напоминали древняго побѣдителя Кареагена.

(*) Вѣнецъ, который давали Римляне тому, кто на приступѣ первый взойдетъ на стѣну.

Римляне, желая истребить сей соперническій городЪ, поручили ему продолженіе и окончаніе новой войны Африканской. Они дали ему, такЪ какЪ и названному дѣду его, позволеніе выбрать себѣ товарища. СципіонЪ, чтобЪ болѣе имѣть сходства сЪ своимЪ характеромЪ, выбралЪ Лелія, искренняго своего друга, сына того славнаго Лелія, который столь хорошо вспомоществовалЪ побѣдителю Аннибала. СципіонЪ не ошибся вЪ своемЪ мнѣніи; онЪ началЪ продолжать осаду, которая уже начата была, сЪ великою дѣятельностію, и выдумалЪ для пріобрѣтенія успѣха почти невѣроятное искусство. Линіи осаждающихЪ не были довольно сжаты. ЧтобЪ поправить сей недостатокЪ, онЪ расположилЪ свой лагерь на перешейкѣ, посредствомЪ котораго твердая земля сообщалась сЪ полуостровомЪ, гдѣ построенЪ былЪ КарѳагенЪ. СимЪ способомЪ отнялЪ онЪ у осажденныхЪ всю надежду вЪ полученіи сЪ этой стороны сѣестныхЪ припасовЪ. Но они могли еще получать ихЪ сЪ моря; ибо Римскіе корабли не смѣли приближиться на выстрѣлЪ военныхЪ махинЪ, которыя могли вредить имЪ. СципіонЪ отнялЪ у нихЪ и сію послѣднюю под-

пору, заградивъ входъ въ ихъ пристань долгою и широкою каменною плотиною. Плотина сія, какъ говорятъ, имѣла 24 фута ширины вверху и 92 внизу. Тогда Карѳагенцы сдѣлали еще удивительнѣйшее дѣло. Городъ ихъ имѣлъ 700.000 жителей, которые всѣ, какъ мужчины, такъ женщины, даже дѣти, вырыли новую пристань и построили флотъ. Римляне крайне изумились, увидя изъ среды песчаныхъ береговъ вышедшія 50 галеръ, которыя приближились въ хорошемъ порядкѣ и въ готовности дать сраженіе для поддержанія присланаго къ нимъ конвоя. Думаютъ, что Карѳагнцы поступили весьма дурно, что не напали на Римскіе корабли при семъ нечаянномъ появленіи. Они дали сраженіе черезъ три дня, и оно кончилось не въ ихъ пользу. Консулъ овладѣлъ терассою, которая повелѣвала городомъ со стороны моря, сдѣлалъ окопъ и поставилъ тамъ 4000 воиновъ на зимнее время. Наконецъ его труды, его прозорливость и стараніе получили награду. Карѳагенъ палъ подъ власть Римлянъ и былъ разоренъ до основанія. По возвращеніи въ Римъ Сципіонъ получилъ торжественныя почести и присвоилъ себѣ по заслугѣ названіе *Африканскаго*, ко-

торое онъ носилъ уже по праву наслѣдства.

Онъ избранъ былъ вторично Консуломъ и имѣлъ препорученіе разрушить еще другой славный городъ Нуманцію, который завоевалъ, и за взятіе котораго удостоенъ втораго тріумфа, съ названіемъ *Нумантійскаго.*

Сципіонъ также былъ Ценсоромъ. Утверждаютъ, что онъ, отправляя обыкновенное жертвоприношеніе, по случаю празднованія пятилѣтія, сказалъ чиновнику, читавшему молитву о приведеніи дѣлъ Римской республики въ лучшее состояніе: Дѣла и такъ находятся въ самомъ лучшемъ и блистательномъ положеніи; я прошу боговъ только о томъ, чтобъ они сохранили ихъ навсегда такими.« Проговоря сіе, тотчасъ приказалъ перемѣнить молитву, и Ценсоры, изъ уваженія къ нему, всегда велѣли читать ее такимъ образомъ при торжествованіи пятилѣтія.

Сципіонъ былъ женатъ на Семпроніи, сестрѣ Гракховъ; однакожъ всегда противорѣчилъ симъ послѣднимъ, какъ скоро они предпринимали унизить Сенатъ и раздѣлить завоеванныя земли, которыми вельможи непримѣтнымъ образомъ овладѣли. Но

вѣ тотѣ самый день, какѣ онѣ сѣ большею силою возставалѣ противѣ ихѣ затѣевѣ, лишили его жизни на постелѣ. Не извѣстно, какой злодѣй умертвилѣ столь великаго человѣка. Народѣ, боявшійся найти Каія Гракха виновнымѣ вѣ семѣ убійствѣ, не сталѣ производить слѣдствія. Такимѣ образомѣ убійца остался безѣ наказанія, а побѣдитель Карѳагена безѣ отмщенія.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

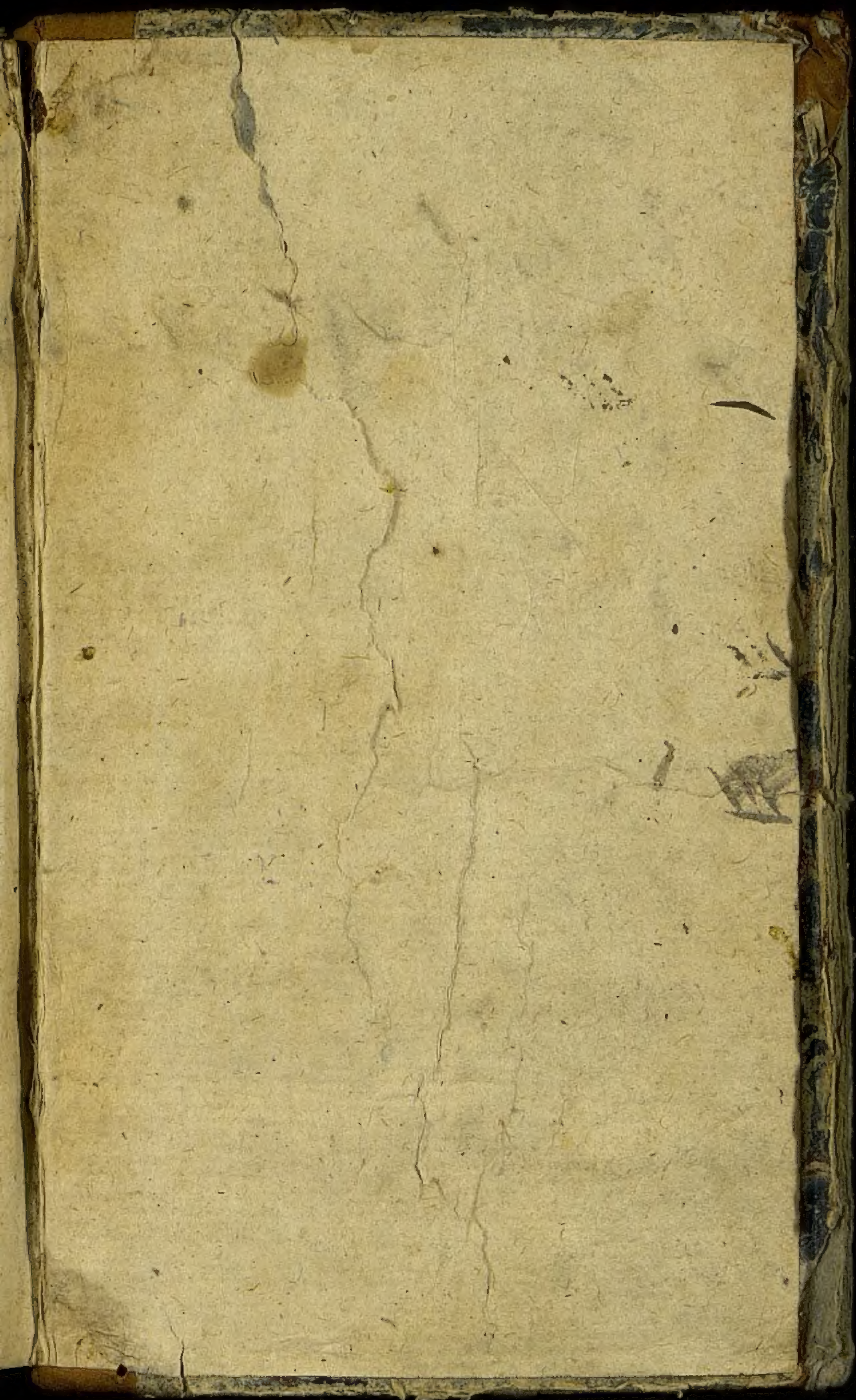
ОГЛАВЛЕНІЕ

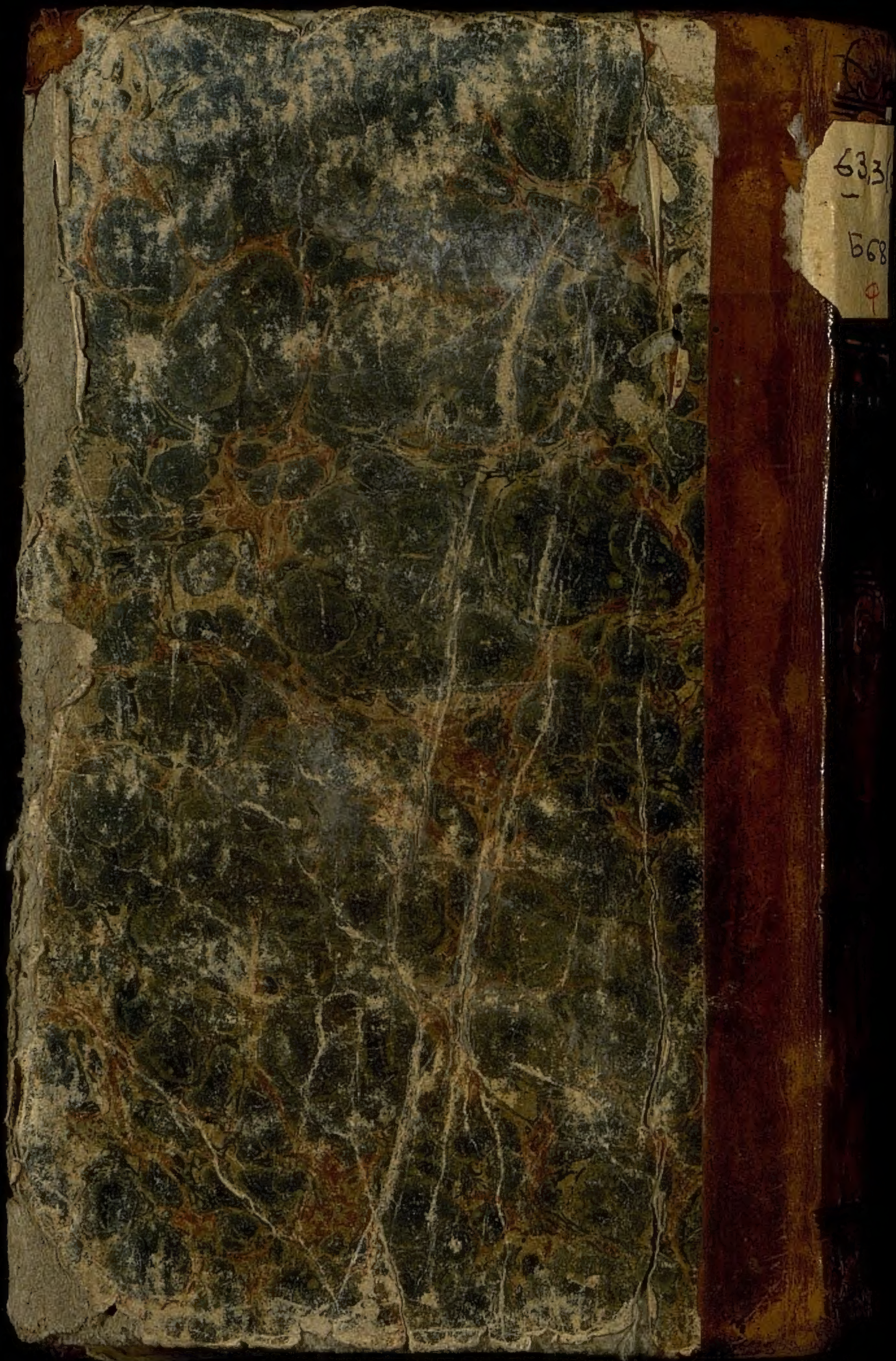
Второй Части.

1887 г.

yrr.cold.

Alexandru Kupensne-
pugpuxa.
Alexandru Belukiu
u Snarebicers Salovel-
kiu

63,3(
Б68
ф